

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 3

№ 3

П А Р Т И З Д А Т

Изд-во ЦК ВКП(б) — ПАРТИЗДАТ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
на 1933 год
НА ЖУРНАЛ

КОНЪЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Орган конъюнктурного отдела Института мирового хозяйства и мировой политики Комкадагми.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й
12 номеров в год

Ответственный редактор Е. ВАРГА

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ:

1. Освещать конъюнктуру мирового хозяйства по странам и отраслям.
2. Освещать развитие мирового кризиса.
3. Давать систематический марксистский анализ положения мирового хозяйства в свете борьбы двух систем.
4. Систематически помещать цифровой материал, характеризующий конъюнктуру мирового хозяйства.
5. Давать библиографию по вопросам мирового хозяйства.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 12 мес. — 30 р. — к.
" 6 " — 15 " — .
" 3 " — 7 . 50 .

Цена отдельн. ном. — 2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и киосками, Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письмоносецами и почтовыми отделениями. Подписку необходимо сдавать заблаговременно.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г О Д
ИЗДАНИЯ
П Я Т Ы Й

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Л
А
Ж
У
Р
Н
А
Л
И
Н
Ы
Ч
И
К
И
С
Е
М
Е
С
У
Д
В

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 3

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1933

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К Лондонской мировой экономической конференции	3
Л. Фрейтах — Обращение и воспроизводство капитала (теория Маркса и ее искажения с.-д.)	13
Д. Мессзон — К вопросу о теории концентрации Маркса	43
С. Слуцкина — К вопросу о материалистическ. диалектике в «капитале» Маркса	71
Л. Зиман — Об основных типах стран в современном капиталистическом хозяйстве	101
П. Перельштейн и Н. Никитин — К вопросу о природе Советских денег	125
И. Дворкин — Программа германского фашизма	156
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	
О. Губарева — Эскин „Социалистические формы труда“	181

К ЛОНДОНСКОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Мировой экономический кризис вступил в новую фазу своего развития со второй половины 1932 г. Эта новая фаза на арене мирового капиталистического хозяйства характеризуется чрезвычайным обострением империалистических противоречий между важнейшими капиталистическими странами. Главным из этих противоречий является противоречие между САСШ и Англией, за которым уже идут противоречия между Америкой и Японией, Германией и Францией и др. Эта новая фаза кризиса характеризуется, далее, углубляющимся обострением противоречий между империалистами, с одной стороны, и рабочим классом и трудящимся крестьянством — с другой, во всех странах, что привело уже в 1932 г. к своему логическому концу относительную капиталистическую стабилизацию. Обострение этих основных противоречий мирового капитализма — противоречий, определяющих собой все более ускоряющийся переход к новому туру революций и войн, — обусловило дальнейшее развертывание кризиса и возникновение новых линий и узлов империалистических противоречий, новые формы обостренной борьбы между империалистическими странами. Вслед за кредитным кризисом разразился валютный кризис, и на этой базе началась открытая экономическая война между главнейшими капиталистическими странами. Особо интенсивно ведется эта борьба между САСШ и Англией — этими гигантами мировой системы империализма.

В этой атмосфере все углубляющегося небывалого кризиса капитализма была созвана в июне 1933 г. очередная мировая экономическая конференция в Лондоне, которая по официальной повестке, установленной инициаторами созыва в январе 1933 г., должна была заняться всеми вопросами, разъедающими капиталистическое хозяйство, и найти выход из кризиса, улучшить и восстановить валюты, цены, мировую торговлю, которая сократилась за годы кризиса на 65%, снизить таможенные тарифы и пустить сократившееся почти наполовину производство в капиталистических странах.

Из крупных международных конференций подобного рода лондонская является третьей по счету. Первой была генуэзская конференция 1922 г., которая собралась в период всеобщей послевоенной дезорганизации капиталистического хозяйства, разрушенного войной. Вторая международная конференция была созвана в мае 1927 г. в Женеве, в первый год относительной стабилизации капитализма. Лондонская конференция созвана на четвертом году мирового кризиса капитализма, в период новой фазы развития этого кризиса.

Идея созыва лондонской конференции родилась на лозаннской конференции летом 1932 г., которая занималась подведением итогов германских репараций. Участники конференции вынуждены были считаться с фактами, которые говорили о том, что кризис подвел Германию вплотную к банкротству и что она уже не сможет платить по репарационным долгам и коммерческим кредитам. Германские репарации в значительной своей части были перечеркнуты не по «доброй воле» ее кредиторов, а кризисом. Участники лозаннской конференции пытались использовать свои вынужденные решения по репарацион-

ному вопросу для того, чтобы в международном масштабе поставить вопрос о судьбе послевоенных долгов. Они исходили из того, что между германскими репарациями и военными долгами имеется внутренняя тесная связь, что уступки, сделанные Германии ее репарационными кредиторами, должны автоматически привести к таким же уступкам со стороны САСШ.

1932 год — период, когда происходила лозаннская конференция, — был первым годом отказа Англии от золотого стандарта. Замысел англичан, которые фактически являлись инициаторами созыва лондонской конференции, заключался в том, чтобы поставить свое возвращение к золотому стандарту в зависимость от уступок САСШ в вопросе о военных долгах. На этой базе англичанам нетрудно было собрать вокруг себя других должников САСШ — Францию, Италию и т. д. — и выступить во главе определенного блока американских должников.

Первая стычка между этим блоком и САСШ произошла в декабре 1932 г., накануне очередного платежа по военным долгам. В дипломатической переписке, которая происходила между Гувером и правительством Англии и Франции, САСШ четко сформулировали свою позицию. Гувер в ответ на обращение правительств Англии и Франции, предлагавших созвать конференцию по военным долгам, ответил, что между репарациями и военными долгами нет никакой связи и что САСШ готовы обсудить с каждым из должников вопрос о пересмотре долговой проблемы лишь на основе соответствующих компенсаций. САСШ потребовали от Англии возвращения к золотому стандарту и прежнему паритету фунта стерлингов, отмены протекционистских тарифов, в первую очередь оттавских соглашений.

Этот ответ Гувера заключал в себе боевую программу американского империализма, в которой вопрос об обеспечении преимуществ для американской экспансии на мировых рынках занимал доминирующее место. Следует учесть, что к концу 1932 г. выявилась чрезвычайно важная подробность. Она состояла в том, что англичане, не увеличив объема своей внешней торговли, все же вытеснили САСШ с первого на второе место в мировой торговле. С 1929 по 1932 г. американский экспорт уменьшился на 69%, Англии — на 68%, а Германии — на 57%. Доля участия САСШ в мировой торговле составляла в 1929 г. 15,7%, а Англии — 14,8%. В 1932 г. доля САСШ составляла всего лишь 12,4%, а Англии — 15,4%. Американцы, выдвигая требование о возвращении Англии к золотому стандарту, имели в виду главным образом лишение ее преимуществ валютного демпинга. Выдвигая требование снижения тарифов, они в то же время атаковали оттавские соглашения, которые, с одной стороны, преграждали путь американской экспансии в английские доминионы, главным образом в Канаду и Австралию, а с другой стороны, способствовали замедлению центробежных сил внутри Британской империи, т. е. распаду этого главного империалистического соперника САСШ. В декабре 1932 г., когда Гувер вел переписку по вопросу о долгах с Англией и САСШ, доллар еще сохранял базу золотого стандарта. Американцы пытались выбить из рук своего соперника обесцененный почти на 30% фунт стерлингов — оружие экономического наступления.

В этом эпизоде, происшедшем во взаимоотношениях Англии и САСШ, в очень наглядной форме получили свое выражение основные противоречия между Англией и САСШ к концу третьего года мирового кризиса. Уже тогда обе стороны находились в состоянии экономической войны. Небезынтересно отметить, что наличие экономи-

ческой войны вынуждены были признать и эксперты подготовительной комиссии к лондонской конференции в своем заключении. Перечисляя мероприятия, которые применяются капиталистическими странами в их экономической борьбе, как-то: товарный и валютный демпинг, всяческие ограничения свободы движения валюты и капиталов, протекционизм и торговые дискриминации, эксперты приходят к следующему выводу: «Задуманные в целях защиты, а во многих случаях вынужденные неустрашимыми денежными и финансовыми опасностями, эти меры разрослись до состояния фактической экономической войны». Таким образом даже буржуазные эксперты не могли пройти мимо того обстоятельства, что все углубляющийся мировой кризис перерос в международную экономическую войну.

Факт обострения противоречий между САСШ, Англией и Францией по вопросу о долгах проливал уже свет на события, которые разыгрывались накануне лондонской экономической конференции, выявлял более отчетливо позиции борющихся сторон и расстановку сил на самой конференции, а также определял характер «подготовки» главных капиталистических стран к этой конференции.

В мае 1933 г. Макдональд отправился в Вашингтон, для того чтобы предварительно выяснить с Рузвельтом, вступившим в исполнение своих президентских обязанностей, возможность какого-либо предварительного англо-американского соглашения на лондонской экономической конференции. За день до его приезда Рузвельт вынужден был всем развитием экономического кризиса отказаться от золотого стандарта. Отказ САСШ от золотого стандарта и переход к открытой инфляции являются выражением все углубляющегося кризиса всего капиталистического хозяйства САСШ, потрясения его кредитной и валютной системы. Этот отказ от золотого стандарта и инфляция являются также выражением резкого обострения борьбы за рынки, в особенности между Англией и САСШ. Свой вынужденный отказ от золотого стандарта американцы используют теперь в борьбе с Англией. Если раньше они готовы были идти на кое-какие уступки в области военных долгов и отчасти в области тарифной политики, то после отказа от золотого стандарта их позиция изменилась. Вступив на путь инфляции, САСШ больше не заинтересованы в том, чтобы платить Англии какими-либо компенсациями за ее возвращение к стабильной валюте. Обесцененный доллар — это отточенное оружие в экономической войне. В его устранении Англия сейчас не менее заинтересована, чем САСШ до своего отказа от золотого стандарта в стабилизации фунта стерлингов. Равным образом уменьшилась и заинтересованность САСШ в тарифных проблемах. Раньше протекционистские тарифы препятствовали американской экспансии. Сейчас американцы рассчитывают, что обесцененный доллар даст им возможность преодолеть любую таможенную преграду. Таким образом отказ САСШ от золотого стандарта означал еще большее обострение экономической войны. Вместе с тем он опрокидывал и все ранее намечавшиеся перспективы лондонской конференции. Уже эти факты в обостренной борьбе между двумя гигантами мировой капиталистической системы говорили с самого начала конференции, что она создана не для «мирного» разрешения важных экономических проблем мирового капитализма, а для борьбы конкурентов, для прощупывания и выяснения сил противников в экономической войне с целью противопоставления им не менее эффективного экономического кулака.

Не менее «эффективно» подготавливались к этой конференции и другие крупнокапиталистические страны. Известно, что к числу старых

противоречий, которые обострились к моменту конференции, относятся противоречия между Германией и ее кредиторами. Это обострение выразилось в том, что накануне открытия конференции германский Рейхсбанк вынужден был всем ходом развертывания кризиса объявить о моратории трансфера платежей Германией по коммерческим долгам. Этим самым Германия поставила американских, английских и французских банкиров, которые не хотят терять своих денег и, открывающуюся мировую экономическую конференцию перед совершившимся фактом нового обострения борьбы за большую долю того, что может дать Германия по своим долгам. Но не только Германия внесла свою лепту в «подготовку» к конференции. Франция «подготовилась» к ней повышением таможенных пошлин, направленных против САСШ и Англии. Англия помимо инфляции и повышения пошлин «подготовилась» к конференции объявлением экономической войны своему старому союзнику — Японии путем расторжения торгового договора между Японией и Индией, повышения пошлин на японские текстильные товары на 75% их стоимости и еще большего значительного предпочтения ввоза английских товаров в Индию. Япония ответила на это бойкотом индийского хлопка и угрозой сговориться с САСШ за счет Англии.

Таков в основных чертах тот лабиринт противоречий и форм борьбы между капиталистическими странами, в удушливых газах которого открылась и работала лондонская экономическая конференция и который не обеспечил и не мог обеспечить ее успеха.

В европейской и американской печати можно часто встретить указания на то, что лондонская экономическая конференция была «созвана слишком рано, что она была недостаточно подготовлена предварительными соглашениями между ее главнейшими участниками. Дело конечно не в том, что главные участники недостаточно сговорились между собою. Они не сговорились не потому, что не хотели, а потому, что не могли. Эксперты в своей докладной записке приходили к следующему выводу относительно целей и задач лондонской экономической конференции. «В основном программа конференции должна быть программой экономического разоружения. В Лозанне было подписано экономическое перемирие. Лондонская конференция должна выработать экономический мирный договор».

Международные конференции собираются для того, чтобы на основе изменившегося соотношения сил перераспределить мировые спорные объекты, причем более сильные обеспечивают за собой ряд преимуществ за счет более слабых, слабым приходится приносить жертвы более сильным. Когда англичане на лозаннской конференции выдвинули предложение о созыве мировой экономической конференции, они исходили из того, что мировое положение складывается для них более благоприятно, чем для САСШ, и что на основе нового соотношения сил они смогут отвоевать у САСШ мировую гегемонию или хотя бы произвести передел мировых рынков в своих интересах. Мировой кризис потряс американский капитализм гораздо сильнее, чем капитализм Англии. Оттавские соглашения временно консолидировали силы Британской империи. Поражение САСШ на Дальнем Востоке ослабило международно-политический вес американского империализма. Эти соображения и побуждали англичан, вооруженных уже валютным демпингом, предложить созыв мировой экономической конференции, на которой они рассчитывали дать американцам беспроигрышный для себя бой.

САСШ, отказавшись от золотого стандарта, приняли закон Томаса,

который уполномочивает президента в зависимости от обстановки пойти на снижение золотой стоимости доллара до 50%. Затем они провели через конгресс закон, предоставляющий президенту полномочия повышать и снижать таможенные тарифы. Таким образом американцы для лондонской встречи вооружили свою делегацию достаточно мощными средствами наступления. Но эти средства даже не применены полностью в открытом бою. Бой, разыгравшийся в самом начале конференции, сразу же выявил перспективы ее неизбежного печального исхода. Воюющие стороны своим отношением к конференции показали еще до выявления результатов развернувшегося сражения, что никакое соглашение не может удовлетворить ни ту, ни другую сторону.

В этом отношении чрезвычайно показательным является поворот, совершенный американской делегацией на лондонской экономической конференции в ночь с 18 на 19 июня. В здании Английского банка 18 июня происходило совещание американских, английских и французских банкиров. На этом совещании обсуждался вопрос об установлении нового соотношения между долларом и фунтом. Первоначально англичане настаивали на том, чтобы курс фунта относился к доллару, как 3,5 : 1. Американцы, наоборот, настаивали на том, чтобы это соотношение было установлено, как 4,2 : 1. Этот спор имеет решающее значение, ибо от нового соотношения фунта и доллара зависят вся сумма торгово-политических преимуществ и вся сила напора экспансии на мировых рынках. В этих цифрах должна была отобразиться новая расстановка сил на мировой арене. На их основе по существу и должен быть произведен новый передел рынков. Но как только сведения о намечающемся соглашении о стабилизации валют дошли до Америки, биржа и товарные рынки реагировали на них резко понижательной тенденцией. Курсы акций покатались вниз, покатались вниз и цены на с.-х. продукты. Рузвельт немедленно дал директиву своей делегации отказаться от какого бы то ни было соглашения и заявить, что САСШ категорически возражают против стабилизации доллара. Эта директива Рузвельта была предопределена внутривластными соображениями.

Правительственная пропаганда возбудила множество иллюзий в фермерских массах и среди промышленников. Под влиянием инфляции начался своеобразный «конъюнктурный бум», цены, главным образом на продукты сельского хозяйства, пошли вверх, бегство от доллара привело к усилению розничной и оптовой торговли, государственные заказы сказались благоприятно на работе промышленности. Авторитет и престиж Рузвельта тесно связаны с высотой цен и курсов акций. Если бы падение цен и курсов акций продолжалось, то режим Рузвельта повис бы в воздухе. Опасаясь обострения внутреннего положения страны, нового взрыва фермерского бунта, массовых банкротств и т. д., Рузвельт должен был бить отбой. Этот эпизод, как и эпизод переговоров Рузвельта с правительствами Англии и Франции о долгах, наглядно обрисовывает линии политики американского империализма на данном этапе. Катастрофическое внутреннее положение вынуждает американских империалистов обратить особое внимание на свою страну. Этим объясняется победа так называемого изоляционистского течения среди правящих кругов САСШ. Растерянность и беспомощность—таковы основные черты этой политики, ибо вся эта политика построена на достижении внешних эффектов, на абсолютно несостоятельной теории возможности лечения последствий кризиса мерами финансово-технического порядка и изживания кризиса со сто-

розы дснег. В политике Рузвельта эта теория занимает не меньшее место, чем в политике Гувера, который полагал, что достаточно создать определенный фонд для кредитования, для спасения банкротящихся предприятий и банков (мы имеем в виду реконструктивную финансовую корпорацию), чтобы преодолеть кризис. «Мозговой трест» Рузвельта тоже полагает, что достаточно обесценить доллар и поднять номинальную цену, чтобы внести струю оздоровления и свежей крови в склеротические сосуды американского капитализма.

Мы знаем, что инфляционистская конъюнктура продолжается до тех пор, пока между внутренними ценами и ценами на мировых рынках сохраняется определенная диспропорция. В первый период инфляции цены на внутреннем рынке растут медленнее, чем падение курса валюты на внешнем рынке. Это обстоятельство и гарантирует обладателям материальных ценностей и экспортерам определенные выгоды. Но как только цены на внутреннем рынке начинают повышаться быстрее, чем происходит падение курса валюты, инфляционная конъюнктура превращается в удавную петлю. Эту удавную петлю ощутили на себе в достаточной мере и Франция, и Германия, и другие страны капитализма в период послевоенной инфляции. В нынешней обстановке для САСШ фермер требует снижения своей задолженности, он требует высоких цен. Администрация Рузвельта дает ему это при помощи инфляции. Это основное.

Не для того САСШ отказывались от золотого стандарта и вступили на путь развернутой инфляции, чтобы пойти на «экономическое перемирие», т. е. пойти на отказ от применения тех средств экономической войны, которые они приобрели с момента отказа от золотого стандарта. Правящие круги САСШ и «мозговой трест» Рузвельта еще не видят перспективы превращения «инфляционного бума» в удавную петлю. Это предreshало уже крах лондонской конференции и дальнейшее обострение кризиса. Лондонская конференция — это арена открытого экономического боя, прежде всего и главным образом между САСШ и Англией.

В условиях валютной войны никакие соглашения таможенного или тарифного порядка, никакие экономические соглашения не могут иметь прочной базы. Далеко не случайно англичане, выбитые со своих позиций отказом САСШ от золотого стандарта, судорожно цепляются за так называемый «каучуковый фунт». Сущность этого «каучукового фунта» заключается в том, чтобы установить на основе временной стабилизации определенный курс фунта и поддерживать его, а за это время заключить ряд международных соглашений о повышении цен. Американцы осуществляют повышение цен через инфляцию. На это англичане отвечают им повышением цен на основе ограниченной инфляции, сокращения производства как промышленного, так и с.-х. и на основе «открытой рыночной кредитной политики». Американцы в принципе не возражают и против такого метода повышения цен. Но этот метод кажется им слишком длительным и мало эффективным, в то время как инфляция дает немедленные же результаты в виде «инфляционного бума». Этому требуют соображения внутренней политики.

Английская теория повышения цен при помощи сокращения производства и кредитной инфляции столь же мало состоятельна, как и американская политика инфляции. В период нынешнего кризиса мировое промышленное производство сократилось свыше чем на 30%, а в некоторых странах капитализма — и на 50—60%. Но цены от этого отнюдь не возросли. Правительства к тому же прилагали все усилия, чтобы удовлетворить спрос на кредиты, но это приводило лишь к

замораживанию миллиардов, а не к повышению цен. В январе — феврале текущего года производство американской стальной промышленности сократилось до 12% ее производственной мощности. Но цены на сталь не возросли. Не одну сотню миллионов долларов правительство Гувера ухлопало на кредитование моргановского стального треста, но никакого эффекта это не дало. Нет никакой гарантии в том, что международные соглашения картельного порядка, предусматривающие сокращение производства, дадут другие результаты. Встает вопрос, как можно установить такой уровень производства, который обеспечил бы повышение спроса над предложением, т. е. соотношение, обратное тому, которое имеется в настоящий момент. Далее встает вопрос и о квотах в таком картельном соглашении. Без упорной борьбы, без выявления соотношения сил такие квоты не смогут быть установлены. Но даже если предположить, что такие квоты удалось бы установить, то существование таких картелей ни в коей мере не может воспрепятствовать падению цен. Правда, цены картелированных отраслей промышленности удержались дольше, чем других отраслей промышленности, но уже в третьем году кризиса они покатались вниз, и картели распались.

Еще больше затруднений встретила бы попытка международного соглашения об ограничении с.-х. производства. В условиях, когда цены под влиянием инфляции на продукты американского сельского хозяйства повышаются, вряд ли кому-либо удастся уговорить фермеров сократить свое производство. Таких попыток ограничения и сокращения с.-х. производства страны капитала делали немало, но все они окончились позорным провалом. Напомним хотя бы о многочисленных аграрных конференциях придунайских стран и Польши в течение последних четырех лет, римскую аграрную конференцию, лондонскую пшеничную и т. д. Воз и ныне там.

Английское предложение, которое было сформулировано Чемберленом, страдает тем же основным пороком — безнадежной попыткой лечения симптомов болезни при помощи знахарских средств.

В тех мероприятиях, которые выдвигались на лондонской конференции, равным образом и в докладе экспертов, сказалась полная бесплодность творческой мысли буржуазии, ее неспособность решать поставленные перед ней задачи. Для иллюстрации приведем несколько рецептов, которые выдвигали эксперты. Касаясь денежной и кредитной политики, эксперты заявляют: «Задача должна заключаться в восстановлении эффективного международного денежного стандарта, который мог бы быть приемлем для стран, отказавшихся от золотого стандарта». Но как восстановить такой эффективный международный денежный стандарт, чтобы он был приемлем для отказавшихся от золотого стандарта, эксперты не указывают, ограничиваясь лишь констатацией печального факта, что «для создания такого стандарта требуется множество предварительных условий, без осуществления которых новый стандарт мог бы рухнуть подобно старому». А ведь весь вопрос заключается именно в том, что этих «предварительных условий» нет, ибо кризис не прекратился, а продолжается и разрушительное его действие не приостановилось. Благие пожелания, высказываемые экспертами, так и останутся благими пожеланиями.

Приведем другую иллюстрацию. Касаясь вопроса о поднятии цен, эксперты заявляют: а) На первом месте в качестве метода восстановления «потерянного равновесия» между себестоимостью и ценами следует рекомендовать снижение зарплаты. В некоторых странах этого

рса снижение достигло 20—25% (на самом деле гораздо выше—*Ред.*). Но каждое дальнейшее значительное снижение встречает увеличивающееся сопротивление. б) Равновесие может быть восстановлено путем повышения цен. Одним из способов является ограничение производства. В странах со свободным золотым стандартом и обширными золотыми запасами повышению цен способствовала бы широкая кредитная политика. Для того чтобы широкая кредитная политика могла оказать желательное влияние на цены, необходимо, чтобы возросла потребность в кредите. Но для этого должен возрасти спрос. Таковы выводы экспертов.

А если спрос не возрастет? На это эксперты отвечают, что он должен возрасти, так как «его бесконечное сокращение немислимо»: Итак, что же нам преподносит «творческая мысль» буржуазных экономистов? Необходимо повышение спроса. Это всем известно, но все дело в том, что повышение спроса зависит не от доброй воли, а от суммы экономических и социальных процессов. Падение спроса нельзя превратить в его противоположность кредитованием промышленников и улучшением материального положения трудящихся. Ограничиться лишь кредитованием общественных работ, со стороны которых должен увеличиться спрос на капитальное оборудование? Такая постановка вопроса вплотную подводит, хотя и с заднего крыльца, все к тому же вопросу об инфляции, ибо государственные бюджеты дефицитны и крупнейшие многомиллиардные ассигнования на общественные работы могут быть произведены только или за счет международного кредита, а сейчас денег никто не даст, или за счет печатного станка. Но этим ни в какой мере не разрешаются ни проблема безработицы, ни проблема платежеспособного спроса.

Так беспомощно болтаются между тремя соснами буржуазные экономисты, рассчитывающие повидимому, что им удастся обмануть природу капиталистического хозяйства и наивными паллиативами приостановить действие кризиса, все более разъедающего капитализм. Подобная эквилибристика только лишней раз подчеркивает полную импотентность правящих кругов буржуазии, которая проистекает от той простой истины, что в распоряжении капитализма нет средств спасти себя от историей предрешиной судьбы, от неминуемой гибели.

Лондонская конференция имела очень мало шансов на какой-либо успех. Крах как неизбежный конец этой конференции был предрешиен тем, что представленные в ней империалистические страны ставили перед собой цель не экономического мира, а экономической войны. В этом основное. Этим объяснялось и отрицательное отношение участников конференции к предложениям советской делегации, которые являлись действительными и единственно правильными мероприятиями по урегулированию экономических взаимоотношений между капиталистическими странами. Эти предложения, обеспечивающие максимальную эффективность экономического перемирия, сводились к следующему: все страны соглашаются «отменить взаимно, независимо от причин их установления, все введенные ими ранее действующие ныне законодательные и административные мероприятия, имеющие характер экономической агрессии и дискриминации, как-то: специальные пошлины, установленные для товаров, происходящих из какой-либо одной страны, запрет или особые условия ввоза и вывоза из какой-либо страны и в страну и бойкот торговли какой-либо страной».

Но империалистические страны не были бы таковыми, если бы они согласились принять эти предложения и провести их в жизнь. Их цель— война и грабеж друг друга, а не мир и помощь друг другу. Поэтому

крах конференции был неизбежен. От того, что ответственность за провал будет возложена на ту или другую страну, положение капиталистического хозяйства не улучшится. Но в этом «сваливании вины» есть другой замысел. Попытки английской буржуазии и стран «золотого блока» возложить ответственность за провал конференции на САСШ прикрывают собою стремления сколотить единый фронт капиталистической Европы и Японии против Америки под видом необходимости наказания «виновника всех бед». Эти попытки раскрывают перед всеми то важнейшее обстоятельство, что экономическая борьба между основными империалистическими державами — Англией и САСШ — начинает перерастать в подготовку вооруженного конфликта. Этим обстоятельством объясняются и усердные попытки германских империалистов, вдохновляемых английскими твердолобыми, поставить в порядок дня конференции вопрос о СССР как об одном из «виновников» несчастий капитализма.

Так называемый меморандум Гугенберга, исходящий из философии «заката Европы» Шпенглера и воспроизводящий все основные пункты внешней политики германского фашизма, изложенные Гитлером, еще задолго до прихода его к власти, в его книге «*mein Kampf*», указывает на СССР как на виновника всех бед капитализма и призывает к крестовому походу против страны победоносного строительства социализма. «Война, революция и внутренняя разруха, — говорится в этом меморандуме, — нашли исходную точку в России, в великих областях Востока. Этот разрушительный процесс все еще продолжается. Теперь настал момент его остановить». Таков фашистский рецепт лечения умирающего капитализма. Этот рецепт на деле неминуемо превратится в последний решительный бой пролетариата с капитализмом, который окончательно уничтожит капитализм, ибо он направлен против могущественной Страны Советов, которая беспощадно опрокинет всякие попытки нарушения своих границ и своего всемирно-исторического социалистического строительства.

Германские империалисты с благословения английских хотели бы превратить СССР в разменную монету для европейских и японских империалистов, для того чтобы за его счет сцементировать капиталистический фронт против САСШ. Но СССР — это не Мексика, и германским империалистам этого не следовало бы забывать.

Тов. Литвинов нарисовал на самой же конференции незабываемую картину роста СССР. Два противоположных мира встретились здесь, в залах конференции — мир умирающего капитализма и мир развивающегося социализма. В то время как все капиталистические страны переживают разрушающий кризис, растущую безработицу, систематическое сокращение производств и торговли, — в это время страна социализма идет гигантскими шагами вперед по пути своего экономического подъема и строительства нового, социалистического общества. Соревнование социалистической и капиталистической систем и перспективы их дальнейшего движения нагляднее всего выражаются следующими сухими цифрами итогов промышленной продукции за 4 года (1928—1932). Если взять 1928 г. за 100, то общий индекс физического объема промышленной продукции в 1932 г. равняется:

СССР	218 5
Капиталистический мир	67,0
В том числе: САСШ	57
" " Англия	89
" " Германия	57
" " Франция	74

Вот результаты двух систем, двух экономических структур.

«Благодаря особенностям экономической структуры моей страны, — говорил т. Литвинов на конференции, — мировой кризис ни в какой мере не может влиять и не влияет на непрерывный подъем ее экономической жизни, что подтверждается отсутствием таких явлений, как перепроизводство товаров, накопление запасов, не находящих сбыта, безработица, увеличение внешней задолженности, банкротства и падение заработной платы».

В то время как все капиталистические страны демонстрируют на конференции невозможность сбыта своих товаров и покупок в других странах, в то время как мировая капиталистическая торговля переживает предсмертные судороги и агонию, — в это время Страна советов объявляет о том, что она может в непродолжительный срок поглотить товаров из внешнего рынка на миллиард долларов.

Миллиард долларов — таковы ближайшие импортные возможности Советского союза, который «мог бы поглотить в ближайшее время приблизительно на 100 млн. долл. цветных металлов; на 200 млн. — черных металлов; на 100 млн. — текстильного, кожевенного сырья и каучука; примерно на 400 млн. — оборудования, включая ж.-д. оборудование на 100 млн.; примерно на 35 млн. — с.-х. товаров, включая и племенной скот; на 50 млн. долл. — таких потребительских товаров, как чай, кофе, какао, сельди; на 50 млн. — новых судов».

Никакая капиталистическая страна в мире не в состоянии совершать подобные грандиозные сделки. Заказы, которые мог бы разместить Советский союз при соответствующих условиях, составляют для отдельных категорий товаров от 25 до 100% существующих мировых запасов, которых некуда девать и рассасывание которых дало бы работу миллионам безработных.

Таковы огромные возможности Советского союза, социалистической страны. Они свидетельствуют о ее непобедимости, о ее грандиозных, неиссякаемых возможностях. И тот, кто посягнет на ее территорию и на ее экономическую независимость, того в конечном счете может постигнуть только горькая участь российского капитализма. Объявление Англией эмбарго на советские товары и поспешная его отмена теперь свидетельствуют именно о том, что экономическую войну с Советским союзом вести нельзя. Такая война приносит ущерб только своей стране, а не Советскому союзу.

Провал лондонской конференции неизбежно даст новый толчок к усилению экономической войны, в частности к усилению валютной войны. В этой войне ни одна капиталистическая страна не может оставаться «нейтральной», ни одна из них не сможет окопаться за колючей проволокой золотого стандарта. В течение очень короткого срока такие страны потеряли бы весь свой золотой запас, ибо страны, ведущие инфляционную политику, попросу скупали бы валюту стран, сохранивших золотой стандарт, и в обмен на нее выкачивали бы золото. Продолжение англо-американской валютной войны предвещает мировой валютный хаос, дальнейшее обострение кризиса, дальнейшее рассасывание основ мирового капитализма, дальнейшее обострение империалистических противоречий. В этом смысле лондонская конференция явится лишь этапом, вплотную подводящим капиталистический мир к новой войне, ибо других средств для разрешения своих основных противоречий империалистическая буржуазия не знает.

ОБРАЩЕНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО КАПИТАЛА

(Теория Маркса и ее искажение социал-демократией)

В прошедшие со дня смерти Маркса полвека «Капитал» — труд, закладывающий основы марксизма, — совершил такой победоносный путь, как ни одно произведение мировой литературы, ни одна научная теория.

Ленин пишет о победе научного социализма над мелкобуржуазными социалистическими идеологами, которые старались пролезть в рабочее движение: «К 90-м годам прошлого века эта победа была в основных своих чертах завершена. И вторые полвека существования марксизма начались (90-е годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма»¹.

Однако оценка и прием, оказанные трем томам «Капитала», были неодинаковы.

Насколько известен и распространен I том «Капитала», настолько же мало известен рабочему классу капиталистических стран II том, значение которого часто совершенно несправедливо недооценивается. Между тем II том «Капитала» имеет очень большое теоретическое и актуально-политическое значение и представляет решающую составную часть единого произведения — «Капитала». Значение II тома состоит в том, что здесь в первый раз в истории политической экономии представлены действительные условия воспроизводства и обращения как индивидуального, так и всего общественного капитала в целом, а этим самым показаны и условия нарушения капиталистического процесса воспроизводства и обращения, т. е. условия кризиса. В то же время в нем получает дальнейшее развитие теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса и опровергаются ошибки в теории стоимости Смита и Рикардо.

Интересно выяснить, как различно был принят II том «Капитала» русской и немецкой социал-демократией. Ленин с особенной тщательностью изучал II том, дальше развил теорию обращения и воспроизводства Маркса, мастерски применил ее к русской действительности и признал, в противоположность реакционным мечтам крестьянского социализма, начало развития капитализма в России 90-х годов. Карл Каутский — тогда еще марксист, — наоборот, уже в 1886 г. обнаружил границы своей способности понимания проблем марксизма. В ряде статей в «Neue Zeit» о «Нищете философии» и «Капитале» Карл Каутский называет II том «торсом», который «оставляет неудовлетворенным» и значение которого состоит будто бы только (!) в том, что он представляет введение к III тому. Каутский дал этим повод ревизионистам (правому крылу социал-демократии) и буржуазии:

¹ Ленин, т. XII, стр. 184.

не только отбросить II том «Капитала» как малоценный, но и сконструировать теорию о противоположности I и II и I и III томов и в конце концов отвергнуть всю политическую экономию Маркса как полное противоречий и поэтому неверное учение. Даже революционные марксисты, как Роза Люксембург например, которая в этом вопросе уступила фактически ревизионистской фальсификации Маркса, утверждали, что II том «Капитала» «не дает решения проблемы» воспроизводства и обращения, что в нем «накопление капитала попало в порочный круг». Непонимание огромного и актуального значения II тома «Капитала» является следовательно не столько результатом трудности его содержания, сколько результатом сознательного фальсификаторского маневра ревизионистов и всей современной социал-демократии. Если что-либо подтверждает огромное и актуальное значение II тома «Капитала», то это как раз непрерывная ожесточенная борьба современных социал-демократических вульгарных экономистов против заключающегося в нем учения, не прекращающиеся попытки исказить его, чтобы затем или «принять» его в этой искаженной форме или «опровергнуть».

В настоящий момент, когда вопросы обращения социал-демократия ставит в центр своей политической экономии, она открыто признает огромное значение марксовой теории воспроизводства и обращения капитала, но для того лишь, чтобы тем тщательнее превратить ее затем в ее противоположность, заменить ее учением буржуазной политической экономии.

«Принимая» или «опровергая» учение, заключающееся в II томе «Капитала», противник обычно ограничивается вопросом о воспроизводстве и обращении общественного капитала, изложенном в 3-м отделе, и пропускает оба первых отдела, которые только и являются ключом к полному пониманию 3-го отдела, II том «Капитала» есть одно целое, и его нужно изучать как целое.

I

«В первой трети XVIII в., в период детства политической экономии», Кенэ пытался представить воспроизводство и обращение всего общественного капитала в простой схеме. «Это была,—писал Маркс,—бесспорно гениальнейшая из мыслей, в которых до сих пор поэинна политическая экономия»². Последователи Кенэ не были в состоянии исправить ошибки этого первого опыта и расширить схему. Наоборот, чем глубже они пытались проникнуть в проблемы капиталистического производства, тем больше они запутывались в его противоречивых явлениях. Не будучи в состоянии правильно поставить вопрос, они не могли правильно ответить на него. Только Маркс разрешил проблему, на решении которой потерпела неудачу вся классическая экономия.

В I томе «Капитала» Маркс исследует процесс производства капитала. Обращения капитала и изменения его форм — денежного капитала, производительного капитала (средства производства и рабочая сила), товарного капитала — он касается лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания процесса производства. Во II томе «Капитала» Маркс исследует процесс обращения капитала. Здесь капита-

² «Теория прибавочной стоимости», Берлин, 1921 г., немецкое издание, стр. 92.

листическое производство представляется только как перерыв в обращении, как переходная ступень. Но так как эта ступень и ее решающее значение уже рассматривались в I томе и исследование обращения во II томе основывается на этом анализе I тома и постоянно возвращается к нему, причем теория стоимости получает дальнейшее развитие, то это предохраняет от ошибок и противоречий, в которых безнадежно запуталась классическая политическая экономия до Маркса.

«Капитал охватывает не только классовые отношения. Капитал есть движение, процесс кругооборота через различные стадии» (Маркс). Чтобы «вскрыть экономический закон движения современного общества», закон его возникновения, развития и неизбежной гибели, нужно было взять капитал, сперва индивидуальный, затем весь общественный в его движении. Классическая политическая экономия, как буржуазная политическая экономия, необходимо должна была отрицать исторический, переходящий характер капитализма. Поэтому только Маркс как теоретик революционного класса — пролетариата — смог разрешить проблему воспроизводства капитала.

С развитием капиталистического производства на его технической основе решающим фактором становится непрерывность его. «Непрерывность есть характерный признак капиталистического производства»³.

Исходя из непрерывности капиталистического производства, Маркс указывал на то, что перерыв в кругообороте капитала неизбежно приводит к обесцениванию и уничтожению капиталов, что в условиях кругооборота капитала даны условия капиталистических кризисов.

Маркс отличал производительный капитал от капитала обращения (денежный и товарный капитал) и следовательно — производство прибавочной стоимости от ее обращения. Он отличал каждую данную форму капитала (форма денежного, производительного и товарного капитала) от его содержания: быть стоимостью, которая сохраняется и увеличивается. Денежный капитал покупает товары (средства производства и рабочую силу), потому что здесь капитал выступает в форме денег. Наоборот, свой характер капитала он получает вследствие того, что он покупает товар особой потребительной стоимости — рабочую силу, применение которой доставляет большую стоимость, чем та, которую она сама сбладает. Буржуазные экономисты, смешивавшие форму и содержание капитала, приписывавшие деньгам и товарам как таковым функции капитала, скрывали таким образом эксплуатацию рабочих, на которой основан характер капитала, который приобретают деньги и товары при капитализме. Так же как они превращали деньги и товары как таковые в капитал, так, наоборот, они превращали обращение денежного и товарного капитала в простую куплю и продажу товаров, органически дополняющие друг друга, и устраняли таким образом важные моменты нарушения этого процесса — условия капиталистических кризисов. Они стирали различие между простым и капиталистическим обращением. Они забывали, что капиталистическое производство, а этим самым эксплуатация рабочих есть предпосылка обращения капитала, представляет определяющий момент обращения капитала, и поэтому превращали капиталистическое обращение из театра классовой борьбы в рай классовой гармонии.

³ Маркс, Капитал, т. II, стр. 104,

Отличая производство прибавочной стоимости от ее обращения, Маркс вскрывал непроизводительный характер труда в банках и в торговле, издержки которых покрываются из прибавочной стоимости, создаваемой в производстве. Маркс различал транспорт от торговли, то перемещение, которое «выступает как продолжение производственного процесса внутри процесса обращения и для процесса обращения»⁴, является общественно необходимым и создает стоимость и прибавочную стоимость от того обращения, которое зависит от изменения товарных форм и в известных случаях требует также и перемещения товаров. Этим Маркс разрушал иллюзию относительно создающей прибавочную стоимость производительной силы труда⁵ торговых служащих.

На основе различения производства стоимости и прибавочной стоимости от ее обращения Маркс различал категории постоянного и переменного капитала, основываясь на различии их роли в создании стоимости, от категорий основного и оборотного капитала, относящихся к обращению стоимости и способу ее перенесения. Средства труда представляют основной капитал, потому что их стоимость только по частям переносится на продукт, остальная же стоимость остается фиксированной в средствах труда в противоположность оборотному капиталу, — сырью и рабочей силе, — стоимость которых полностью возмещается из стоимости продукта. Политэкономисты со времени Смита смешивали понятия постоянного и переменного капитала с понятиями основного и оборотного капитала и в конце концов сводили одни к другим. С другой стороны, они смешивали оборотный капитал, который есть только составная часть производительного капитала, с денежным и товарным капиталом, так называемым капиталом обращения. Таким образом создание стоимости — эксплуатация рабочего — прикрывалось, т. е. устранялось, обращением стоимости.

Вследствие превращения буржуазными экономистами переменного капитала в оборотный и оборотного — в капитал обращения не оставалось больше места рабочей силе как составной части оборотного капитала. Так, на место рабочей силы как составной части оборотного капитала ставили средства существования, которые рабочий покупает на свою заработную плату. Переменный капитал, отождествленный с имеющимися налицо средствами существования, превращался в неподвижную величину — в неизменяющийся фонд заработной платы, который проявился также и в «железном законе заработной платы» Лассаля и сделался таким образом теоретическим оружием буржуазии против борьбы рабочих за заработную плату.

Благодаря этому правильные начинания Смита и в особенности Рикардо в развитии теории стоимости и прибавочной стоимости оказались уничтоженными, и объяснение стоимости запуталось в непреодолимых внутренних противоречиях. Разрешив эти противоречия, Маркс тем самым значительно подвинул вперед свою теорию стоимости и прибавочной стоимости.

Маркс в I томе «Капитала» анализирует двойственный характер человеческого труда в производстве товаров: его конкретный характер, благодаря которому он целесообразно употребляет средства производства и тем самым переносит на продукт стоимость средств производства и сохраняет ее в продукте, и его абстрактный характер, бла-

⁴ Маркс, Капитал, т. II; стр. 155.

годаря которому он создает новую стоимость. Классическая политическая экономия, которая никогда не различала ясно этих двух различных сторон человеческого труда при капиталистическом способе производства, проглядела при анализе стоимости и определении ежегодно производимого совокупного продукта капиталистического общества имеющую решающее значение составную часть его — постоянный капитал. Она сводила продукт, т. е. $v+m$ к заработной плате плюс прибавочная стоимость — к доходам. Вследствие этого она превратила кругооборот капитала в кругооборот доходов. Деньги, на которые покупаются предметы дохода, не авансируются, а расходуются. С поглощением дохода эта стоимость совершенно исчезает. Превращая кругооборот капитала в кругооборот доходов, классическая политическая экономия устраняла как раз характерный элемент капиталистического кругооборота — постоянное возвращение стоимости, увеличенной на определенное приращение. Изображая расходование не как однократный акт, а как постоянный кругооборот, она создавала иллюзии, будто капиталистический кругооборот обеспечивает рабочим постоянную работу и оплату их труда.

Классическая политическая экономия смешивала торговый и денежно-торговый капитал с товарным и денежным капиталом. Только Маркс, изучивший метаморфозы капитала, превращение производительного капитала в формы товарного и денежного капитала, создал этим своим анализом основу для исследования в III томе «Капитала» торгового и денежно-торгового капитала, которые являются обособившимися формами и могут быть изучены, только если исходить из анализа промышленного капитала и его формы.

Следовательно учение Маркса о капиталистическом обращении представляет огромное движение вперед по сравнению со взглядами классической политической экономии в следующем:

1. Маркс брал капитал в его движении — в изменении его форм.
2. Маркс строго различал формы капитала от его содержания.
3. Он отличал транспорт от торговли, указал на непроизводительный характер капиталистического обращения.
4. Он отличал категории постоянного и переменного капитала от категорий основного и оборотного капитала.

Проведя разграничение между рабочей силой и средствами существования, посредством потребления которых восстанавливается рабочая сила, он тем самым дал дальнейшее развитие своей теории стоимости и прибавочной стоимости.

6. Он опроверг теорию «неизменного фонда заработной платы».
7. Он раскрыл различие между кругооборотом капитала и расходованием дохода.
8. Маркс показал историческую противоположность перехода от простого к капиталистическому товарному обращению. Этим он освободил теорию капиталистического обращения от ее искажений в духе классовых гармоний.

Опираясь на результат анализа воспроизводства и обращения индивидуального капитала в первых двух разделах II тома «Капитала», Маркс переходит в 3-м разделе II тома к анализу процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала.

Тупик, в который уперлась классическая политическая экономия до Маркса в этих вопросах, на почве чего беспрепятственно произрастала апологетика вульгарной экономии, показывает величие Маркса и историческое значение II тома «Капитала», где разрешена проблема капиталистического обращения и воспроизводства, получила дальнейшее развитие теория стоимости и прибавочной стоимости и окончательно разбиты экономисты, толкующие о гармонии интересов капитала и труда.

«Третий отдел, — пишет Энгельс Фридриху Адлеру в одном письме, — есть совершеннейшее изображение впервые здесь со времени физиократов рассматриваемого в целом всего обращения товаров и денег в капиталистическом обществе». Основываясь на двойственном характере труда как труда абстрактного, создающего стоимость, и конкретного, создающего потребительную стоимость, Маркс в I томе «Капитала» делит капитал на постоянный и переменный. Основываясь на этом различии, Маркс делит во II томе «Капитала» общественное производство в целом на два крупных подразделения — производство средств производства и производство средств потребления, из которых одно поставляет вещные элементы постоянного капитала, а другое — вещные элементы переменного капитала и той части прибавочной стоимости, которая потребляется в качестве дохода. Маркс показал взаимное переплетение обоих подразделений в их соответствующем стоимостном и вещественном сочетании, которое обнаруживается в обмене их продуктов.

Этот отдел заканчивается двумя числовыми примерами (схемами), вокруг которых после смерти Маркса разгорелась большая борьба между ортодоксальными марксистами и их противниками. В чем состоит значение этих схем? Они иллюстрируют цифрами условия воспроизводства и обращения совокупного общественного капитала и обращения доходов.

Они показывают следующее:

1. Существует взаимная закономерная зависимость обоих крупных подразделений производства — производства средств производства и производства средств потребления. Оба подразделения составляют единство.

2. Производство средств производства обгоняет производство средств потребления как количественно (перевес капитала I подразделения над капиталом II подразделения), так и качественно (более высокий органический состав капитала в I, чем во II подразделении).

3. Вещественный и стоимостный обмен продуктов обоих подразделений взаимно обуславливается и зависит один от другого.

4. Весь капитал находится и остается в руках капиталиста. Все деньги авансируются им. Рабочий удерживает за собой и получает только цену своей рабочей силы.

5. Условия воспроизводства и обращения совокупного капитала общества вследствие естественно выросшего анархического характера воспроизводства, в силу чего «равновесие» между отраслями производства является случайностью, представляют вместе с тем условия их нарушения, условия кризиса.

6. Схемы иллюстрируют основное противоречие капитализма, главную причину капиталистического кризиса: противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Схемы иллюстрируют следующие характерные признаки обществен-

ного характера производства. Изображая рост c и v , они показывают концентрацию капитала, а изображая рост размеров товарного производства, — всесторонность товарного характера производства, покоящуюся на растущем разделении труда.

Частный характер присвоения выступает в схеме благодаря тому, что там показано, как это растущее, обращающееся богатство остается в руках класса капиталистов, а рабочий класс получает только плату, определяемую величиной переменного капитала.

Из свободной капиталистической конкуренции выросла монополия. Опроверг ли этот переход от капитализма свободной конкуренции к империализму марксову теорию воспроизводства и обращения совокупного капитала общества и вообще марксову теорию стоимости и прибавочной стоимости? Наоборот, он подтвердил ее правильность. Концентрация производства, создавшая монополию, одновременно привела к созданию монополий в торговле и банковом деле, которые в свою очередь толкали вперед монополизацию промышленности. Маркс уже показал в I томе «Капитала» тенденцию свободной конкуренции к монополии.

Основываясь на учении Маркса, Ленин развил теорию империализма, показал переход от свободной конкуренции к монополии, существование свободной конкуренции рядом и внутри монополии, определил основные характерные черты империализма.

Маркс вскрыл «экономический закон движения современного общества» и смог поэтому правильно определить линию его развития. В «Капитале», в особенности в I томе, имеется ряд важных высказываний о будущем, хотя развитие к империализму началось уже после смерти Маркса. И во II томе также имеется ряд ценных положений, важных для осознания перехода от капитализма свободной конкуренции к империализму. Они рассматривают явления, которые выступали тогда в зачаточной форме, но значение которых было пророчески понято Марксом. Он писал: «Так как по мере развития капиталистического производства расширяются размеры каждого индивидуального процесса производства и вместе с тем возрастает и минимальная величина авансированного капитала, то это обстоятельство присоединяется к ряду других, которые превращают функцию промышленного капитала все более в монополию крупных денежных капиталистов — отдельных или ассоциированных».

«Что к товаропроизводителям, авансирующим деньги на обращение, эти деньги при нормальном ходе товарного обращения возвращаются назад. Из этого, кстати сказать, следует, что если за товаропроизводителем вообще стоит денежный капиталист, который авансирует промышленному капиталисту денежный капитал (в самом строгом значении этого слова, следовательно — капитальную стоимость в денежной форме), то действительным пунктом обратного притока этих денег является карман денежного капиталиста. Таким образом, хотя деньги в своем обращении проходят в большей или меньшей мере через всякие руки, масса обращающихся денег принадлежит подразделению денежного капитала, организованному и достигшему концентрации в форме банков и т. д.; способ, каким это подразделение авансирует свой капитал, обуславливает постоянное заключительное возвращение к нему этого капитала в денежной форме, хотя это опять-таки опосредствуется обратным превращением промышленного капитала в денежный капитал»⁵.

⁵ М а р к с, Капитал, т. II, стр. 443.

Маркс устанавливает в этих положениях:

- 1) необходимость концентрации производства в ходе развития капиталистического производства;
- 2) обусловленную этим необходимость роста денежного капитала;
- 3) растущую зависимость промышленного капиталиста от денежного капиталиста⁶;
- 4) объединение денежных капиталистов.

Здесь уже обнаруживается тенденция сращивания промышленного капитала с денежным и торговым капиталом во всемогущий финансовый капитал, на что Ленин указывает как на один из важнейших признаков империалистической стадии капитализма.

Ленин дал нам теорию экспорта капитала как одного из признаков империалистической стадии капитализма в противоположность к экспорту товаров, который преобладал при капитализме свободной конкуренции.

Теория Ленина основана на марксовой теории капиталистического воспроизводства. Маркс говорит, что в процесс обращения промышленного капитала входят и товары, произведенные при различных докапиталистических способах производства, и что товары, происходящие из капиталистического производства, потребляются также и народами с докапиталистическими способами производства. Маркс продолжает:

«...поскольку капиталистический способ производства обусловлен способами производства, лежащими вне процессов его стадии развития. Но он имеет тенденцию превращать по возможности всякое производство в товарное производство. Главным средством для этого служит как раз вовлечение этих способов производства в процесс его обращения, а развитое товарное производство само уже есть капиталистическое товарное производство»⁷.

Эти высказывания Маркса о значении капиталистического обращения товаров как пионера расширенного капиталистического производства имеют большое значение для понимания ленинской теории перехода от экспорта товаров к экспорту капиталов.

Экспорт капитала не есть только обращение капитала, выходящее за национальные границы, но это есть отделение одной части промышленного капитала, которая теперь описывает свой кругооборот отдельно от первоначального капитала, в то время как ее прибавочная стоимость возвращается к первоначальному капиталу. Он таким образом является средством для расширения капиталистической эксплуатации, для эксплуатации чужих народов за пределами национальных границ.

Под формой только расширения капиталистического обращения экспорт капитала расширяет в то же время капиталистическое производство и таким путем расширяет национальную сферу влияния капитала. Поскольку экспорт капитала происходит в форме товаров или денег, эта товарная или денежная форма является лишь переходной формой капитала из образа денег или товара в образ производительного капитала. Выравнивание нормы прибыли вызывает пе-

⁶ Денежный капитал и денежно-торговый—лишь обособившаяся форма промышленного капитала, который есть и остается основой денежного капитала. Но с развитием капиталистического производства вырастает роль денежных капиталистов-монополистов. Этот процесс является одной из решающих сторон процесса возникновения финансового капитала.

⁷ Маркс, «Капитал», т. II, стр. 113.

реливы капитала. В экспорте капитала эти переливы принимают интернациональный характер и связываются с ростом капитала, потому что экспорт капитала, как говорит Ленин, основан на «перезрелости» капитала, на том, что он «переливается через край».

Итак, экспорт капитала есть особая форма обращения капитала. Для понимания ленинской теории экспорта капитала необходимо понимание теории Маркса об обращении капитала. Кто подобно буржуазной политической экономии смешивает простое товарное обращение с обращением капитала и тем самым смазывает вопрос о капиталистической эксплуатации рабочего как предпосылки обращения капитала, тот не может понять значение экспорта капитала как одного из средств ограбления всего мира несколькими крупными империалистическими государствами, тот должен смазать эту эксплуататорскую и паразитическую черту, свойственную империализму.

А в этом как раз и заключается задача буржуазной политической экономии.

Бухарин в «Экономике переходного периода» выдвинул положение, что конец капиталистического товарного хозяйства будет также концом политической экономии. Ленин сделал к этому месту книги следующее примечание:

«Неверно. Даже при чистом коммунизме, хотя бы отношение $I (v + m)$ к $II c?$ И накопление?»

В какой степени отношение $I (v + m)$ к $II c$ имеет значение также и для коммунизма?

Анализ этого отношения предполагает разделение всего общественного производства на два подразделения: производство средств производства и производство средств потребления; это предполагает, с одной стороны, исследование вещного состава продуктов, а с другой стороны, исследование количества труда. Без этого исследования не может быть понят обмен продуктами между обоими подразделениями. Итак, определенное соотношение между обоими подразделениями общественного производства лежит в основе как капиталистического, так и коммунистического, т. е. социалистического, воспроизводства. Однако, чтобы анализировать совершенно различные отношения, необходимо предварительно знать, в чем различие между условиями воспроизводства при капитализме и при социализме.

Бухарин, которого Ленин здесь упрекает в том, что он хочет политическую экономию ограничить капитализмом, что он не понимает необходимости политической экономии и для чистого коммунизма, впал впоследствии в противоположную ошибку: за всеобщими и общими для капиталистического и социалистического воспроизводства отношениями не заметил их различий.

Социалистическое воспроизводство основано на обобществлении производства, оно является результатом сознательной, плановой переделки хозяйства, индустриализации страны, результатом перевода мелкого крестьянского хозяйства на социалистические рельсы и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и продолжения пролетарской классовой борьбы до полного уничтожения всех капиталистических классов и остатков классов вообще. Социалистический план пользуется прогнозом, научным предвидением как необходимым вспомогательным средством, но он не ограничивается им, как этого требовали в свое время оппортунисты, а является в то же время твердой директивой, соответственно которой направляется расширенное социалистическое воспроизводство.

Марксово исследование отношения между I ($v + m$) и II c имеет большое значение также и для коммунизма, в особенности для его первой ступени — социализма.

Капитализм, который основан на частной собственности на средства производства и движущим мотивом которого является получение прибыли, а следовательно интересы незначительного меньшинства, противоположные интересам большинства населения, — не может положить в основу своего производства единый хозяйственный план. Социализм же, основанный на полном обобществлении производства и стремящийся к уничтожению последних остатков эксплуатации как в экономике, так и в сознании людей, стремящийся к поднятию благосостояния и к удовлетворению общественных потребностей широких народных масс, необходимо должен организовывать процесс производства и распределение продуктов на основе единого хозяйственного плана.

Капитализм является антагонистическим способом производства, социализм же представляет собой гармоническое общественное устройство. В применении к капитализму схема воспроизводства Маркса показывает нам, какое отношение состава товаров по стоимости и по их вещному облику должно быть установлено между обоими основными подразделениями производства, чтобы был возможен беспрепятственный обмен между ними, а тем самым и беспрепятственное воспроизводство всего общественного капитала в целом. Но эти условия беспрепятственного хода воспроизводства выявляют в то же время условия его нарушения, условия капиталистического кризиса.

Стоимостные отношения между продуктами обоих подразделений являются результатом распределения и применения труда, так как стоимость есть ведь не что иное, как «кристаллизованный труд».

Вещная форма продукта обоих подразделений выражается в числе, размерах и технических способностях конкретных потребительных форм средств производства и средств потребления.

Именно потому, что социализм основывается на плановом хозяйстве и ставит на место стихийного, естественно развивающегося капиталистического процесса воспроизводства сознательное социалистическое строительство хозяйства в интересах широких масс населения, он должен учитывать общественную потребность в определенных предметах, средствах производства и потребления и в соответствии с этим проводить распределение и применение рабочих сил.

Именно так должен понимать марксист схемы Маркса и применять их к социализму. Взаимозависимость обоих подразделений общественного производства — производства средств производства и средств потребления, — вещной формы их продуктов и соответственного распределения рабочей силы по отдельным отраслям производства, как нас учит Маркс, образует основу для составления и проведения социалистического хозяйственного плана.

Опыт социалистического строительства очень скоро показал актуальность марксовской политической экономии, особенно его теории обращения и воспроизводства, с новой стороны. Когда Советский союз перешел к сплошной коллективизации, к ликвидации кулачества как класса, а оппортунисты утверждали, что расширенное воспроизводство в социалистическом секторе может происходить только в пределах, которые ставят промышленности отсталость и застойность мелкого крестьянского хозяйства; когда они выдвинули теорию равновесия между промышленным и сельскохозяйственным секторами, а

также внутри промышленного сектора и забывали о роли, которую играют классы и классовая борьба в общественном производстве, т. Сталин опровергал их, опираясь на учение Маркса и Ленина о капиталистическом воспроизводстве и обращении. Он писал:

«Между тем стоило только извлечь из сокровищницы марксизма теорию воспроизводства и противопоставить ее теории равновесия секторов, чтобы от этой последней теории не осталось и следа. В самом деле, марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно. Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами»⁸.

Оппортунисты не поняли марксовой теории воспроизводства и обращения. Они не сумели применить то учение, согласно которому деревня — единоличное крестьянское хозяйство, основанное на простом товарном производстве, — предоставленная самой себе, неизбежно породит развитое товарное хозяйство, а развитая всесторонняя форма товарного хозяйства есть капиталистическая форма. Они не поняли, что перевод деревни на социалистические рельсы предполагает классовую борьбу под руководством пролетариата.

Крупные успехи социалистического строительства вновь подтверждают актуальное значение марксовой теории воспроизводства и обращения.

Особенно актуальны во II томе «Капитала» высказывания относительно способа, каким при социализме в противоположность капитализму проводится крупное строительство. При наличии грандиозного социалистического строительства в Советском союзе, как-то: Днепрострой, Магнитогорск, Кузнецкстрой и т. д., на базисе которых только и может произойти в национальном масштабе соответствующее грандиозное расширение легкой промышленности, эти доказательства имеют особый интерес. Во II томе мы читаем:

«Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего совершенно отпадает денежный капитал, следовательно отпадают и маскировки сделок которые благодаря ему возникают. Дело сводится просто к тому, что общество наперед должно рассчитать, сколько труда, средств производства и средств существования оно может без всякого ущерба прилагать в таких отраслях производства, которые, как например постройка железных дорог, долгое время, год или больше, не доставляют ни средств производства, ни средств существования, ни вообще какого-либо полезного эффекта, но конечно отнимают от всего годового производства и труд и средства производства и средства существования».

Напротив, в капиталистическом обществе, где общественный разум выступает всегда только *post factum* (потом, задним числом), могут и должны постоянно происходить крупные нарушения...»⁹.

И в другом месте:

«На основе общественного производства следует определять масштаб, в котором могут производиться операции, отвлекающие на дол-

⁸ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 444.

⁹ Маркс, Капитал, т. II, стр. 335, 385.

гое время рабочую силу и средства производства и не дающие за все это время продукта в виде полезного эффекта, с тем чтобы не причинять вреда таким отраслям производства, которые непрерывно или много раз в год не только отвлекают рабочую силу и средства производства, но и доставляют средства существования и средства производства. При общественном производстве, так же как при капиталистическом производстве, рабочие, занятые в отраслях предприятий с более короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта, между тем как отрасли труда с длительными рабочими периодами непрерывно отвлекают продукты на более длительное время, прежде чем сами начнут их возвращать. Следовательно это обстоятельство вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы. При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями хозяйства. Производители могут пожалуй получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продуктов, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги».

Так как мы в Советском союзе еще не построили полного коммунизма, где уже исчезнут товарная и денежная формы продуктов, так как мы построили еще только фундамент социалистического общества, то эта часть высказываний Маркса еще не сбылась. Но уже на этой ступени развития социализма в Советском союзе постепенно исчезает капиталистический товарный фетишизм. Общество в соответствии с конкретными задачами социалистического строительства «заранее рассчитывает, сколько труда, средств производства и средств существования оно может без ущерба прилагать в таких отраслях производства», которые, как Магнитогорск, Кузнецкстрой, Днепрострой и др., в течение нескольких лет «не будут доставлять ни средств производства, ни средств существования, ни какого-либо полезного эффекта, но конечно отнимают от всего производства ежегодно и труд, и средства производства, и средства существования».

Социал-демократы, которые издеваются над неизбежными трудностями, возникающими, когда впервые осуществляются такие колоссальные сооружения, которые не понимают и не хотят понять ни технических трудностей социалистического строительства в отсталой крестьянской стране, ни задач классовой борьбы в процессе социалистического строительства и охраны его от опасности империалистической войны и которые, ссылаясь на трудности, отрицают социалистический характер советского хозяйства,— доказывают этим лишь свое непонимание марксовой теории воспроизводства и обращения и показывают свои фальсификаторские способности.

То, что здесь на более долгое время отвлекаются продукты общества, «вытекает из вещных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы». Но, тогда как при капитализме подобные длительные операции должны «постоянно вызывать большие нарушения», кончаться крахом, кризисом, при социализме они ведут к могучему подъему производства и к повышению уровня жизни широких масс. Современное влияние капиталистического периода рационализации и крушение таких громадных предприятий, стоящих много миллиардов марок, как Гувер-Стаудемус, как отвоёвание суши у моря в Голландии и др., с одной стороны, и

подъем всего производства вследствие сооружения новых гигантов промышленности в Советском союзе, с другой стороны, подтверждают все выводы Маркса.

II.

Частично признавая ее формально, социал-демократия принципиально отвергает марксову теорию капиталистического воспроизводства и обращения.

Три признака характеризуют противоположность между марксовой и с.-д. теорией обращения капитала:

1. Маркс выводит законы обращения из законов производства капитала. Социал-демократия исходит из обращения капитала, чтобы затем перейти к анализу процесса производства или же просто обойти его.

2. Маркс вскрывает различие между простым и капиталистическим обращением товаров. Социал-демократия затушевывает это различие.

3. У Маркса экономика есть базис, политика—надстройка; в капиталистическом обществе политика государства не может изменить основных закономерностей капитализма. Социал-фашисты же рассматривают политику буржуазных правительств как решающий фактор и считают, что она может уничтожить основные противоречия капитализма.

Отказ социал-демократии от признания производства основной политической экономии есть отказ от материалистического и переход к идеалистическому мировоззрению. Вследствие этого политическая экономия теряет свою закономерность, свою зависимость от производственных отношений. Она становится зависимой от личных намерений людей; она становится областью произвола. Она перестает быть наукой, она становится простой апологетикой капитала.

Однако социал-демократия как партия, большинство членов которой еще сегодня состоит из рабочих, вынуждена выдавать свою политическую экономия за марксистское учение и вплетать в нее формулировки, сходные с формулировками Маркса. Таким образом ее теория становится совершенно эклектической, полной противоречий.

Уже в первой, пользующейся сомнительной славой книге ревизионизма «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»¹⁰ Эдуарда Бернштейна отрицалась правильность теории стоимости Маркса, отрицалось создание стоимости человеческим трудом, следовательно в производстве. Бернштейн считает стоимость и последовательно также и прибавочную стоимость, которую он, желая показать ее нереальный характер, ставит в кавычки, — «чисто логическим построением». Гильфердинг, «склонность» которого «примерять» марксизм с оппортунизмом установил Ленин¹¹ продолжал эту линию в «Финансовом капитале». При исследовании вопросов империализма он исходил из обращения, вместо того чтобы исходить из производства, и встретил при этом одобрение Каутского, который

¹⁰ Эд. Бернштейн, Предпосылки социализма и задачи социал-демократии, Штуттгарт 1899 г., стр. 38.

¹¹ См. «Империализм как новейшая стадия капитализма».

назвал это произведение «продолжением марксова «Капитала»¹² и подчеркнул, что «факторы, вытекающие из процесса обращения, оказываются более важными для формирования капиталистического отношения, чем факторы процесса производства. Этот ход мыслей нашел свое завершение у Карла Реннера в его работе «Хозяйство как совокупный процесс и социализация»¹³. Реннер слывет специалистом социал-демократии по вопросам капиталистического обращения. По его мнению, «Обращение товаров определяет передачу благ людям, т. е. общественное распределение»¹⁴.

«Самый процесс обращения есть очевидно высший законодатель и судья капиталистического общества, он есть последняя инстанция хозяйственной судьбы всех»¹⁵.

«Он (торговый капитал) организует производство, как и потребление, и вызывает даже добавочное производство прибавочной стоимости, поэтому было бы простым недоразумением утверждать, что торговый капитал паразитический: он... стимулирует производство»¹⁶.

Для «Kampf» — теоретического органа австрийской социал-демократии — не существует этих «внешних недостатков» (буквально: Schöpfungsfehler) книги Реннера перед лицом ее громадных преимуществ.

Браунталь подчеркивает эту мнимую производственную силу банков и денег. Он видит «весьма значительный источник капитала... во власти создавать деньги не только эмиссионных банков, а и частных банков»¹⁷.

«В действительности способность обращения, поглощать банкноты и другие суррогаты денег (кроме разменной монеты, прежде всего чеков) и при золотой денежной валюте почти неограничена».

Перед этими нелепостями с.-д. «светил» политической экономии бледнеют даже недостатки монетарной системы.

Почему социал-демократия, верная своему буржуазному образцу, подменяет производство как основу политической экономии обращением? На это Каутский дает откровенный ответ в своем предисловии к 2-й книге «Капитала» в издании Дица. По его мнению, «в области обращения интересы рабочих часто те же, что и интересы капиталистов, поскольку те и другие в одинаковой мере заинтересованы в беспрепятственном ходе процесса обращения»¹⁸.

Прибавочная стоимость создается в производстве и лишь реализуется в обращении. Поэтому в обращении в большей степени затушевывается эксплуататорский характер капитализма, классовое противоречие между капиталом и трудом. Что означает «беспрепятственный ход процесса обращения»? Рынок труда есть часть капиталистического рынка товаров. Беспрепятственное обращение товаров включает беспрепятственное обращение товара — рабочей силы, т. е. удержание рабочих в состоянии наемного рабства, бедности и нужды, которые

¹² Каутский, Финансовый капитал и кризисы, «Neue Zeit». 1910—1917 гг., т. I, стр. 765, 767.

¹³ В русском переводе эта книга названа «Теория капиталистического хозяйства».

¹⁴ Карл Реннер, Хозяйство как совокупный процесс и социализация, Берлин, 1924 г., стр. 54.

¹⁵ Там же, стр. 338, разрядка Реннера.

¹⁶ Там же, стр. 128.

¹⁷ Браунталь, Современное хозяйство и его законы, Берлин, 1930 г., нем. изд., стр. 78, 91.

¹⁸ Каутский, Предисловие к «Капиталу», изд. Дица, Берлин, 1926 г., стр. XXX.

заставляют их постоянно продавать капиталу единственный принадлежащий им товар — их рабочую силу. Это есть мнимое равенство интересов капитала и труда в области обращения.

Первый шаг на пути отхода от политической экономии Маркса влечет за собой второй. Чтобы скрыть классовое противоречие при капитализме, недостаточно заменить производство обращением. Реннер должен идти дальше: он замещает обращение капитала простым обращением товаров.

Для простого товарного обращения характерно, что рабочая сила там лишь случайно выступает как товар. Только при капитализме рабочая сила в общественном масштабе становится товаром. Затушевывая это различие, Реннер затушевывает эксплуатацию наемного труда капиталом, классовый характер капиталистического производства и обращения.

В I главе своей книги он рассматривает обращение товаров, следовательно простое товарное обращение; во II главе — обращение капитала. Но уже в I главе исследуется купля товара — рабочей силы, между тем как во II главе это исследование отсутствует.

Присоединив к себе рабочую силу, капитал становится, как говорит Маркс, совершающей процесс стоимостью, т. е. стоимостью, которая после изменения своих форм возвращается обратно, увеличенная на известную прибавочную стоимость. Производительность капитала, его способность сохранения и увеличения своей стоимости основывается на производительности человеческой рабочей силы и находит свое выражение в кругообороте капитала.

При простом товарном обращении отдельный товар и деньги не описывают кругооборота. Деньги постоянно меняют место. Если они возвращаются к своему первоначальному владельцу, то это лишь случайность, это не характерно для их движения. Отдельный товар при его потреблении выпадает окончательно из сферы товарного обращения. Капитал же, наоборот, потребляется производительно. Его стоимость не исчезает, а возвращается из обращения увеличенной. Капитал описывает кругооборот, а не просто обращается.

Реннер признает, что каждый товар, когда он куплен своим потребителем, выпадает из обращения, в то время как деньги в бесчисленном ряде покупок и продаж продолжают удаляться, оставаясь в нем, и что таким образом и товар и деньги не совершают кругооборота. Что отсюда следует? Различие простого товарного обращения от капиталистического.

Другое у Реннера. Так как простое товарное обращение и обращение капитала переплетаются в общем обращении товаров, то они переплетаются и в голове Реннера, который и в этом вопросе выступает как настоящий вульгарный экономист.

Реннер отождествляет товар и деньги как таковые с капиталом и делает вывод, что нет капиталистического кругооборота, так как нет кругооборота товара и денег. Существует кругооборот, только «по мнению хозяйственных агентов, которые конечно относят процесс к себе самим и своей деятельностью»¹⁹. Изображая капиталистическое обращение как кругооборот, Маркс, по мнению Реннера, становился рупором капиталистических «хозяйственных агентов». Поэтому Реннер «улучшает» и «дополняет» марксову схему. Он изображает черной, красной и зеленой красками кругооборот капитала и вписывает в него кругооборот рабочей силы как необходи-

¹⁹ Карл Реннер. Хозяйство как совокупный процесс и социализация, стр. 26.

мую составную часть кругооборота капитала. В то время как для действительного капиталистического кругооборота характерны перемены работ рабочими, безработица и постоянное существование промышленной резервной армии, капитализм Реннера обеспечивает рабочему постоянное занятие и постоянный доход, так как кругооборот капитала дополняется, т. е. замещается кругооборотом дохода. Чтобы совершенно изъять производство из политической экономии, Реннер на место предприятия ставит домашнее хозяйство (Haushalt). «Рассматриваемое с точки зрения народного хозяйства его домашнее хозяйство есть место производства рабочей силы»²⁰.

Второй отход от диалектического материализма влечет за собой третий: после того, как производство заменяется обращением и простое товарное обращение — обращением капитала, экономика как базис политической надстройки заменяется политикой как базисом экономики. Начатое Бернштейном завершает современный социал-фашизм. На место теории стоимости Маркса он ставит теорию предельной полезности Бэм-Баверка, так как «базис оспариваемой и исторически ограниченной теории стоимости (имеется в виду учение о стоимости Маркса — Х. Ф.) слишком узок... для социалистического движения»²¹.

Капиталистическое хозяйство, целью которого является прибыль, превращается в хозяйство, имеющее целью удовлетворение потребностей, в котором «каждая частность ставится на службу целому»²². Государство определяет законы экономики и устраняет последние остатки капиталистической анархии.

Опускаясь до вульгарной политической экономии, с.-д. политическая экономия следовала только примеру буржуазной политической экономии. Если капитализм в первое время своего подъема мог позволить своим ученым с поверхности явлений проникнуть в глубину, в их сущность, то в той мере, в какой пробуждается классовое сознание пролетариата и обостряется его борьба против буржуазии, капитализм принужден затушевывать внутренние противоречия своей системы, отрицать исторический, преходящий характер этой экономической формации, вскрывающийся в ее противоречиях, он принужден оставаться на поверхности явлений, чтобы не вскрывать внутренних противоположностей системы, выражением которых она являются.

Естественно, что социал-демократия, не способная идти вперед, возвращается к низшим ступеням политической экономии, не только повторяет ошибки классической политической экономии до Маркса, но даже использует самые старые, завалывшиеся «теории» монетарной и меркантильной системы, как-то: веру во всемогущество денег, в творческую производительную силу торговли и банков и т. д. Отказ от пролетарской классовой борьбы и социализма как цели борьбы, переход на практике на сторону буржуазии вынуждает социал-демократию заменять марксову политическую экономию, которая дает научную основу для этой борьбы, «современной» буржуазной, вульгарной экономией.

Непонимание значения двух первых отделов II тома «Капитала», непризнание органической связи между ними и третьим отделом, который строится на доказанном в первых двух отделах, должно было привести к ошибкам в понимании третьего отдела и его схем, рассмат-

²⁰ Карл Реннер, стр. 22. Хозяйство как совокупный процесс и социализация.

²¹ Браунгаль, Современное хозяйство и его законы, стр. 61.

²² Там же, стр. 7.

ривающего вопросы обращения и воспроизводства всего общественного капитала, к извращению его сущности. Мы можем тут различать две группы критиков, которые, исходя из формул Маркса, превращают их в их противоположность: теоретиков беспрепятственного дальнейшего развития капиталистического воспроизводства и теоретиков автоматического краха капитализма, сторонников учения о гармонии интересов и скептиков, как их часто называют.

Как известно, Маркс в простых числовых схемах представил условия расширенного воспроизводства, не касаясь в них различных усложнений, которые только затруднили бы понимание основных законов капиталистического воспроизводства и обращения. На основе этих схем сторонники учения о гармонии интересов начали вычислять, и так как накопление — на бумаге — год за годом происходило без трений, то они думали, что доказали таким образом возможность свободного от кризисов развития капитализма.

Туган-Барановский дошел даже до следующего утверждения: «Согласно моей теории, капиталистическое производство в абстракции не нуждается в человеческом потреблении, и для реализации своих продуктов рынок сбыта для продуктов капиталистической промышленности может постоянно расширяться при одновременном сокращении спроса на средства потребления и т. д.»²³

Ленин опроверг Тугана-Барановского. Он установил, что до известной степени производство средств производства развивается независимо от производства средств потребления, само создает себе рынок, но что за этими пределами должно произойти соответствующее увеличение средств потребления, так как средства производства суть будущие средства потребления. Туган-Барановский признавал прогрессивность капитализма, рост производительных сил, который особенно обнаруживается в росте средств производства. Он однако отрицал границы, которые капитализм ставит этому росту. Он оспаривал, что здесь вообще существует проблема.

Гильфердинг признавал противоречие, развивающееся с развитием производительных сил капитала, но объяснял его отсутствием пропорциональности в капиталистическом производстве. По его мнению, капиталистическое производство может «расширяться до бесконечности, не едя к перепроизводству товаров», необходима только (!) правильная пропорциональность в производстве²⁴. Гильфердинг не заметил, что диспропорциональность есть одна из присущих капитализму черт, вытекающих из его анархического характера. Она так же не может быть устранена при капитализме, как капиталистическое перепроизводство. Диспропорция есть необходимая форма. Основное противоречие капитализма состоит в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения. Частный характер присвоения, присвоение продукта капиталистом, лишение рабочих собственности на продукт, который они сами создали, выраженная форма проявления основного противоречия капитализма, — вот в чем состоит эксплуатация рабочих капиталом. Видеть основное противоречие капитализма в диспропорциональности отраслей производства, вместо того чтобы видеть его в капиталистической эксплуатации при общественном характере производства, значит не понимать сущности капитализма. Такая теория должна была вести к реакционным,

²³ «Здравый ум человека и научная истина», 1907—1908 гг., т. I, стр. 641.

²⁴ Г и л ь ф е р д и н г, Финансовый капитал, стр. 320.

пацифистским, выдвигающим классовую гармонию лозунгам и вела к ним, как покажет нам отношение социал-демократии к экономическим вопросам империализма.

Бухарин в своей книге «Империализм и накопление капитала» до известной степени приближается к Гильфердингу и вместе с тем к сторонникам учения о гармонии интересов, когда он основное противоречие капитализма относит к его диспропорциональности и говорит о «коллективно-капиталистическом строе»²⁵, не замечая нереального, противоречащего здравому смыслу характера этого пустого отвлеченного построения. Капиталистическое же общество, о котором трактует Маркс в «Капитале», он обозначает как «классическое» капиталистическое общество, причем он классическое ставит в кавычки. Так как Бухарин ошибочно понимает сущность капиталистического антагонизма, то он ошибочно понимает также сущность марксовой теории воспроизводства и обращения капитала. Бухарин начинает свою книгу «Империализм и накопление капитала» следующими словами:

«Маркс, как известно, наметил крупными штрихами ход всего общественного воспроизводства, исходя из целого ряда упрощающих дело предпосылок: капитализм при наличии только двух классов, при отсутствии внешних рынков, при условии равенства ценности и цены и т. д. Как возможно подвижное равновесие растущей капиталистической системы? Так был поставлен Марксом вопрос»²⁶.

Маркс исследовал законы движения капитализма, т. е. законы развития его внутренних противоречий. В ходе этого развития равновесие представляется только как случайный и преходящий момент. Маркс опровергал утопии о капиталистическом равновесии и выявлял противоречия капиталистического общественного строя. Утверждая, что основная цель исследования Маркса — законы капиталистического равновесия, а не законы развития внутренних противоречий капитализма, Бухарин искажал политическую экономию Маркса в том же направлении, как и сторонники учения о гармонии интересов.

Диспропорциональность капитализма всесторонняя. Она существует как между обоими большими подразделениями общественного производства, так и внутри отдельных отраслей производства. Обычно ограничиваются анализом диспропорциональности между производством средств производства и производством средств потребления и отождествляют ее с несоразмерностью между производством и потреблением. Недопотребление масс имманентно капитализму. Оно однако отнюдь не есть основное противоречие этого общественного строя. Иначе было бы непонятно отсутствие хозяйственных кризисов при докапиталистическом строе, когда также были эксплуатация масс и потребление. Уже в своей рецензии на «Финансовый капитал» Гильфердинга в 1910 г. Каутский покидает почву марксизма, говоря о недостаточном потреблении как об основном противоречии капитализма. Теория потребления как объяснение кризисов, является теперь всеобщим достоянием социал-демократии. Последняя ссылается при этом обыкновенно на отдельные цитаты из Маркса, как например на следующее место из III тома «Капитала» (стр. 21):

«Последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать производитель-

²⁵ Бухарин, «Империализм и накопление капитала», ГИЗ, стр. 82.

²⁶ Там же, стр. 5.

ные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества».

Социал-демократия бедность и ограниченность потребления считает жадственным с недопотреблением и не видит, что бедность состоит не только и не в первую очередь в лишении средств существования, а в лишении средств производства и что это лишение средств производства — причина того, что рабочий лишен собственности на свой собственный продукт, между прочим и на произведенные им средства потребления. Эта теория необходимо ведет к лозунгу повышения заработной платы как средства устранения капиталистического кризиса — к утопии, которую уже Маркс опроверг, указывая на то, что «каждый кризис подготавливается как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий класс в действительности получает более крупную долю части годового продукта, предназначенной для потребления»²⁷.

Теории предопределенной гармонии капиталистического производства, которую защищает Туган-Барановский, соответствует теория Отто Бауэра. Оба решают проблему перепроизводства средств потребления тем, что считают ее несуществующей. У Тугана-Барановского средства производства производят новые средства производства, но не средства потребления. У Отто Бауэра перепроизводство средств потребления превращается в производство, точно соответствующее потребности населения. Он обосновывает возможность беспрепятственного воспроизводства следующим образом:

«При капиталистическом способе производства существует тенденция приспособления капиталистического накопления к росту населения»²⁸.

Маркс в противоположность Бауэру пишет в I томе «Капитала» (стр. 502): «Следовательно рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением».

Другими словами: капиталистическое накопление определяет рост рабочего населения, а не наоборот.

Еще бессмысленнее попытка Елены Бауэр доказать возможность беспрепятственного воспроизводства при помощи кредита. Наоборот, кредит облегчает, ускоряет капиталистическое накопление и вместе с ним перепроизводство, размеры и глубину кризиса. Во время самого кризиса кредит сжимается до наименьших размеров.

Как ни разнородны и ни противоречивы основания теоретиками гармонии интересов возможности свободного от кризисов воспроизводства и обращения при капитализме, все же в утверждении, что существует эта возможность или возможность смягчить кризисы, они все согласны.

Противоположностью по отношению к теоретикам гармонии интересов, которые более или менее открыто и последовательно выводят из марксовых схем расширенного воспроизводства беспрепятственный ход капиталистического процесса накопления, являются теоретики автоматического краха капитализма, который они выводят из чисто экономических причин.

Основание для этих теорий автоматизма дала Роза Люксембург в своем «Накоплении капитала», где она опирается на теории народников, которые в свою очередь основываются на ошибках Смита и Сис-

²⁷ «Капитал», т. II, стр. 44.

²⁸ «Накопление капитала» № 24 за 1913 г., стр. 872.

монди. В ее теории мы находим элементы всех тех ошибок, которые мы выше разобрали: при анализе основного противоречия капитализма она исходит из обращения, вместо того чтобы исходить из производства; она смешивает капиталистическое накопление с накоплением денег; она затушевывает противоположность между простым товарным обращением и капиталистическим обращением; она не замечает, что в процессе расширенного воспроизводства расширяется также потребление и т. д. Я однако не хочу здесь останавливаться на ее отдельных ошибках, а ограничусь лишь анализом основной ошибки в ее теории накопления.

Роза Люксембург резюмирует основные мысли своей теории накопления следующим образом:

«Следовательно существование не капиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решающим моментом проблемы накопления капитала»²⁹.

Основное противоречие капитализма состоит в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения. Все остальные противоречия, которыми капитализм очень богат, выводятся из этого противоречия как из решающего. Кто сводит, как это делает Роза Люксембург, основное противоречие капитализма к противоречию между расширением производства и трудностями реализации, тот забывает, что реализация стоимости товара, т. е. ее обращение, зависит от производства и определяется им. Отделение обращения от производства, обособление его, является характерной чертой капитализма. Здесь — единство противоположностей. Видеть только противоположность производства и обращения, упускать из виду единство — значит совершать механистическую ошибку. Противопоставлять обращение производству как независимый от него фактор, делать его определяющим фактором — значит делать в то же время идеалистическую ошибку. Роза Люксембург не объясняет противоречия капитализма из его сущности и переносит это противоречие и вместе с тем и его решение вовне. Так как Роза Люксембург не вскрывает основного противоречия капитализма, а исследует производные противоречия, то она, оставаясь последовательной, отказывается от «чистого» капитализма как исходного пункта исследования, считая его несуществующим, иллюзорным. Но что же означают законы «чистого» капитализма, как не основные законы, как не сущность капитализма, без познания которых мы совсем не сможем понять побочные явления капитализма, усложненную действительность, т. е. «нечистый» капитализм? Борьба Розы Люксембург против «чистого» капитализма Маркса доказывает, что она не поняла сущности его способа исследования и доказательства.

Если сущность капиталистического антагонизма заключается не в самом производстве, а в реализации прибавочной стоимости, т. е. в обращении, то в конце концов совсем не необходимо изменение способа производства, нужно только расширение обращения. Фактически теория Розы Люксембург, если ее последовательно развивать дальше, ведет к тому, чтобы крах капитализма был отнесен к концу возможного расширения капиталистического сбыта — к моменту охвата и поглощения последнего третьего лица. Так как до того времени еще далеко, то еще далеко до пролетарской революции. В конце концов сама пролетарская революция становится излишней, так как крах с исчез-

²⁹ «Накопление капитала». № 24 за 1913 г., стр. 256.

новением последнего третьего лица должен произойти автоматически, без содействия пролетариата.

Теория накопления Розы Люксембург не остается без влияния на ее стратегию и тактику. Существует органическая связь между теорией накопления и ее теорией стихийности. Обе основаны на вере в автоматический характер развития при капитализме. Поэтому эти теории демобилизуют пролетариат.

Теория накопления Розы Люксембург связана с ее непониманием ленинской установки в национальном и крестьянском вопросах. Развитие капитализма происходит за счет огромного большинства прежних мелких собственников — крестьян и ремесленников. Как может расширяться капиталистический рынок, если уменьшаются доходы этих слоев? — спрашивала Роза Люксембург в согласии с народниками. Ленин доказывал, что уменьшение доходов этих слоев не противоречит изменению формы дохода. Продукт, производившийся прежде для собственного потребления, становится товаром. Средства производства, прежде производившиеся самим владельцем их, теперь покупаются на рынке как товары. Продукты прежде вообще или не входили или входили только в незначительном количестве в рыночный оборот. Теперь их объем уменьшается, но зато в этом уменьшенном объеме они впервые целиком входят в рыночное обращение.

Вопрос, на котором потерпела крушение политическая экономия Смита и Сисмонди, был разрешен Марксом и дальше развит Лениным: капиталистическое производство само создает себе рынок.

Не существование третьих лиц оказалось жизненной необходимостью для расширенного воспроизводства капитала, а их гибель как самостоятельных производителей, вытеснение мелких частных собственников капиталистической собственностью. Товарное обращение, отнюдь не являясь только клапаном для капиталистического перепроизводства, было в то же время пионером расширения поля капиталистического производства и вместе с тем еще более сильного перепроизводства в будущем.

«Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, состоящее в обмене с цивилизованными капиталистическими нациями, на известной ступени развития неизбежно становится и само на путь капитализма»³⁰.

Правильная стратегия и тактика пролетариата при империализме основана на правильном анализе экономики империализма, процесса воспроизводства и обращения при империализме. Кто видит в крестьянине только «третье лицо», необходимого покупателя капиталистических товаров, тот никогда не придет к ленинской теории о возможности и необходимости повести мелкого крестьянина против буржуазии. Эта теория последовательно ведет к колониальному империализму Штернберга. Наоборот, кто видит в продаже товаров крестьянина первый шаг к продаже капиталу рабочей силы крестьянина, тот необходимо придет к ленинской стратегии союза пролетариата с мелким крестьянством. Кто в торговле с колониальными народами замечает только обмен эквивалентов, обмен, без которого капиталистическое перепроизводство не могло бы сбыть свои товары, у того нет экономического обоснования неизбежности национальной и социальной освободительной борьбы колоний против империалистических государств. Однако тот,

³⁰ Ленин, Две тактики, Соч., т. VIII, гл. VI, изд. 3-е, стр. 56.

кто объясняет эту торговлю стремлением к сверхприбыли, которая является целью даже при «чистой» торговле — а колониальная сверхприбыль ведь покоится на усиленной эксплуатации колоний, — тот из самых условий «чистой» торговли делает вывод о необходимости освободительной борьбы колоний.

Тот факт, что Роза Люксембург не сделала последнего вывода из своей теории — отказа от пролетарской революции — ни теоретически, ни практически, а большую часть своей жизни боролась против империализма в первых рядах немецкого пролетариата, доказывает, что она, несмотря на все свои ошибки в области теорий, была революционеркой, которая все свои силы и способности отдала служению пролетарской революции.

Анализ и опровержение ошибок теории Розы Люксембург необходимы однако вдвойне, потому что ее ошибками как ошибками революционера, до самой своей смерти преданного революции, пользуются как ренегаты коммунизма, так и «левые» социал-демократы, чтобы построить на них целую систему и с таким оружием бороться против коммунистической партии. Автоматический характер краха капитализма, гарантирующий пролетариату победу без борьбы с его стороны, — это мнимореволюционное следствие теории накопления Розы Люксембург, которое фактически призывает пролетариат, — делает эту теорию излюбленным оружием как раз ренегатов коммунизма и «левых» социал-демократов и доказывает этим ее опасность для пролетариата.

На долю современных социал-фашистов левого крыла выпала задача развить дальше это ложное учение и сделать реакционные выводы из него. Маркс писал:

«Оригинальные мыслители никогда не делают абсурдных выводов. Они предоставляют это Сэям и Мак-Куллохам»⁸¹.

Мы можем сказать в этом случае: они предоставляют это Штернбергам! Штернберг, теоретик «левой» с.-д. партийной группировки Зейдевица, утверждает, что при «чистом» капитализме с расширенным воспроизводством при обмене продуктов I и II подразделений (производство средств производства и производство средств потребления) во II подразделении должны оставаться не имеющие сбыта средства потребления. Он предполагает, что в обоих подразделениях, правда, органический состав капитала — различной высоты, но оспаривает, что II подразделение накапливает меньше, чем I, так как никакая сила не может заставить капиталистов II подразделения оставлять норму их накопления ниже нормы накопления I подразделения. Он не выводит накопление в отдельных отраслях производства из законов расширенного воспроизводства, а считает его зависящим от произвола капиталистов этих отраслей. Оставаясь последовательным, он должен отрицать роль капиталистического кризиса как фактора, который, обесценивая капиталы и временно останавливая накопление, насильственно восстанавливает на миг правильную пропорцию внутри подразделений капиталистического производства. И действительно, Штернберг отрицает возможность и существование временных циклических капиталистических кризисов. Для него фактически существует только беспрепятственное производство или перманентный кризис. Для него все довоенное время становится временем классовой гармонии, отсутствия кризисов, временем «запрета охоты» (schonzeit) в отношении рабочего класса — временем

⁸¹ «Капитал», т. II, стр. 419.

повышения заработной платы, отсутствия промышленной резервной армии. Штернберг заимствует у Розы Люксембург «третьих лиц» (он обозначает их как «некапиталистическое пространство») как покупателей его, не находящихся сбыта остатков средств потребления и дающих в обмен средства производства. То обстоятельство, что, во-первых, добавочные средства производства производят добавочные средства потребления, следовательно увеличивают не находящий сбыта остаток средств потребления; что, во-вторых, колонии технически не в состоянии производить сложные машины; что, в-третьих, необъяснимо, откуда колониальные народы узнают, в каком размере они должны производить средства производства для обмена с капиталистическими странами, чтобы получить в обмен «не находящие сбыта остатки средств потребления» Штернберга, — все это не смущает нашего «ученого».

Конечно Штернберг игнорирует работы Ленина, так как на немецком языке «вышла только его брошюра «Империализм как высшая стадия капитализма», между тем как Штернберг, как известно, написал очень толстые книги об империализме. Штернберг согласен с тем, что в действительности для высокоразвитых капиталистических государств — Америки и Англии его теория «чистого» капитализма не подходит, что там прежде всего имеет место перепроизводство средств производства. Но с ограниченностью догматика он объясняет, что это опровержение, которое дает действительность, «не имеет ни малейшего значения по отношению к утверждению, что при «чистом» капитализме должен быть остаток средств потребления во II подразделении»³².

Этим он сам характеризует ценность теории «чистого» капитализма как теории, «чистой» от всякого содержания. Ее единственное содержание состоит в том, чтобы помочь буржуазии в затемнении классового сознания пролетариата. Современный кризис дает лучшую иллюстрацию этого утверждения.

Другую разновидность теории автоматического краха дает Гросман. По его вычислениям, капитализм должен потерпеть крушение через 35 лет именно вследствие абсолютного обнищания капиталистов, которым благодаря постоянному накоплению больше нечего будет потреблять. До такого результата вычислений он доходит потому, что в своей схеме, которую он в основном заимствовал у Отто Бауэра, он не принимает во внимание растущей эксплуатации пролетариата.

Как ни борются между собой фаталисты и сторонники учения о гармонии интересов, одинаковость сущности обеих теорий обнаруживается в механистическом и идеалистическом характере их «метода» исследования и в реакционных политических выводах из их учений. Сторонники обеих теорий не понимают как сущности математических формул расширенного воспроизводства Маркса, так и вообще границ значения числовых схем. Числовые схемы Маркса с а м и п о с е б е ничего не доказывают. Формулы Маркса кратко выражают основные пункты его теории капиталистического воспроизводства и обращения в простой схеме, иллюстрируют их конкретными числовыми данными, представляют действительное развитие капитализма в основных чертах.

Уже Энгельс указал в «Диалектике природы»³³ на односторонность

³² Фриц Штернберг, Империализм и его критика, Берлин 1929 г., стр. 63;

³³ «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 141.

тех математиков, которые за своими математическими вычислениями забывают основу математики — выведение математических аксиом из опытов жизни, — и закончил указанием, что «все абстракции, доведенные до крайности, превращаются в бессмыслицу или в свою противоположность». Кто за сплошными числовыми схемами не проглядел самой жизни, того нынешний глубочайший и тягчайший кризис капитализма, с одной стороны, и успешное гигантское социалистическое строительство, с другой стороны, учат понимать смысл и правильность марксовой теории воспроизводства и обращения капитала; тот использует эту теорию как теоретическое оружие в борьбе пролетариата за низвержение господства буржуазии, что соответствует ее сущности и придает ей теоретическое и революционное значение.

III

С переходом капитализма от свободной конкуренции к империалистической стадии, начало которой относится к 80-м годам XIX в. и которая становится преобладающей, как пишет Ленин, к началу XX в., возник целый ряд новых проблем для политической экономии. Каким образом ответила социал-демократия на новые вопросы?

В известном смысле можно рассматривать «Предпосылки социализма» Бернштейна, появившиеся в 1899 г., как первый ответ. Это был отрицательный ответ. Частью Бернштейн отрицал новые явления, частью, поскольку он должен был признать их, он превратно истолковывал их сущность. Первая программная книга ревизионизма была насквозь реакционной книгой. Она искала спасения в мелочной идеологии мелкого собственника. Она отрицала, ослабляла, затушевывала процесс монополизации, который тогда уже начал делаться господствующим. Она превращала всех производителей в мелких собственников. Она видела в акционерном обществе форму демократизации собственности, вместо того чтобы видеть в нем средство монополистического капитала включить в свой фонд накопления даже мельчайшие денежные суммы мелкой буржуазии и отдельных слоев рабочей аристократии. С усилением ревизионизма, с его переходом в социал-фашизм, с изменениями в социальном составе партии, с приемом в организацию сотен тысяч мелких буржуа и интеллигентов, особенно в руководящие ее органы, эта мелкособственническая идеология сделалась господствующей в социал-демократии. Социал-демократия теперь вообще отрицает, особенно в сельском хозяйстве, вытеснение мелкого производства крупным, техническую отсталость первого по сравнению с последним.

Альфред Браунталь пишет:

«При равных технических условиях производства мелкое производство превосходит крупное благодаря вышеуказанным основаниям социального характера и имеет тенденцию вытеснять последнее или даже препятствовать его возникновению. Но даже там, где крупное производство технически превосходит мелкое в силу закона уменьшающихся издержек, это превосходство до известного момента уравновешивается социальным превосходством мелкого производства»³⁴.

Вторым ответом на новые проблемы империализма был «Финансовый капитал» Гильфердинга. Ответ был утвердительный. Здесь уже есть ряд тех изращений марксизма, которые теперь, возведенные в целую систему, составляют фундамент с.-д. теории империализма.

³⁴ Альфред Браунталь, *Хозяйство нашего времени и его законы*, стр. 183.

Гильфердинг преувеличил процесс монополизации и проглядел существование свободной конкуренции рядом с монополией и при ее господстве, воспроизводство конкуренции на более высокой ступени. Вместе с тем он проглядел как раз тот момент, который усложняет и обостряет отношения империализма. Он, как пишет Ленин, стал «примирять марксизм с оппортунизмом». Эти ошибки вылились в типичную для современной социал-демократии теорию «организованного» капитализма, провозглашенную Гильфердингом в 1926 г. на кильском съезде СПГ, в теорию «государственного капитализма» и «государственного социализма», увенчанную «всеобщим картелем», к которому будто бы с необходимостью ведет монополистический капитал. Оба направления проговорчат друг другу, но, несмотря на это, мирно уживаются в произведениях социал-демократических экономистов.

Обоим направлениям обще то, что они отрицают основное противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения при капитализме, особенно в его империалистической стадии.

Первое не видит, отрицает общественный характер производства, второе — частный характер присвоения.

Цель обоих направлений — предотвратить пролетарскую революцию. Одно — тем, что оно отрицает экономическую зрелость социализма, так как если не существует общественного характера производства, если мелкое производство господствует над крупным и направление развития идет к мелкому производству, то победа пролетарской революции не возможна. Другое направление — тем, что оно изображает империалистический капитализм как начинающийся социализм. «Автоматика капитализма социализирует» — пишет Реннер. Благодаря этому пролетарская революция оказывается излишней.

Правда, социализм не может одновременно и «быть невозможным» и «автоматически наступить». Но в своей борьбе против пролетарской революции социал-демократы не отступают даже перед явными противоречиями. Эклёктика социал-демократии — характерный показатель ложности ее теории.

С.-д. экономисты читали марксовы формулы расширенного производства, но не поняли, не захотели их понять. Когда жизнь подтвердила то, чему Маркс учил, когда начался век пролетарской революции, за которую боролся Маркс, социал-демократия стала искать убежища от обострения всех противоречий при империализме отчасти в утопии «организованного» капитализма и «всеобщего картеля», отчасти в мещанской идиллии свободной торговли, свободной конкуренции, незыблемости мелкой собственности, — идиллии, которую империализм, выросший из свободной конкуренции, давно уничтожил.

Теории «всеобщего картеля», «ультраимпериализма», «государственного социализма» и др. типичны для взглядов теоретиков гармонии интересов. Эти «теоретики» видят основное противоречие капитализма не в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения, а в диспропорциональности развития его отдельных отраслей. Они в конце концов сводят анархию капитализма к недостаткам статистики, а не к эксплуатации рабочих. Надежда на капиталистический всеобщий картель реакционна в двояком отношении:

1. Если весь капитал объединится в один картель, следовательно хозяйство сделается вполне «организованным», то оно уже не будет то-

варным хозяйством, следовательно не будет капиталистическим товарным хозяйством.

2. Если рабочая сила перестанет быть товаром, если все рабочие будут подчинены одному картелю, то прекращается формальная свобода рабочего.

Маркс высказывается по этому вопросу очень резко и ясно в одном еще неопубликованном предварительном наброске к первой книге «Капитала»:

«Ошибаются как те, которые рассматривают наемный труд, продажу труда капиталу и тем самым форму наемного труда как внешнюю по отношению к капиталистическому производству; она есть существенная и постоянно вновь воспроизводимая самим капиталистическим отношением производства форма опосредствования последних; (так и) те, которые в этом поверхностном отношении, в этой существенной формальности, видимости капиталистического отношения находят самую его сущность»³⁵.

Генеральный картель Гильфердинга представляет существенное изменение формы эксплуатации, хотя он хочет сохранить капитализм как таковой. Маркс показывает нелепость такого построения. Капитализм обуславливает товарную форму рабочей силы как существенную форму.

В экономических рукописях 1857—1858 гг. Маркс специально высказывается по вопросу о генеральном картеле, т. е. об универсальном капитале. Он пишет там:

«Универсальный капитал без противостоящих ему чужих капиталов, с которыми он обменивается — а с рассматриваемой точки зрения ему ничего не противостоит, кроме наемного труда или его самого,—есть поэтому бессмыслица».

Ленин, незнакомый с этими доказательствами Маркса, тем не менее занял по отношению к генеральному картелю, т. е. к универсальному капиталу, принципиально ту же самую позицию, какую занимал Маркс. Он пишет в противоположность «чистым» абстракциям мировой монополии, мирового треста:

«Если же говорить о «чисто экономических» условиях эпохи финансового капитала как об исторически-конкретной эпохе, относящейся к началу XX в., то лучшим ответом на мертвые абстракции «ультраимпериализма» (служащие исключительно реакционной цели: отвлечению внимания от глубины и а л и ч н ы х противоречий) является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Бессодержательнейшие разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют между прочим ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их»³⁶.

Нельзя устранить отсутствие пропорциональности в капитализме, не устраняя капиталистической эксплуатации как существеннейшей части капиталистической анархии. Поэтому все эти мечты о генеральном картеле не только утопичны, но и реакционны, так как они стирают классовое противоречие капитализма.

Быстрый рост капитала в его империалистической стадии **заслонял**

³⁵ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 175.

³⁶ «Империализм как высшая стадия капитализма», Соч., т. XIX, изд. 3-е, 1929 г., стр. 147.

для апологетов капитала паразитические черты последнего. Ленин уже писал о Гильфердинге:

«Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал шаг назад, по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму»³⁷.

Гильфердинг говорит только языком своей партии. Здесь продолжает существовать единый фронт до «левых» теоретиков краха капитализма, как Штернберг. Штернберг оспаривает паразитизм империализма. Он пишет:

«Если выдвинуть на первый план анализ отношений производства, то придешь к какому-угодно выводу, но не к выводу, что империализм представляет загнивание капитализма»³⁸.

Паразитические черты империализма вопреки этому апологету капитала уже достигли теперь такой глубины, что они приводят к крикам о техническом регрессе как средстве борьбы против кризиса.

IV

Какие выводы делает социал-демократия из своей экономической теории? Или вернее: служа какой политике социал-демократия извращает марксову политическую экономию? Современная социал-демократия из ревизионистского направления довоенного времени развилась в социал-фашистскую организацию. Ее судьба теперь бесповоротно связана с судьбой капитализма и его государства. Она воспитывает своих членов в духе поддержки государства, защиты капитала. Теории «организованного» капитализма и государственного социализма суть теоретические основы социал-фашизма. Империалистический капитализм согласно этим теориям есть начинающийся социализм, в который мы растаем без нашего содействия. Это чудо совершит «самопомощь обращения, чтобы передать собственность из рук традиционного владельца в руки того, кто сможет привести ее в действие»³⁹.

И Реннер открывает нам «тайну» этого удивительного богатства форм, тайну этой юридической и экономической творческой силы обращения. Оно сможет расплатиться с капиталистом «частицами прибавочной стоимости»⁴⁰.

Таким образом получается, что «демократия собственности установлена». С удивлением смотрят пролетарии на свою жалкую заработную плату и на миллиардное имущество монополистического капитала, узнав от Реннера, что в их «руках» уже находится «переданная собственность», между тем как миллиарды у монополистического капитала представляют лишь скудную «расплату частицами прибавочной стоимости».

Социалист всегда должен быть готов к первой возможности (мирной революции). Всякое вмешательство в общий экономический процесс, которое мешает ему или даже его разрушает, ударяет прежде всего по самому рабочему классу, бросает его в нищету и безработицу и может отбросить хозяйство на годы, даже на десятилетия, назад, так как это вмешательство ударяет, во-вторых, по такому сложному механизму — системе обращения,—который относится к замечатель-

³⁷ «Империализм как высшая стадия капитализма», Соч., т. XIX, изд. 3-е, 1929 г. стр. 151.

³⁸ «Империализм и его критики», стр. 193.

³⁹ Карл Реннер, Хозяйство как совокупный процесс и социализация, стр. 351; разрядка Реннера.

⁴⁰ Там же; разрядка Реннера.

нейшим произведениям человеческого духа. Здесь применимо замечательное высказывание Коле: «Разрушить капиталистическое хозяйство легко, но заменить его трудно. Она (социализация—Л.Ф.) не может начать с производства. Занятие фабрик, отчуждение предприятий, изгнание фабричной бюрократии, — подобные вещи могут происходить в революционные времена, но они не являются путем к достижению цели».

И Реннер советует предоставить пока концернам право «присваивать прибавочную стоимость их методами и объединять ее, чтобы затем передать ее государству, которое ее производителем применит»:

Рабочие в капиталистических странах, последовавшие указаниям Реннера и социал-демократии, предоставившие концернам право присваивать прибавочную стоимость, не овладевшие фабриками и не разрушившие «сложного механизма», сами разрушаются теперь этим «сложным механизмом» и брошены в нищету и безработицу, невиданную в мировой истории, вместо того чтобы прибавочная стоимость концернов передавалась при помощи государственных налогов капиталистам в виде вспомоществований и приплат к прибавочной стоимости. Как раз потому, что рабочие не произвели вмешательства в «сложный механизм», хозяйственное развитие было отброшено на десятилетия назад.

В действительности разговоры о «сложном механизме» являются обманом, который должен помешать не разрушению «механизма», а его овладению рабочим классом. Ленин пишет о том, что империализм так упростил функции управления и контроля над производством, что рабочее государство может передать эти функции рабочим и служащим.

В качестве последнего предупреждения против «насильственной революции» Реннер выдвигает вопрос «интернационализма».

«В какой степени проведение социализации должно быть предоставлено будущему Интернационалу? В этом вопросе у нас уже сейчас имеется известный опыт благодаря грандиозному, хотя во многих отношениях и неудавшемуся эксперименту России. Если отвлечься от политических затруднений и рассматривать вопрос чисто экономически, то действительным оказывается следующее положение: никакой национально ограниченный район, как бы силен он ни казался, не может в наше время безнаказанно оторваться от мирового рынка в целом»⁴¹.

Немецкий рабочий класс, который, послушавшись предупреждений Реннера и социал-демократии, не оторвался «от мирового рынка в целом», не освободился от оков Антанты, не пошел по пути Советского союза, не присоединился к нему, — угнетается теперь в десять раз сильнее под версальским ярмом, принужден выносить двойной фронт эксплуатации — своего и иностранного капитала.

Наконец Каутский ставит точку над «i». Ему уже недостаточно лозунга Реннера, предлагающего оставить в покое капиталистов и не мешать капиталистическому процессу обращения. Он требует со стороны пролетариата активной поддержки капиталистов и капиталистического производства и обращения. Чтобы сделать приемлемым этот лозунг, он представляет монополистический капитализм и политику монополистического капитала как «насилие над экономическими законами капиталистического развития». Он требует как истинный филистер и мелкий буржуа, чтобы пролета-

⁴¹ Карл Реннер, цитированное произведение стр. 371—372, 373, 381—382.

риат повернул обратно колесо истории к капитализму свободной конкуренции:

«Где невозможно социалистическое производство, там свобода торговли, свобода сношений — если они всесторонне производятся — представляют собой наилучшие условия для развития производительных сил и для развития сил пролетариата».

Каутский требует права эмиграции и для пролетариата, так как эмиграция «принадлежит к числу средств установления пропорциональности производства, а тем самым смягчения и преодоления кризисов в капиталистических условиях».

Но куда эмигрировать, если во всех капиталистических странах бушует кризис? Разве что на кладбище?

Каутский требует «свободного движения кредита, беспрепятственного движения капиталов». Наконец он требует установления демократии, уничтожения диктатуры, «необходимым результатом которой была гражданская война, которая довела до высшего предела экономический хаос»⁴².

Он уверяет, что кризисы «в огромном большинстве случаев являются результатом политики правительств, а потому их можно было бы избежать и при дальнейшем существовании капиталистического хозяйства», если бы правительства были настроены менее «милитаристически и монополистически».

Каутский требует возврата от монополии к свободной конкуренции, которая была основой, на которой необходимо должна была вырасти и выросла монополия. Как настоящий вульгарный экономист он объявляет кризисы результатом неверной политики, требует проведения такой политики, которая бы дала возможность спокойного, безостановочного хода капиталистического производства и обращения, и видит в охране анархического, элементарного, естественно развивающегося хода капиталистического производства от посторонних вмешательств средство для предотвращения кризисов, как будто бы не анархический характер капиталистического производства является как раз причиной капиталистических кризисов.

Наконец Каутский объявляет несколько примитивно, но ясно и недвусмысленно, что задача пролетариата — «выступить за соблюдение этих (экономических — Л. Ф.) законов» (капиталистического развития — Л. Ф.)».

Учение Каутского — теоретическое обоснование политической практики социал-фашизма, общей атаки против социализма, против диктатуры пролетариата, против революционного рабочего движения. Диктатура (читай: диктатура пролетариата) мешает капиталистическому производству и обращению, а потому этот «неудавшийся эксперимент» большевиков должен быть уничтожен. Это — необходимый вывод.

Идеологический обстрел, направленный на Восток, служит подготовкой действительного обстрела белогвардейских армий в грядущей интервенции капиталистического Запада против Советского союза.

Поэтому вся социал-демократия более или менее открыто отрицает социалистический характер, гигантские успехи и небывалый темп хозяйственного строительства Советского союза. Социал-демократы

⁴² Каутский, Предисловие к «Капиталу», т. II, стр. XXX, XXVIII, XXIX, XXV, XXI, XXII.

называют советское хозяйственное строительство «крестьянским социализмом», «государственным социализмом», «запоздалым капитализмом» и т. д. Они искажают сущность и отрицают успехи социалистического строительства в Советском союзе. По мнению Реннера, социалистический «эксперимент» «потерпел неудачу» вследствие игнорирования законов обращения.

То же у Каутского.

В наши дни, перед лицом тягчайшего мирового хозяйственного кризиса капитализма, перед лицом грандиозных успехов социалистического строительства в Советской стране лживость и глупость этих утверждений особенно смешна и нелогична.

Круг замкнут. В процессе расширенного воспроизводства из ревизионизма 90-х годов прошлого столетия вырос социал-фашизм послевоенного времени.

К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ КОНЦЕНТРАЦИИ МАРКСА

Настоящая статья ставит своей задачей рассмотрение главным образом 4 следующих вопросов:

1. О связи между теорией кооперации труда и теорией концентрации производства Маркса.
2. О движущих стимулах капиталистической концентрации по Марксу.
3. О развитии теории концентрации производства Маркса Лениным.
4. Об общих принципиальных отличиях капиталистической и социалистической концентрации.

«Рост размеров промышленных предприятий,—пишет Маркс,—повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессивного превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно-комбинированные и научно направляемые процессы производства»¹. Концентрация производства — важнейший синтетический показатель высоты развития производительных сил.

Каждый исторический способ производства, представляя особую форму развития производительных сил, определяет тем самым характерные формы, тип, темп, уровень концентрации производства. Концентрация производства — предпосылка и следствие определенного движения производительных сил, специфического для каждой эпохи закона их движения.

Беспредельная жажда прибавочной стоимости определяет расширенное воспроизводство общественных отношений и вещественных элементов при капитализме.

Анализируя капиталистические методы увеличения прибавочной стоимости, Маркс дает последовательные этапы процесса капиталистической концентрации производства. Анализ концентрации как чисто количественного возрастания размеров предприятия является выхолощенным, бессодержательным отражением действительного процесса. Концентрация производства является количественным выражением определенных качественных сдвигов в отношениях собственности, в организации труда, в размерах и мощности орудий производства и т. д.

Три стадии развития капиталистической промышленности являются вместе с тем тремя последовательными ступенями капиталистической концентрации производства. В IV отделе I тома «Капитала» Маркс, обрисовывая развитие непосредственно общественного характера труда в специфической антагонистической форме внутри капиталистического предприятия, вместе с тем вскрывает качественные основы процесса капиталистической концентрации. Даже формальное подчинение процесса труда капиталу на базе старого способа производства означает новую историческую ступень концентрации

¹ «Капитал», т. I, стр. 499.

производства, так как «то, что например на базисе цехового способа производства представляется максимумом (например в отношении числа подмастерьев), едва может составить минимум для капиталистического отношения»².

Применение кооперации в значительном масштабе противостоит докапиталистическим ремесленным формам организации труда как исторически необходимая, характерная форма капиталистического производства.

«Действие большого числа рабочих,— пишет Маркс,— в одно и то же время, в одном и том же месте (или, если хотите, на одном и том же поле труда) для производства одного и того же сорта товаров, под командой одного и того же капиталиста составляет исторически и логически исходный пункт капиталистического производства»³.

Первой неразвитой формой капиталистической концентрации является простая кооперация. Возникновение простой кооперации — классический пример «скачка», «перерыва постепенности» в накоплении количественных изменений. По отношению к самому способу производства простая кооперация отличается от мелкого ручного производства «едва ли чем другим кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»⁴.

Анализируя простую кооперацию, Маркс и Ленин подробно останавливаются на тех последовательных преобразованиях, которые вытекают из увеличения числа рабочих, из простого сложения ремесленных орудий. Капиталист освобождается от необходимости непосредственного участия в процессе труда и специализируется на функциях коммерческого и предпринимательского характера. Лучше утилизируются постройки, инструменты и т. д. Даже тогда, когда рабочие объединены пространственно, а не совместностью самого труда, средства производства имеют характер условий общественного труда. Их полезный эффект резко возрастает.

Результат совместного, планомерно организованного труда отличен от результатов механической суммы сил отдельных рабочих. «Самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии»⁵. Во всех тех случаях, когда много лиц участвует в выполнении одной и той же нераздельной операции, возникает новая производительная сила — производительная сила комбинированного труда. Классический пример действия подобной массовой силы дает переноска тяжестей. Даже при одновременном выполнении участниками одних и тех же операций частично осуществимо известное расчленение совокупного труда на последовательные фазы (передача кирпича из рук в руки на постройках) или одновременная обработка предмета труда с разных сторон с вытекающими отсюда ускорением и непрерывностью всего процесса. Простая кооперация необходима в ряде производств в критический момент, диктующий огромную концентрацию однородных усилий в короткий отрезок времени. «Кооперация, с одной стороны, позволяет расширять пространственную сферу труда, и потому при известных

² М а р к с, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 95.

³ Цитирую по III тому (изд. 3-е, стр. 275) Соч. Ленина, так как имеющийся перевод под редакцией Базарова и Степанова грешит рядом «вольностей», искажающих смысл абзаца, например «Под руководством одного и того же капиталиста» вместо «под к о м а н д о й одного и того же капиталиста», как переводит Ленин; «Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении», вместо «д е й с т в и я большого числа рабочих в о д н о и т о ж е в р е м я, в о д н о м и т о ж е м е с т е» и т. п.

⁴ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 240.

⁵ Т а м ж е, стр. 243.

процессах труда ее требует уже самое располсжение предметов труда в пространстве; так например, она необходима при осушительных работах, при постройке плотин, работах по орошению, по проведению каналов, грунтовых железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить область производства».

Таким образом по Марксу, уже простая кооперация означает во многих случаях применение значительного числа рабочих, значительное укрупнение масштаба производства.

Это расширение масштаба на основе формального подчинения труда капиталу является важнейшим историческим условием возникновения специфически капиталистического способа производства.

К первой стадии развития капитализма непосредственно примыкает мануфактура. С одной стороны, крупные мастерские вводят постепенно разделение труда, и таким образом простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру. С другой стороны, на определенной ступени своего господства над мелкими производителями торговый капитал начинает проводить между группирующимися вокруг более крупных мастерских мелкими заведениями специализацию и разделение труда.

Тончайшая специализация людей и инструментов, качественное расчленение мануфактурного труда связаны с определенной количественной пропорцией, с установлением прочных математических отношений между размерами и численностью отдельных групп. Поэтому определенная численность рабочих является материальной предпосылкой мануфактурного разделения труда. Укоренившись как общественно необходимое, мануфактурное обособление частичных операций диктует увеличение размеров производства путем кратного увеличения всех производственных групп, т. е. определяет шкалу последовательных расширений предприятия. «Мануфактура таким образом создает математически определенное отношение для количественного размера отдельных органов совокупного рабочего, и производство может быть расширено только введением нового множителя в совокупную группу»⁷. Вместе с тем выгоды дальнейшего разделения труда, требующие увеличения числа рабочих, обуславливают и увеличение затрат на строение и оборудование и более чем пропорциональное вследствие возрастания производительной силы труда увеличение затрат на сырье.

«Таким образом рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных средств существования и производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры»⁸.

Говорить о законе оптимальных размеров предприятия при капитализме столь же апологетично и ненаучно, как говорить о законе оптимальной техники. В каждой отрасли стихийно в процессе конкурентной борьбы выкристаллизовывается средний, нормальный общественно необходимый размер предприятия.

«В собственно мануфактуре для каждой отрасли производства скоро слагается особый минимум размера предприятий и соответственно этому минимум капитала, без которого нельзя успешно вести отдельные предприятия. Точно так же в каждой отрасли производ-

⁶ Маркс, Капитал, т. I, стр. 246.

⁷ Энгельс, Конспект I тома «Капитала» Маркса, изд. 1932 г., стр. 43.

⁸ Маркс, Капитал, т. I, стр. 272.

ства образуется стоящий выше этого минимума нормальный средний размер капитала, которым должно располагать и располагает большинство производителей. Капитал большего размера может дать добавочную прибыль; меньшего размера не дает и средней прибыли»^{8а}.

Мануфактура — характерная форма кооперации, основанной на систематическом, широком разделении ручного труда, — означает новую ступень капиталистической концентрации производства. Эта концентрация однако не сводится к сосредоточению рабочих «под одной крышей».

В своих работах Ленин мастерски вскрыл сложные, замаскированные, противоречивые формы процесса концентрации в капиталистической мануфактуре.

Развитие и обогащение Лениным марксовой теории капиталистической мануфактуры заключается в разрушении традиционного представления о мануфактуре как основанной на разделении труда кооперации в рамках одной мастерской.

К капиталистической мануфактуре, по Ленину, относятся и причудливые, разнообразные формы переплетения крупных мастерских с мелкими заведениями, являющимися их «придатками», «внешними отделениями», с рабочими, на дому выполняющими частичные операции.

Введение скупщиком детального разделения труда между подвластными ему кустарями, фактическими наемными рабочими, обрабатывающими чужое сырье за сдельную плату, превращает «самостоятельные» мелкие заведения в составные части капиталистической мануфактуры.

Уже в «Кустарной переписи в Пермской губернии» Ленин показал «искусственного» и «беспочвенного» кулака-скупщика, который, по мнению народников, был чужд производства как реального руководителя крупной капиталистической мануфактуры.

Работа на скупщика, отмечает Ленин, есть не злоупотребление, не случайность, а именно особая форма производства, непосредственно вырастающая из мелкого товарного хозяйства и связанная с ним тысячью нитей.

По классификации последовательных ступеней развития капитализма в промышленности эта форма производства принадлежит большей частью к мануфактуре, ибо она характеризуется следующими признаками: «1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений; 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставит во главе производства торговца, как и всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыта продуктов; 4) низводит трудящихся на положение наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому».

Анализируя материалы многих десятков разнообразных кустарных промыслов, Ленин показал маленькую светелку как звено сложного производственного механизма органической или гетерогенной мануфактуры, находящейся в полном подчинении крупного капитала. Такая мануфактура охватывает значительную часть селения, а часто и района⁹. Центром ее является крупная мастерская, выполняющая

^{8а} Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 216; ¹ разрядка наша.

⁹ Ленин дает любопытное графическое изображение мануфактуры в виде организации, охватывающей кустарные заведения нескольких селений (валяльный промысел в районе Арзамаса и др. (См. Ленин, т. III, стр. 303).

наиболее ответственные операции и связанная через иерархию вербующихся из более мелких предпринимателей посредников с сотнями рабочих надому. «Это кажется парадоксом, — пишет Ленин, — рост мелких, иногда даже «самостоятельных» промыслов, как выражение роста капиталистической мануфактуры, и тем не менее это факт. «Самостоятельность» таких «кустарей» совершенно фиктивная. Их работа не могла бы производиться, их продукт не имел бы даже иногда никакой потребительной стоимости вне связи с другими детальными работами, с другими частичками продукта, а эту связь мог создать и создал только крупный капитал, господствующий в той или иной форме над массой детальных рабочих»¹⁰.

Гениальное умение Ленина в пестром хаосе конкретных форм вскрыть внутренние закономерности капиталистического развития чрезвычайно ярко сказалось в этой диалектической характеристике роста мелких заведений как выражения роста капиталистической концентрации.

Мануфактурная кооперация в широком масштабе, дифференцировав, усовершенствовав рабочие инструменты, разложив движения на простейшие элементы, тем самым материально подготовила новую ступень капиталистической концентрации производства — крупную фабричную индустрию. За некоторыми исключениями машина функционирует только как средство обобществленного труда. Поэтому кооперативный характер процессов труда становится в машинном производстве технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда.

Теоретический анализ развития машины как исходного пункта переворота в способе производства, данный Марксом в XIII главе «Капитала», вскрывает сущность машины как средства производства прибавочной стоимости в возрастающем масштабе.

Машина представляет комбинацию многих простых орудий. В то время как количество инструментов, которыми одновременно может действовать рабочий, сильно ограничено, машина оперирует одновременно многими орудиями. Одна рабочая машина представляет лишь простой элемент машинного производства. Увеличение размера исполнительного механизма требует в свою очередь более мощной трансмиссии и двигательной силы, требует замены мускулов человека более равномерным, крупным и дешевым источником энергии. Размеры агрегатов, технических слагаемых предприятия, должны эмансипироваться от пределов, налагаемых человеческой природой. «Выступая в виде машины, средство труда приобретает такую материальную форму, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических, рутинных приемов сознательным применением естествознания»¹¹. Карликовое орудие человеческого организма многократно умножается, увеличивается до гигантских размеров как орудие искусственного механизма¹². Быстрота движения орудия ос-

¹⁰ Ленин, т. III, стр. 333.

¹¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 292.

¹² «Исполнительный механизм сверлильной машины, это—огромный бурав, который приводится в движение паровой машиной и без которого в свою очередь не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок—циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина—железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, как плотник обрабатывает дерево, орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет железо на пластины, это—гигантская бритва, орудие машины, которая режет железо, как ножницы портного режут сукно, это—чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 292).

вобождается от ограничений, связанных с силой, ловкостью и умением ремесленного рабочего. Являясь первоначально более или менее измененным «механическим изданием» старого ручного инструмента, рабочая машина постепенно приобретает конструкцию и мощность, всецело определяемые ее механическими задачами.

Универсальным, относительно легко контролируемым и дробимым двигателем капиталистической крупной промышленности становится паровая машина, которая заменяет основанные на дедовском принципе мельничного колеса рассеянные вблизи деревенских речек небольшие фабрики чудовищно концентрированной в городах индустрией¹³.

Рост числа рабочих машин побуждает к применению пара. Применение пара в свою очередь обуславливает концентрацию машин и людей. Дальнейший рост мощности двигателя связан с ростом числа одновременно обслуживаемых рабочих машин, увеличением скорости их движения, с преобразованием передаточного механизма в сложный, разветвленный аппарат.

Возникает простая кооперация машин, в которой техническое единство однородных механизмов обусловлено наличием единого центрального мотора. Но характерным развитым средством труда крупной капиталистической промышленности является сложная кооперация, расчлененная система частичных машин, дополняющих друг друга выполнением последовательных операций. Необходимость определенного соотношения между количеством, размерами и быстротой частичных машин определяет теперь минимальный при данном уровне общественной техники размер предприятия. «Здесь (в крупной промышленности — Д. М.) количественное отношение отдельных групп рабочих повторяется в виде отношения отдельных групп машин»¹⁴. «На месте отдельной машины выступает здесь механическое чудовище, тело которого занимает целые фабричные здания и демоническая сила которого, сначала почти замаскированная, торжественно, размеренным движением его исполинских членов выливается в лихорадочно бешеной пляске его бесчисленных рабочих органов, в собственном смысле этого слова»¹⁵.

Ведущим в определении размеров капиталистического предприятия становится не общественно необходимый масштаб кооперации людей, как в мануфактуре, а общественно необходимый масштаб кооперации машин в данной отрасли¹⁶.

Итак, «ход развития капиталистического производства и накопления обуславливает процесс труда в постоянно возрастающем масштабе и вместе с тем в постоянно растущих размерах и соответственно этому обуславливает постоянное увеличение авансирований капитала на каждое отдельное предприятие. Поэтому возрастающая концентрация капиталов (сопровождаемая в то же время, хотя и в меньшей

¹³ Ярким примером деконцентрированности промышленности вследствие приспособления размера предприятий к источникам водяной силы является дореволюционная металлургия Урала.

¹⁴ Энгельс, Конспект I тома «Капитала», стр. 47.

¹⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 289.

¹⁶ Необходимо отметить, что, гениально предугадав позднейшие технические тенденции по их зародышевым формам, Маркс тем самым предвосхитил и новейшие технико-экономические пути концентрации производства: гигантское ускорение процессов, в силу которого огромное увеличение дееспособности агрегатов сопровождается замедленным ростом или даже уменьшением их объема и веса; автоматизм; непрерывный поток; комбинированные агрегаты (комбайны, многошпиндельные станки); комплексную эксплуатацию производственных единиц; комбинирование и т. д.

степени, увеличением числа капиталистов) является и одним из материальных условий капиталистического производства и накопления и одним из создаваемых им самим результатов».

Если уровень концентрации и централизации капитала является важнейшим определяющим моментом уровня концентрации капиталистического производства¹⁷, то, с другой стороны, концентрация производства является могущественным средством реализации конкурентных преимуществ крупного капитала перед мелким и следовательно средством дальнейшего ускорения процессов концентрации и централизации капиталов.

С развитием капитализма концентрация производства становится для отдельного капиталиста не только средством удовлетворения ненасытной жажды прибавочной стоимости, но и необходимостью. «Накопление или производство в увеличенных размерах, являясь средством к постоянному расширению производства прибавочной стоимости, а потому к обогащению капиталиста, являясь личной целью последнего, составляя одну из общих тенденций капиталистического производства, как показано в первой книге, благодаря своему развитию превращается в необходимость для каждого отдельного капиталиста.

Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения»¹⁸.

«Развитие капиталистического производства создает необходимость постоянного возрастания капитала, вложенного в данное предприятие, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства как внешние принудительные законы».

Под угрозой гибели принужден капиталист совершенствовать свое производство и расширять его масштаб. Постоянное увеличение предприятий становится условием его сохранения.

Потому «с развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным спросом на продукт и все в большей степени определяется размерами капитала, которым располагает индивидуальный капиталист, стремлением его, капитала, увеличивать свою стоимость и необходимостью в том, что бы его производительный процесс шел непрерывно и расширялся»¹⁹.

Растущая концентрация капиталистического производства — прямое выражение степени порабощения производителя продуктом его труда. Существует отчетливо наблюдаемая связь между ростом концентрации производства и усилением методов цивилизованной и утонченной эксплуатации. Покоящиеся на определенном масштабе производства качественные расчленение и количественная пропорциональность мануфактурной организации труда, так многословно воспеваемые еще Адамом Смитом, создавали новые условия господства капитала над трудом.

¹⁷ «Концентрация значительных средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации и масштаб производства зависят от степени этой концентрации» (Маркс, Капитал, т. I, стр. 247).

¹⁸ Маркс, Капитал, т. II, стр. 40.

¹⁹ Там же, стр. 90.

Культивированная уродливая односторонность частичного рабочего, способного производить лишь в сложной системе кооперированного труда, прочно приковывала наемного раба к колесу капиталистической эксплуатации.

Продажа рабочей силы капиталу является для детального рабочего необходимою не только вследствие монополизации средств производства, но и вследствие неспособности его частичной рабочей силы функционировать вне связи с другими частичными рабочими силами. «Как на челе избранного народа было начертано, что он собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала»²⁰.

Однако только машина — могучее средство преобразования общественного производства в самой его основе, уничтожив значение ремесленного искусства, дала капиталисту независимый от притязаний рабочего объективный скелет совокупного производственного механизма. Тем самым машина означала новую ступень реального подчинения рабочего капиталистическому процессу накопления. Господство условий труда над рабочим приобретает в машине технически осязаемую реальность. Живой труд здесь подчиняется труду мертвому и овеществленному. Человек из крови и плоти — железному человеку. В крупном механизированном производстве завершается отделение средств производства от непосредственного производителя.

«...Расхождение в объективных условиях труда, расхождение между прежним трудом и живым трудом достигает прямого противоречия, причем прежний труд, т. е. вообще общественная сила труда, включая силы природы и науку, является прямым оружием, частью — чтобы выгнать рабочего на улицу, поставить его в положение излишнего человека, частью, чтобы сломить его специальность и основанные на таковой запросы, частью, чтобы подчинить его организованной деспотии фабричного порядка и военной дисциплине капитала»²¹.

Только с распространением машин общественно-необходимое время находит свою законченную производственно-техническую основу.

Уже в простой кооперации взаимополагаются имеющие особое значение при ручной первобытной технике индивидуальные отклонения от труда среднего общественного качества. Поэтому Маркс писал, что «закон возрастания стоимости вполне реализуется для отдельного производителя лишь в том случае, если он производит как капиталист, употребляет одновременно многих рабочих, т. е. уже с самого начала приводит в движение средний общественный труд»²².

В мануфактуре непосредственная зависимость последовательных работ вынуждает каждого из рабочих употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего резко повышается степень общей непрерывности, упорядоченности, согласованности и интенсивности труда. «В мануфактуре изготовления данного количества продуктов в течение данного рабочего времени представляет технический закон производства»²³.

Однако лишь в крупной машинной индустрии, устраняющей недостаточность мануфактурного контроля над общими физическими и химическими условиями производственного процесса и субъективный

²⁰ Маркс, Капитал, т. II, стр. 273.

²¹ Маркс, Неопубликованные рукописи по технике, цит. по ст. М. Рубинштейна, «Большевик» № 1—2 за 1932 г., стр. 19.

²² «Капитал», т. I, стр. 242.

²³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 260.

характер разделения труда, — регулирование рабочего времени самим ходом производственного процесса находит свое наиболее отчетливое и оформленное выражение. Темп движения машины начинает определять темп движения человека. Машина выступает как погоняльщик и контролер живого труда.

«Благодаря своему превращению в автомат средства труда во время самого процесса труда противостоят рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее»²⁴.

Важнейшие ступени концентрации производства тесно связаны с решающими этапами классовой борьбы в капиталистическом обществе. Временные остановки в процессе увеличения стоимости не только делают бесполезным авансированный на дорогие сооружения капитал, но и грозят их преждевременным физическим и моральным снашиванием. С развитием крупной промышленности рост основного капитала вызывает усиливающееся стремление капиталиста к удлинению рабочего дня и к переходу на систему смен. Насильственное, болезненное нарушение установленных «правом и природой» пределов рабочего дня наблюдается прежде всего в отраслях с революционизированной машиной — техническим базисом производства. Но введение машины революционизирует не только технологический процесс, но и классовую расстановку сил.

Объединение значительных масс рабочих, нивелировка условий труда, планомерность самого крупного машинного производства создают материальные основы для усиления сплоченности, вышколенности, организованности рабочего класса, для развертывания классовой борьбы за законодательное ограничение рабочего дня.

Фабричные законы, мелочно, единообразно регулирующие распорядок работы, отнюдь не были случайным результатом парламентских изменений. Они были столь же необходимым продуктом крупной капиталистической промышленности, пишет Маркс, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и телеграф²⁵. Фабричные законы «развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы»²⁶.

Но эти законы дали новый толчок концентрации производства вследствие стремления капиталиста выиграть путем расширения предприятий в пространстве то, что было потеряно благодаря экстенсивному ограничению рабочего дня во времени, вследствие необходимости рядом нововведений и усовершенствований обеспечить требуемые законом регулярные перерывы в работе и общее изменение обстановки. «Но доведя таким образом до быстрого, как бы оранжерейного созревания те материальные элементы, которые необходимы для превращения мануфактурного производства в фабричное производство, фабричный закон, вызывая необходимость увеличения затрат капитала, ускоряет в то же время гибель более медких мастерских и концентрацию капитала»²⁷.

Ускоряя победу крупной фабрики над мелкой мастерской, фабричное законодательство тем самым способствовало замене устарелых,

²⁴ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 324.

²⁵ Т а м же, стр. 273.

²⁶ Т а м же, стр. 206;

²⁷ Т а м же, стр. 370.

ублюдочных переходных форм господства капитала прямым его господством и следовательно чрезвычайному обострению классовой борьбы.

Ограничение рабочего дня капиталисты стремятся возместить резкой интенсификацией труда. Ускорение хода машин, увеличение числа и размеров контролируемых рабочим механизмов становится наиболее распространенным средством не только сохранения прежнего масштаба производства без дополнительных затрат на рабочую силу, машины, здания и т. д., но даже значительного его расширения. Этот момент является важнейшим толкачом технического усовершенствования и роста мощности агрегатов при капитализме. Показывая связанные с введением машин и концентрацией производства изменения в материальной основе классовой борьбы, Маркс показывает и обратное влияние, влияние обостренной классовой борьбы на темпы и масштабы распространения машин как средства подавить сопротивление рабочих.

Логика развертывающейся классовой борьбы на капиталистическом предприятии является необходимым историческим средством осуществления закона капиталистической концентрации, т. е. концентрации на основе порабощения, эксплуатации и обнищания производителя, общественно-комбинированного труда на основе разрушения здоровья и интеллектуального развития рабочего.

Маркс вскрывает конкуренцию и классовую борьбу как рычаги капиталистической концентрации, показывает общественную необходимость концентрации как результат необходимых действий основных классов капиталистического общества.

В противовес вульгарной буржуазной и социал-фашистской экономии, которая объясняет вытеснение мелкого производства крупным абстрактной ссылкой на неизменный всеобщий принцип издержек производства или даже непосредственно вечными законами техники. законом экономии энергии²⁸, законом соотношения объема и поверхности и т. д.²⁹, Маркс и Ленин тщательно подчеркивали историческую обусловленность процессов концентрации. «Не усовершенствование] техники, а частная собственность экспроприирует и Verleendet (ведет к обнищанию) мелк[ого] про[изводител]я» — пишет Ленин в примечаниях на плехановский проект программы.

Технические преимущества крупного производства реализуются лишь при определенных экономических условиях.

«Сам по себе рост техники не может увеличить хозяйственное значение] круп[ных] предпр[иятий]. Рост техн[ики] + ряд экон[омических] преобразований вроде условий сбыта etc.. (ведет к вытеснению мелкого производства крупным...)»³⁰.

Маркс и Ленин не ставили схоластически-абстрактного вопроса о преимуществах крупного производства вообще, а последовательно анализировали исторические преимущества, движущие мотивы и границы крупного капиталистического производства на различных ступенях его развития, показывали производственные отношения капиталистического общества как исторически необходимую форму внед-

²⁸ См. Г и н з б у р г, Экономия промышленности.

²⁹ Grundriss der Sozialökonomik, Bd. VI, S. 203—204. Vogelstein organis. d. Industrie und Monopol.

³⁰ «Ленинский сборник» II, стр. 25.

рения машинного производства и тщательно вскрывали при этом конкуренцию и классовую борьбу как противоречивые пути этого внедрения.

Концентрацию производства Ленин анализировал для выявления классовых сдвигов, для определения зрелости капиталистических отношений, темпа и характера преобразования мелкотоварных форм производства. Концентрация производства бралась Лениным как исходный пункт превращения эпохи свободной конкуренции в эпоху монополистического капитализма, как антагонистическая форма развития производительных сил, как историческая подготовка материальных предпосылок социализма.

«Теория Маркса показала, — пишет Ленин, — как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества»³².

Концентрация производства при капитализме — наиболее яркое и рельефное, хотя далеко не единственное проявление того обобществления труда, которым Ленин характеризовал прогрессивную историческую роль капитализма. И вместе с тем капиталистическая концентрация — глубочайшее выражение поляризации нищеты и богатства, необходимая составная часть всеобщего закона капиталистического накопления.

Капиталистическая концентрация производства обуславливает возрастание власти овеществленного труда над живым, дальнейшее обособление общественных условий производства от непосредственного производителя и следовательно увеличение беспорядочности капиталистического производства в целом, гигантское обострение всех его исторических противоречий: эксплуатации рабочего класса, безработицы, конкуренции. Капиталистическая концентрация знаменует рост общественных антагонизмов, приближение последнего часа капиталистической собственности, и поэтому в лагере открытой и маскирующейся буржуазной апологетики существует «почетная» традиция опровержения марксовой «легенды» пожирания».

Ленин принадлежит к наиболее последовательным защитникам марксовой теории концентрации от полчищ «критически» настроенных народников, ревизионистов и т. п.

Материалы по выработке программы РСДРП показывают, какую исключительную настороженность проявлял Ленин в борьбе за четкую и категоричную формулировку соответствующих пунктов. Эти материалы содержат буквально десятки ленинских справок, вариантов, дополнений к пунктам, обрисовывающим ход капиталистической концентрации производства.

Ленин «энергично спорил» против плехановской формулировки «увеличения хозяйственного значения крупных», «сужения роли мелких» предприятий и предлагал заменить ее положением о вытеснении мелкого производства крупным из-за абстрактности этой формулы, из-за того, что она не выражала резкого и болезненного характера процесса капиталистической концентрации. В противовес сторонникам плехановской формулировки, утверждавшим, что она якобы более глубока, содержательна и широка, чем «узкое» и «шаблонное» слово «вытеснение», Ленин указывал на расплывчатость плехановской формулировки, на то, что она придает вид глубины простой туманности, в ко-

³² «Маркс, Энгельс, марксизм», изд. 2-е, стр. 21.

торой могут увидеть «желание прикрыть наготу скомпрометированной критиками марксовой догмы»³³.

Вместе с тем Ленину чуждо рационалистическое понимание марксова закона капиталистической концентрации, насильственное прикладывание надуманной, общей, мертвой схемы к живой, конкретной действительности. Закон капиталистической концентрации, как и всякий закон, действует в определенных условиях, требует при анализе его проявления учета конкретных обстоятельств места и времени. «И в промышленности ведь,— отмечает Ленин,— закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и не так прост, как иногда думают: и там лишь равенство «прочих условий» (далеко не всегда имеющее место в действительности) обеспечивает полную применимость закона»³⁴.

«Победа крупного производства и в промышленности вовсе не так проста и идет не в таких однообразных формах, как привыкли думать люди, говорящие о неприменимости теории Маркса к земледелию. Достаточно указать на капиталистическую домашнюю работу, достаточно напомнить сделанное уже Марксом замечание о чрезвычайной пестроте переходных и смешанных форм, затемняющих победу в фабричной системе. Во сколько же раз сложнее обстоит дело в сельском хозяйстве»³⁵.

Вместе с тем Ленин обрушивается с беспощадной критикой на ползучий эмпиризм, берущий факты концентрации разрозненно, без внутренней связи, превращающий теорию в описание, в перечень отдельных случаев и признаков. Ленин берет отдельные факты в свете определяющих тенденций, вскрывает господствующую закономерность в самых пестрых, переходных, затемненных перекрещивающимися влияниями, формах.

Ленин ругает своих противников и за «непомерную абстрактность» в понимании закона преимущества крупного хозяйства, за оперирование общими формулами, за подмену анализа действительности прикладыванием трафарета, за забвение фактов и за смешение закона с эмпирической совокупностью, за непонимание закона концентрации как закона общих тенденций капитализма, отнюдь не закона всех отдельных случаев, за выхватывание единичных явлений без связи с общими условиями и поспешное возведение их на степень абсолютных законов. «Нет ничего легче, — неоднократно подчеркивает Ленин, — как нахватать из любого исследования кучу указаний и фактов, «подтверждающих» воззрения данного писателя».

Если не низводить необходимость до чего-то чисто случайного, а объяснять случайность из необходимости, то отдельные факты «устойчивости», «живучести» и даже «превосходства» мелкого производства должны браться в свете общей картины, в зависимости от основных закономерностей и своеобразных условий их действия. Но тогда эти факты доказывают прямо противоположное тому, что мерещится в них реакционному утопизму мелкого буржуа; тогда эти факты обнаруживаются как частичное проявление общего процесса концентрации, как отдельные моменты реализации его.

Ленин вскрывает, как процесс прямого поглощения мелких предприятий крупными капиталистическими совмещается с ростом мелких заведений, так как вследствие свойственной капитализму неравномерности развития одновременно происходит в тех или иных пределах

³³ «Ленинский сборник» II, стр. 71.

³⁴ Ленин, т. IX, изд. 1-е, стр. 10.

³⁵ Там же; стр. 23.

разложение полунатурального крестьянского хозяйства в отсталых районах, выделение новых отраслей из сельского хозяйства. Ленин показывает, как влияние крепостнических пережитков, давление средневековых учреждений, способствуя распространению ростовщического и торгового капитала, обуславливает задержку на самых противоречивых переходных отношениях капиталистической эксплуатации, а следовательно и на замаскированных формах капиталистической концентрации.

Капитализм сам порождает мелкое производство, но это мелкое производство, оттесненное во второстепенные отрасли, подчиненное капиталистической эксплуатации, приспособленное к потребностям крупного производства и преобразованное под его воздействием, представляет лишь предварительную историческую форму капиталистической концентрации производства.

Рост мелких предприятий, встречающийся на разных ступенях капиталистического развития, представляет кажущийся возврат к старому. Маркс отмечает, что возрождение ремесленного производства на базе машины является лишь переходом к фабричному производству³⁶. Ленин в «Кустарной переписи в Пермской губернии» доказал, что «самостоятельность большинства кустарей носит совершенно фиктивный характер, что на деле они являются лишь «внешними отделениями» крупной мастерской. Их место в экономической жизни можно определить, не противопоставляя их крупным, а беря их как особый момент в развитии крупных».

Поэтому Ленин считает недопустимым ограничиваться при характеристике значения мелких предприятий данными о числе рабочих, как это делает вся европейская промышленная статистика или данными в качестве земли, как это делает аграрная статистика. «Возможно вытеснение мелких предприятий и наряду, с увеличением доли рабочих у них, — пишет Ленин в замечаниях на проект программы Плеханова, — если эти рабочие например обрабатывают уже чужой материал»³⁷. Вытеснение мелкого хозяйства нельзя понимать только в смысле немедленной экспроприации. К вытеснению относится также, неоднократно подчеркивает Ленин, могущее тянуться годами, десятилетиями разорение, ухудшение условий мелкого хозяйства, выражающееся в чрезмерном труде, в скверном питании, обремененности долгами, застою техники, истощенности земли и скота и т. д. В черновых набросках вариантов к программе Российской социал-демократической рабочей партии Ленин неоднократно подчеркивает, что развитие капитализма, ухудшая положение мелких производителей, часть из них вытесняет в ряды пролетариата, часть превращает в «слуг» и «данников» капитала.

Подчеркивание безвыходного положения мелкого производителя берется Лениным как экономическое обоснование присоединения широких масс трудящихся к освободительной борьбе пролетариата.

«Мы должны обвинить капитализм в нищете масс, а не только в нищете рабочего класса» — отмечает Ленин. «Обращаясь к ним (к массе кустарей и крестьян — Д. М.), мы должны сказать, — пишет он в замечаниях на проект программы, — что «капитал делает их слугами и данниками», разоряет их, вытесняет их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает каждый кустарь и каждый крестьянин, и толь-

³⁶ «Капитал», т. I, стр. 366.

³⁷ «Ленинский сборник» II, стр. 70.

ко из такой формулировки будет вытекать неизбежно вывод: единственное спасение для вас — примкнуть к партии пролетариата»⁸⁸.

Каутский в книге «Пролетарская революция и ее программа» (стр. 48) предлагает для предотвращения возможных кривотолков изменить данное Эрфуртской программой изображение хода экономического развития таким образом, чтобы сделать исходным пунктом не гибель мелкого, а расцвет крупного производства.

Аргументация Каутского довольно «своеобразна». Один снотолкователь, повествует он, объяснил султану его сон: «не так, что он увидит смерть всех своих родственников, а так, что он их всех переживет», что вызвало удовольствие султана. Обывательская аналогия маститого главаря социал-фашистов обнаруживает его четкие классовые устремления; Каутский хочет привлечь не мелкого производителя, видящего свою неминуемую гибель в лапах капиталистической эксплуатации и переходящего в лагерь революционных союзников пролетариата, а хозяйчика, мечтающего о расцвете его заведения в крупное капиталистическое предприятие и делает ставку на собственные инстинкты зажиточной верхушки.

Современный мировой кризис множит с огромной быстротой число сторонников мелкого производства в рядах буржуазии. Форд, еще так недавно бывший знаменем современного крупного капиталистического производства, опубликовывает в печати сообщение о перестройке своих заводов на началах децентрализации. До 50 тыс. мелких заводов, разбросанных по всей стране, должны будут производить отдельные части машин. Уже в своей последней книге («Und trotz dem Vorwärts», стр. 171) Форд поучал, что различие между промышленностью и сельским хозяйством является чем-то преходящим и что действительным идеалом должна быть полная децентрализация, при которой большинство фабрик малы и так расположены, что рабочие одновременно могут быть и крестьянами и индустриальными рабочими. Центральное предприятие должно быть лишь лабораторией, местом производства наиболее ответственных частей (моторов), расчетным местом идей и денег. Такое сотрудничество должно обеспечить, по мнению Форда, значительное удешевление товаров, так как рабочие, занимаясь одновременно сельским хозяйством, легко сумеют прокормить себя. Этот своеобразный, поставленный вверх ногами проект уничтожения противоположности между городом и деревней представляет чрезвычайно грубую маскировку реакционных эксплуататорских стремлений Форда. На путях резкого снижения жизненного уровня трудящихся масс, на путях гигантского уничтожения созданных производительных сил ищет крупный капитал выхода из невиданного кризиса.

Переполюющие заграничную печать истерические вопли об опасностях «сверхрационализаций» и массового производства, о необходимости возвратиться назад к счастливой примитивности дедов, повернуть от трактора к лошадке, не нуждающейся в покупном бензине, борьба с новыми изобретениями и т. д. ярко свидетельствуют о загнивании, о неразрешимых противоречиях современного крупного капиталистического производства.

⁸⁸ «Ленинский сборник» II, стр. 72.

В свете соревнования двух систем гениальный марксов анализ исторически ограниченного характера капиталистической концентрации получает в настоящее время величайшее подтверждение. Критика капиталистической концентрации не с позиций мелкобуржуазного уравнительного социализма, а с позиций пролетарского социализма, критика теории устойчивости мелкокрестьянского хозяйства находит на опыте социалистического строительства СССР новые исторические аргументы.

Отрицание принципиальных отличий капиталистической и социалистической концентрации составляет прямое продолжение абстрактно-схоластического рассмотрения буржуазной экономией вопроса о преимуществах крупного производства.

Стремясь сгладить рассуждениями об устойчивости мелкого производства кричащие противоречия капиталистической концентрации, с одной стороны, буржуазная апологетика, с другой стороны, провозглашает капиталистические отношения единственной исторически неограниченной формой существования и развития крупного производства. Тем самым антагонистические противоречия капиталистической концентрации объявляются неизбежными противоречиями всякого роста крупного производства, а капиталистический путь экспроприации, конкуренции и эксплуатации — единственным возможным путем создания и расцвета крупного производства»³⁹.

Эти теории прекрасно подтверждают то неоднократно доказанное положение, что изображение законов капиталистического развития как вечных и неустрашимых законов природы, являясь ярчайшей апологетикой в применении к буржуазному хозяйству (на природу взваливается вина за бедствия, приносимые капитализмом), в применении к социалистическому хозяйству, приобретает новый, сугубо контрреволюционный смысл. Капиталистические пропорции, темпы и масштабы навязываются как обязательные и всеобщие нормы, как непреодолимые законы техники природы и рентабельности растущему социализму.

Итоги пятилетки показывают, как далеко перешагнул руководимый коммунистической партией рабочий класс через намечавшиеся вредителями нормы и ограничения.

Именно сейчас чрезвычайно ярко обнаруживается классовый смысл отрицания исторически преходящего характера капиталистической концентрации. Именно сейчас методы плановой социалистической

³⁹ «В самом деле,—пишет известный буржуазный экономист Кейнс,—именно неравенство распределения богатств давало возможность бесконечного их накопления и постоянных усовершенствований, отличавших наш век от предшествующих. В этом обстоятельстве лежит главное оправдание капиталистической системы» (Кейнс, Экономические последствия Версальского мирного договора, стр. 8). Игнорируя вопрос о том, какая эластичная, но значительная часть общественного богатства при капиталистических отношениях расточается на потребление непроизводительных классов, Кейнс добавляет: «Подобно трудолюбивым пчелам этот класс (богатый класс) откладывал про запас и накапливал, и его ограничение собственных желаний служило на пользу также и всему коллективу».

Подобного рода бездарные, елейные рассуждения обладают удивительной живучестью. Уже 50 лет назад беспощадная критика Маркса обрушилась на некоего Wakefield, утверждавшего, что «если бы капитал равными долями был распределен между всеми членами общества, то ни один человек не был бы заинтересован в том, чтобы накапливать капитала больше, чем он может применить к делу при помощи своих собственных рук».

И что раздробление средств производства между многочисленными самостоятельно хозяйствующими собственниками уничтожает вместе с централизацией капитала и все основы комбинированного труда («Капитал», т. I, стр. 619).

На последней ступени своего развития в период гниющего умирающего капитализма буржуазная апологетика попрежнему крепко держится за этот потрепанный аргумент.

концентрации подвергают капиталистические методы анархии и эксплуатации величайшей исторической критике, критике практической деятельностью миллионов.

В эпоху капитализма основная смена способов производства шла по линии вытеснения мелкотоварного хозяйства капиталистическим, сейчас — по линии борьбы капитализма и социализма, что конечно не исключает процесса вытеснения мелкого производства крупным в капиталистических странах и процесса его социалистической переделки в СССР. Центр тяжести в проблеме концентрации перемещается на сегодняшний день на линию противопоставлений крупного социалистического и крупного капиталистического производства. Вопрос о соотношении крупного и мелкого производства необходимо решать в свете и в связи с этим основным противопоставлением. Говорить применительно к СССР о замене мелкого производства крупным, умалчивая об исторических формах, методах и границах этой замены, это значит отказаться от ленинской постановки вопроса о двух путях развития мелкого хозяйства в СССР в пользу кулацкого лозунга развития производительных сил вообще, социалистическую переделку мелкотоварного сектора приравнять к капиталистической экспроприации мелкого производителя. Проблема концентрации производства в СССР не есть проблема абстрактных преимуществ крупного производства перед мелким. Преимущества социалистически организованного крупного производства есть преимущества новой исторически определенной формы обобществления труда, новой формы «прогрессивного превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно-комбинированный и научно направленный процесс производства»⁴⁰.

Проблема концентрации в настоящее время есть проблема существенного отличия крупного социалистического производства от крупного капиталистического, отличия, находящего свое выражение как в методах, формах и темпах замены мелкого производства крупным, так и в характере концентрационного движения внутри самого крупного производства.

В отличие от капиталистической концентрации, исходным пунктом которой является отделение непосредственного производителя от средств производства, исходным пунктом социалистической концентрации служит превращение частной собственности буржуазии и помещиков в собственность пролетарского государства.

Рост концентрации социалистической индустрии, сельского хозяйства и транспорта означает укрепление позиций социализма, усиление руководящей роли пролетариата, повышение жизненного уровня трудящегося населения.

Производство прибавочной стоимости и непрерывно обратное превращение ее в капитал являются непосредственной целью и определяющим мотивом капиталистической промышленности.

Лишь постольку, поскольку расширенное воспроизводство прибавочной стоимости требует расширения процесса труда, последний реализуется в условиях капиталистических отношений.

Темпы, масштабы, характер социалистической концентрации переходного периода определяются общими закономерностями периода диктатуры пролетариата, созданием в кратчайшие исторические сроки новейшей технической базы для реконструкции всей страны, сплошной коллективизацией и т. д.

⁴⁰ Маркс, Капитал, т. I, стр. 499.

Распространенная механистическая концепция мирного перерастания капиталистической анархии в плановую социалистическую экономику путем поглощения общественного разделения труда так называемым техническим сводит качественное различие между капиталистической и социалистической концентрацией к количественному различию в масштабе.

Суть этой концепции заключается в следующем. По своей природе разделение труда имеет две формы: форму общественного разделения труда и форму технического разделения труда. Техническое разделение труда является организованным разделением, например разделение труда внутри фабрики. Общественное разделение труда—неорганизованная, стихийная форма разделения труда⁴¹.

По мере развития общества сфера технического разделения труда расширяется за счет сужения сферы общественного разделения труда.

В основе изложенной концепции лежит богдановская замена классовых различий различиями организационных форм. В книжке «Вопросы социализма» Богданов говорит о двух формах сотрудничества: организованной и неорганизованной, анархической. Организованное сотрудничество, господствующее внутри самостоятельных предприятий, капитализм непрерывно развивает, расширяя до невиданных раньше размеров; «коллективизм организованное сотрудничество доводит до предельной величины, по всей линии замещая им анархическую форму связи: все общество становится единым предприятием» (стр. 13).

Бессонов в книге «Развитие машин» пытался схематически уложить в ряд этапов вытеснения техническим разделением труда общественного чуть не всю историю человечества, начиная с зачатков обмена и кончая развернутым коммунистическим обществом. Он давал таким образом общую линию развития, представляющую «постепенное отмирание слепой игры общественных сил, представленных рынком, и, наоборот, постепенный рост планомерного технического разделения труда внутри общества, рассматриваемого как единый хозяйственный организм» (стр. 418).

И социалистическое строительство, в переходный период, и рост монополистического капитализма одинаково предстают у Бессонова как процессы замены меновых связей плановыми связями технического разделения труда, как процессы спадания фетишистского одеяния и обнажения материально-технического состава производства⁴².

Переходная экономика характеризуется перерастанием закона стоимости в «голый» закон «трудовых затрат»⁴³.

⁴¹ См. Рудаков, Социалистическая рационализация, стр. 1.

⁴² При монополистическом капитализме «сфера технического разделения труда возрастает до громадных размеров...» «Соответственно суживается сфера общественного разделения труда» (стр. 417). «Товарно-социалистическая система, осуществляемая в Советской России»,—это постепенный подход «к отмиранию рынка, к замене общественного разделения труда техническим, к плановому хозяйству» (стр. 418).

Эта концепция нашла известное отражение в работах т. Бухарина. Некоторые отзвуки ее встречаются и в его более поздних статьях. Так, в статье «Капиталистическая дезорганизация и социалистическая реконструкция» (газета «Техника» № 1) т. Бухарин пишет о тенденции «к превращению общественного разделения труда в его техническое разделение «как об одной из основных тенденций технического развития», упирающихся в барьер современного капитализма».

⁴³ См. статью т. Бессонова, План или усмотрение, «Экономическая жизнь» № 49 за 1928 г.

Место теоретического исследования общественных законов должны следовательно постепенно занимать проблемы организации и технического руководства.

Коммунистическое общество — это общество с чисто техническим разделением труда. Это — та же система норм, применяемая внутри капиталистической мастерской, но распространенная на все общественное хозяйство⁴⁴.

Наброшенная схема смыкается как с теорией «организованного» капитализма, так и с теорией самотека в социалистическом строительстве, показывает их общие корни. Рост плановости объявляется следствием непреодолимой технической тенденции, поэтому, с одной стороны, «элементы социалистического хозяйства созревают в недрах самого капитализма»⁴⁵.

С другой стороны, развитие нашего хозяйства представляется автоматически идущим к вытеснению общественного разделения труда техническим, к росту плановости. Это непонимание активной роли производственных отношений, это превознесение голого примата производительных сил, взятых оторванно от исторической общественной формы, являются общим методологическим обоснованием оппортунистических и социал-фашистских теорий переходного периода.

То, что диктатура пролетариата определяет движение переходной экономики, отрицается замаскированно или открыто.

Социалистическая кооперация расширяет свои границы в результате самотечного развития производительных сил без борьбы классов, без ликвидации кулачества, без борьбы за переделку бедняцко-средняцких хозяйств. Капиталистическое хозяйство с необходимостью идет к концентрации и объединению производства. «Капитализм должен идти к все более расширяющемуся производству. Это расширение производства делает однако необходимым все большее объединение производства, и тем самым естественно растут с необходимостью элементы развития, противоположные капитализму»⁴⁶.

Наиболее законченное и вульгарное выражение схема, изображающая рост социалистического плана как расширение технического разделения труда за счет общественного, как распространение плана капиталистического предприятия на все народное хозяйство, нашла в книжке Рудакова «Социалистическая рационализация». По мнению т. Рудакова, новые формы кооперирования социалистической промышленности заключаются в том, что «мы вносим технические формы разделения труда в наши общественные отношения, переносим их из капиталистической фабрики и распространяем эти отношения между трестами, синдикатами и т. д. в национальном масштабе производств»⁴⁷.

Отличие нашей рационализации заключается по Рудакову в том, что принципы Тейлора и Форда вышли из отдельного цеха и развертываются по всем отраслям народного хозяйства, становясь одними из руководящих принципов реконструкции отдельных отраслей.

Районирование — «это не что иное, как развернутый метод цехового расположения инструментов и материалов. Разница только в масштабе — цехи размещают, «районируют», так сказать, отдельные инструменты и куски материалов в радиус руки отдельного работника, а при районировании размещают целые фаб-

⁴⁴ «Развитие машин», стр. 419.

⁴⁵ Там же, стр. 418.

⁴⁶ Otto Leichter, Die Sprengung des Kapitalismus, S. 39.

⁴⁷ Рудаков, Социалистическая рационализация, стр. 39.

рики и заводы на территории страны в радиусе управления центральных областных хозяйственных единиц» (подчеркнуто автором) ⁴⁸.

Итак, разница только в масштабе. Социалистическая реконструкция заключается в распространении разделения труда капиталистического предприятия на все народное хозяйство. Социалистическая кооперация есть воспроизведенная в гигантском масштабе капиталистическая кооперация ⁴⁹.

Сведение качественного различия двух принципиально классово противоположных форм общественной организации труда к количественному различию в размере — вот последовательный вывод.

Этот вывод является методологической основой многочисленных политически враждебных установок, отождествляющих в той или иной форме нашу экономику с экономикой капиталистической и социализм с госкапитализмом.

Этот вывод идет по линии широко эксплуатируемого буржуазной апологетикой утверждения, что по существу отличие социалистического предприятия от капиталистического (или, как говорит Зомбарт, коммунистической доменной печи от капиталистической) является чисто иллюзорным.

Этот вывод непосредственно смыкается с тем восхвалением гармонии трудового организованного сотрудничества внутри капиталистического предприятия, которое служит многолетним источником вдохновений буржуазных и социал-фашистских изысканий в духе «промышленного мира», «хозяйственной демократии», «вульгарной теории факторов» и т. д. «С точки зрения же успехов производства, — пишет Чарновский, — представляется совершенно очевидным, что при надлежащем согласовании интересов каждой группы с успехом самого производства интересы этих отдельных групп не могут быть противопоставляемы друг другу при условии надлежащего их понимания» («Организация промышленных предприятий», стр. 11). Подобного рода апологетика имеет «почетную» давность. Маркс в примечании к XVI главе I тома «Капитала», критикуя графа А. де Лабурд, отмечает, что «так как все развитые формы капиталистического процесса производства суть формы кооперации, то нет конечно ничего легче, как абстрагироваться от свойственного им антагонистического характера и расписать их в виде форм свободной ассоциации» ⁵⁰.

Механистическая методология, сводя производственные отношения к трудовой координации «живых машин» в пространстве и времени, тем самым и кооперацию берет вне ее исторической, классовой определенности, так как специфический общественный характер кооперации труда коренится именно в преходящих материальных отношениях по производству.

С другой стороны, и идеалистическая концепция, толкуя производственные отношения как правовые, перенося их в сферу обращения, рассматривая непосредственный процесс производства как обнаженный материально-технический процесс, так же последовательно игнорирует классовый, исторический характер кооперации и труда.

⁴⁸ Рудаков, Социалистическая рационализация, стр., 18.

Аналогичную мысль Троцкий развивал еще на XIII съезде партии, утверждая, что наше планирование («продвижение», «согласование», «руководство») — «это в принципе та же работа», которую Морган проводит по отношению к своему тресту.

«Разница та, что мы должны плановые методы применять по отношению к нашему всероссийскому тресту, трест — к нашему хозяйству в целом». Подобного же рода утверждениями пестрят «труды» почти всех вредителей.

«Капитал», т. I, стр. 415.

Таким образом создается «прочная» теоретическая база как для абстрагирования от пронизывающего снизу-доверху иерархии капиталистического разделения труда, антагонистического характера отношений между владельцем средств производства и наемным рабочим, так и для стирания качественных, коренных особенностей и преимуществ социалистической кооперации труда.

В действительности разделение труда внутри предприятия отнюдь не является техническим разделением труда.

Анализ самых простых форм, клеточек капиталистической и социалистической кооперации, показывает существенные различия в их характере, вытекающие из различий в классовой природе, в отношениях собственности, из общей противоположности капиталистической анархии и социалистического плана.

Капиталистическая кооперация возникает и развивается на основе стихийных товарных отношений. Развитие так называемого «технического» и развитие общественного разделения труда, концентрация производства и рост анархии не исключают и не ограничивают друг друга.

Только с развитием капиталистических отношений «производство во всем своем объеме, во всей своей глубине и широте становится товарным производством».

«Товар как необходимая форма продукта, а отсюда — отчуждение продукта как необходимая форма его присвоения, предполагает вполне развитое разделение общественного труда, между тем как, с другой стороны, только на основе капиталистического производства, следовательно также капиталистического разделения труда внутри мастерской, весь продукт неизбежно принимает форму товара, и все производители поэтому неизбежно являются производителями товаров»⁵¹.

Новая ступень концентрации капиталистического производства означает и дальнейшее развитие общественного разделения труда, ведет к возникновению новых отраслей и подразделений. Уже мануфактурное разделение труда требовало известной зрелости разделения труда внутри общества и в свою очередь способствовало его дальнейшему расчленению. «Машинное производство ведет общественное разделение труда несравненно дальше, чем мануфактура, потому что оно несравненно в большей степени увеличивает производительную силу захваченных им отраслей промышленности»⁵².

Развитое разделение труда внутри общества и капиталистическое разделение труда внутри предприятия взаимопроникают и взаимно производят друг друга. «Анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда взаимно обуславливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства»⁵³.

«Капитал организует и упорядочивает, — писал Ленин, — труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своих прибылей. А во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателя, и миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы»⁵⁴.

⁵¹ Маркс, Неопубликованные рукописи, «Большевик» № 5—6, стр. 81.

⁵² Маркс, Капитал, т. I, стр. 342.

⁵³ Там же, стр. 269.

⁵⁴ Ленин, т. XVII, изд. 3-е, стр. 248.

«Разделение труда внутри мастерской обусловлено разделением промыслов, общественным разделением труда и в известном смысле является его результатом (Маркс, Теория, т. III, стр. 224). С другой стороны, усиление общественной организации производства в каждом отдельном предприятии — главнейшее орудие, с помощью которого капитализм усиливал анархию в общественном производстве» (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 257).

Планомерность разделения труда внутри капиталистического предприятия носит исторически ограниченный стихийный характер.

Капитализм не только ставит плану внешние узкие границы, но и определяет специфичность его внутренней природы, связей, пропорций. Основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения, существует и проявляется и в процессе непосредственного производства.

Это противоречие накладывает свою печать на характер плана капиталистического предприятия.

Зигзагообразная кривая циклического движения капитализма существенно застывает, окаменевают, отлагается в виде исторических диспропорций хаотичного нагромождения цехов, случайного соотношения отдельных частей производственного аппарата. Стихия настигает капиталиста в собственном доме, вносит элемент случайного в продуманную систему внутривозводских пропорций.

Мимолетная конъюнктура нередко заставляет искусственно сжимать основное производство и ставить мастерские по изготовлению новой продукции, менять связи, соотношения частей. Внутренняя пропорциональность капиталистического предприятия преобразуется под воздействием беспорядочных рыночных колебаний. Для русских дореволюционных металлургических предприятий было характерно значительное превышение мощности сталепрокатных цехов, мощности доменных и мартеновских. Эта диспропорция обуславливалась специфическими требованиями капиталистического рынка. Быстрое приспособление ассортимента к непрерывно меняющемуся спросу было невозможно без значительного резерва прокатного оборудования.

В эпоху монополистического капитализма монополия, существующая над и рядом с конкуренцией, чрезвычайно обостряет противоречия между концентрацией и анархией капиталистического производства в целом.

Вообще та или иная степень и форма гипертрофии производственного аппарата имеет место и в эпоху свободной конкуренции, особенно в периоды кризиса и депрессии. При монополистическом капитализме омертвление основного капитала резко усиливается. Ограничение производства в целях взвинчивания цен — сознательная политика крупных капиталистических объединений. В период всеобщего кризиса значительная недогрузка предприятий, дополняемая чудовишной структурной безработицей, принимает в большинстве капиталистических стран характер хронической болезни.

Согласно архиосторожным вычислениям буржуазных экономистов (см. Сборник проф. Гамлина), в САСШ и в докризисный период добыча угля равнялась 68% производственной мощности, продукция нефтяной промышленности — 45%, металлургии — 68%, машиностроения — 63%, шерстяной — 30 — 40%, полиграфической — 50% и т. д.⁵⁵

За период мирового кризиса эти цифры были оставлены далеко по-

⁵⁵ См. статью Ильина, «За индустриализацию» № 1 за 1932 г.

зади⁵⁶. Неподвижные новые станки, бездействующие технически совершенные приспособления, омертвелые, выключенные из общего механизма части, заброшенные часто свежестроенные цеха, пустоты и провалы в производственном теле — яркое свидетельство старческой немощи, обострившегося несоответствия господствующих отношений потребностям крупного общественного производства.

В противоположность этому развитие социалистического предприятия на основе укрепления плановости хозяйства в целом показывает усиление внутренней упорядоченности, рост нагрузки основных фондов и т. д.

Специфической чертой капиталистической концентрации является часто встречающийся ступенчатый характер реконструкции, обуславливающей отсутствие цельного плана предприятия, мозаичное смешение технических систем, сталей и эпох, беспорядочные петли линий следования продукта и т. д.

Концентрация капитала, непрерывное присоединение вновь и вновь образуемой прибавочной стоимости к производительному капиталу, часто вещественно отлагается последовательными расширениями предприятия, незначительными обновлениями и частичными переделками. Спиральная форма движения капитала застывает в виде слоистого строения фабричного тела. Старые капиталистические предприятия нередко носят ярко выраженный пристроечный характер. Необходимая коренная реконструкция, означающая полный снос морально изношенного оборудования и зданий, заменяется пристройкой новых этажей и корпусов. Новые установки и агрегаты втискиваются между старыми механизмами.

Маркс отмечает, что в капиталистическом производстве при постепенном расширении дела наблюдается много случаев нецелесообразного расширения в стороны. «Причина заключается в том, что здесь ничто не совершается по общественному плану, но все находится в зависимости от бесконечно различных обстоятельств, средств и т. д., с которыми считается отдельный капиталист. Из этого вытекает огромное расточение производительных сил»⁵⁷.

Пристроечный характер капиталистического предприятия можно отчетливо проследить на развитии гигантов русской дореволюционной металлообрабатывающей промышленности: на Сормовском, Путиловском и других заводах.

Ярким примером анархичной концентрации производства как следствия централизации капиталов являются предприятия Ситроена. Образованные путем поглощения ряда отдельных самостоятельных предприятий, они представляют недостаточно согласованное сочетание расположенных в различных частях города цехов.

Принципиально иной характер носит социалистическая концентрация. В социалистической промышленности накапливаемые в тысячах пунктов средства сливаются в единый планомерно распределяемый поток.

⁵⁶ Фактическая продукция в процентах к производственной мощности предприятий составляла за август 1932 г. в САСШ по стальной промышленности 13 по авто—9. По Германии октябрь 1932 г. дает следующие цифры нагрузки: производство средств производства—32,2%, угольная промышленность—51,9%, черная металлургия—34,8%, машиностроение—26,8%, электротехника—33,8%, производство средств транспорта—23,2%, строительная промышленность и строительные материалы—22,5%, средства потребления—44,7%, текстильная—54,4%, пищевая промышленность—56,5% и вся промышленность—57,6% (данные конъюнктурного отдела Института мирового хозяйства и мировой политики).

⁵⁷ «Капитал», т. II, стр. 112.

Концентрация хозяйственных ресурсов, их плановая мобилизация и распределение обуславливают возможность создавать путем огромных вложений в короткий промежуток времени гигантские, цельные, законченные организмы.

История автозавода им. Сталина, «Котлоаппарата», «Самоточки», «Электросилы», «Красной звезды» и многих других есть история чудесного превращения пролетариатом в течение 2—3 лет полукустарных ветхих мастерских в крупнейшие социалистические предприятия, дающие на десятки и сотни миллионов рублей годовой продукции.

Величайший гигант современной металлургии—завод Гари в САСШ—строился в течение 12 лет последовательными этапами и состоит из трех самостоятельных производственных единиц; Магнитогорский комбинат построен и будет пущен на полную мощность в течение нескольких лет.

Концентрация производства при капитализме происходит стихийно, в ожесточенной конкурентной борьбе и обуславливает огромное расширение производительных сил, вещественных и личных факторов производства.

В отличие от капиталистической концентрации социалистическая концентрация происходит в порядке планового отбора, перемещения, реконструкции и строительства⁵⁸.

Чем крупнее предприятие, чем сложнее его внутренняя организация, тем разнообразнее и запутанней его хозяйственные связи, тем сильнее его зависимость от представляющегося случайным капиталистического разделения труда внутри общества, с одной стороны, тем глубже противоречие между растущим хозяйственным значением этого предприятия и подчинением его целям капиталистической наживы — с другой.

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой»⁵⁹.

«Противоречие между общей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства все более развивается в кричащее противоречие и носит в себе разрешение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает выработку условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства»⁶⁰.

В значительной мере тяжесть современного кризиса обрушилась именно на высококонцентрированные предприятия массового производства, чрезвычайно чувствительные к сокращению спроса.

Отсутствие сбыта в условиях массового производства подобно плотине в устье реки. «Поток встречает преграду в самом конце своего течения и останавливает всю систему производства»⁶¹.

⁵⁸ Известный предитель-меньшевик Гинзбург считал, что концентрация производства внутри нашей крупной государственной промышленности носит «в известном смысле искусственный характер» («Экономика промышленности», стр. 101). Этот искусственный характер, по мнению Гинзбурга, заключается в том, что «мы имеем здесь сознательную планомерную работу по перенесению производства на крупнейшие предприятия». Итак, искусственно, потому что сознательно и планомерно... Трудно более ярко разоблачить апологетическую буржуазную сущность «изысканий» Гинзбурга, чем он сделал сам, отожествив планомерное с искусственным и следовательно естественное со стихийным.

⁵⁹ Маркс, Капитал т. I, стр. 613.

⁶⁰ Маркс, Капитал, т. III, ч. I, стр. 246.

⁶¹ См. статью Пионтлуковского в № 23—24 «Пути индустриализации» за 1931 г.

Обратной стороной автоматического производства является автоматизм при остановке последовательных звеньев процесса. Непрерывное производство требует непрерывности сбыта⁶². Капиталистическое массовое производство ярко демонстрирует диалектическое превращение преимуществ массового поточного производства в свою противоположность.

Наиболее красочным и ошеломляющим буржуазных экономистов примером разрушения кризисом «гармоничного целого» внутренней организации передового капиталистического предприятия являются развал, паника и деморализация на предприятиях Форда.

Как указывали уже ноябрьские номера «Федерейтед пресс», заводы работают на 6 процентов производственной мощности. Они превращены, по словам техников и мастеров, в «сумасшедший дом». «Начальники и мастера бегают по литейным, потеряв голову, людей заставляют надрываться сверх всякой меры, и они падают без сил или бунтуют. Литье выходит плохим, а брак вероятно растет»⁶³.

Все, что вело к многократному удешевлению производства, обуславливает теперь его многократное удорожание. Из средства ускоренного, интенсивного использования производственного аппарата непрерывный поток превращается в средство его полнейшей дезорганизации. Противоречие между развитием производительных сил и капиталистической узостью рынка чрезвычайно ярко обнажается именно в противоречиях капиталистического массового производства. С одной стороны, в непрерывном поточном предприятии принцип «производства ради производства» получает свое вещественное воплощение в том смысле, что самый характер материально-технического аппарата и организации труда побуждает к всемерному расширению производства, с другой стороны, капиталистическая нищета трудового населения резко ограничивает массовое производство.

Уже в предкризисный период даже фордовские масштабы производства наталкивались в большинстве стран САСШ, а тем более Европы, на границы капиталистического потребления масс. Фордизм — громко провозглашенное евангелие современной капиталистической индустрии — оказался не по плечу не только разоренной послевоенной Европе, но в основном у себя на родине. Неустойчивость, узость, легкость крушения капиталистического рынка, необходимость разнообразить ассортимент, ограничивают возможности специализации. Необходимость маневрировать для увеличения конкурентоспособности, погоня за вкусами потребителей приводят к отступлению от стандарта, к расточительному конструктивному анархизму, к выпуску промежуточных паразитических типов машин, различающихся внешне или незначительными деталями. Отсюда — значительные резервы мощности оборудования даже на таких передовых заводах, как заводы Форда в период процветания.

Социалистическое разделение труда, создание в течение пятилетки гигантов массового производства во всех отраслях, создание немислимых при капитализме районных комбинатов — ярко свидетельствуют об уничтожении в СССР капиталистических границ концентрации. За границей нет заводов, выпускающих подобно ленинградскому

⁶² «Мы столь же мало можем позволить себе держать на складе большое количество сырья, как и готовых изделий. Все должно непрерывно двигаться к нам и от нас» (Ф о р д, Моя жизнь, стр. 151).

⁶³ Газета «Известия» от 17 ноября 1932 г.; последние сведения говорят о полной остановке основных заводов Форда.

заводу им. т. Сталина 24 тыс. турбины сериями по 19 штук. Лишь в условиях плановой социалистической типизации и концентрации производства мыслимо создание таких гигантов тракторостроения, как ХТЗ, СТЗ, ЧТЗ.

Уровень концентрации промышленности зависит непосредственно не так от количественных размеров общего производственного аппарата, как от его качественной структуры. В этом заключается объяснение того факта, что уровень концентрации является одним из первых показателей индустриального развития, по которому мы обгоняем передовые капиталистические страны. Обладая меньшим производственным аппаратом, чем САСШ и Германия, мы в ряде решающих отраслей по техническому совершенству этого аппарата значительно их превосходим. Преобладающая часть нашего производственного аппарата создана буквально в течение нескольких лет на основе критического заимствования последних достижений мировой техники. Производственная мощность по чугуну, основной химии и т. д. у нас ниже, чем в Германии и САСШ. Но доля крупнейших заново оборудованных предприятий в производстве чугуна, продуктов основной химии и т. д. у нас выше, чем в Германии, в САСШ; больше того, она выше не только относительно, но она выше у нас в отдельных отраслях по абсолютному числу предприятий-гигантов. Предприятий, имеющих свыше 5 тыс. рабочих в черной и цветной металлургии Германии, было, по данным переписи 1925 г., всего 14, в СССР на 1 января 1925 г.—23; по машиностроению—соответственно 17 и 60.

Высокий уровень концентрации производства в СССР, являясь реализацией ряда наших основных преимуществ, в свою очередь обуславливает возможность невиданных темпов накопления и производительности труда. «Мы—страна самой концентрированной промышленности. Это значит, что мы можем строить нашу промышленность на основе самой лучшей техники и обеспечивать благодаря этому невиданную производительность труда, невиданный темп накопления»⁶⁴.

Выполнение основной задачи пятилетки, превращение СССР в передовую индустриальную страну, означает переход на качественно новую ступень концентрации производства. Положение, что СССР является страной самого крупного сельского хозяйства и самой концентрированной в мире промышленности, приобретает новое содержание.

В понимании Ленина «крупная промышленность» не есть просто количественное определение. «Крупная машинная индустрия означает не что иное, как электрификацию всей страны»⁶⁵. Создание крупной промышленности означает количественные изменения на базе определенных качественных сдвигов. Характер концентрационной динамики обусловлен изменением технической базы промышленности, ее электрификацией, механизацией, переходом на методы массового производства и т. д. Поэтому, если с одной стороны, уровень и движение концентрации являются одним из важнейших синтетических показателей качественных сдвигов в организации труда, в типе, размерах и мощностях средств производства, то вместе с тем, с другой стороны, сама динамика концентрации может быть раскрыта и понята лишь на основе анализа основных тенденций, технико-экономического развития промышленности.

⁶⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 581;

⁶⁵ Ленин, Доклад на III конгрессе Коминтерна;

Пафос нового строительства — главная характерная черта первой пятилетки. «Первая пятилетка была пятилеткой строительства новых заводов, представляющих новую техническую базу промышленности для реконструкции всего народного хозяйства»⁶⁶.

Освоение старых основных фондов в восстановительный период привело к необходимости усиления в 1927—1928 гг. реконструктивных моментов как условия дальнейшего повышения эффективности старых вложений. В течение пятилетки, опираясь на обновленные и старые заводы, партия развернула политику бурного нового строительства, политику ускоренных темпов.

Главнейшие линии реконструкции в период первой пятилетки характеризуются: а) форсированным развертыванием нового строительства, б) изменением типа реконструкции действующих предприятий; из средства последовательного повышения эффективности наличных основных фондов реконструкция превращается в средство коренной переделки производственно-технического лица предприятия, его типа и мощности. Нередко эта реконструкция фактически выливается в строительство нового завода с использованием некоторой части старых зданий и оборудования (автозавод им. Сталина и др.).

Отсюда — резкое изменение концентрационной динамики. Характерной чертой концентрационного движения за период пятилетки является крутое скачкообразное повышение удельного веса самих верхних групп. Переход на новую техническую ступень в течение стремительнейшего, буквально спрессовывающего десятилетия отрезка социалистической реконструкции выразился в создании почти в каждой отрасли ведущего ядра предприятий-исполинов, оставляющих нередко позади достижения не только европейской, но и американской техники.

Основными формами концентрации производства является строительство новых, более мощных типов предприятий, расширение и реконструкция старых. Поэтому СССР показывает совершенно невиданные темпы концентрации. 1914—1923 годы являются годами наиболее интенсивного роста промышленности САСШ на основе колоссального военного спроса.

Происшедшие в течение этого периода концентрационные сдвиги отмечает следующая таблица (см. табл. на 69 стр.)⁶⁸.

За 9 лет, из которых 6 лет являются годами величайшего производственного напряжения, на которое способен капитализм, доля предприятий-гигантов в общем числе рабочих возрастает на 6,3, или 0,7%, среднего прироста в год. СССР уже за первые три года пятилетки в отношении концентрационных сдвигов, значительно отстающих от последнего, завершающего года, дает прирост в 4,7%, т. е. 1,6% среднего прироста за год, или примерно в два с лишком раза выше, чем в САСШ.

Насколько велико превосходство промышленности СССР в отношении уровня концентрации по сравнению с крупной индустрией Германии, можно доказать буквально несколькими цифрами. Доля

⁶⁶ Из резолюции январского объединенного пленума ЦК и ЦКЮ по итогам первой пятилетки.

⁶⁷ Необходимо отметить некоторое отставание концентрации по объему валовой продукции и валовому обороту от концентрации по объему основных фондов. 2-я пятилетка, идущая под знаком освоения новых колоссальных мощностей, должна в этом отношении дать коренной перелом.

⁶⁸ Исчислено по «Statistical abstract» за соответствующие годы.

САСШ

Таблица 1.

Группы по числу рабочих	в процентах к итогу					
	1914 г.		1923 г.		Прирост в %	
	предпр.	рабоч.	предпр.	рабоч.	предпр.	рабоч.
От 51 до 500	92,2	59,4	90,5	53,1	-39	-6,2
„ 500 „ 1000	5,6	17,8	6,1	17,3	+0,5	-0,1
Свыше 1000	2,2	23,3	3,4	29,6	+1,2	+6,3
В С Е Г О . .	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—

Таблица 2

Группы по числу рабочих	в процентах к итогу					
	на 1 января 1929 г.		на 1 января 1932 г.		Прирост в %%	
	завед.	персон.	завед.	персон.	завед.	персон.
От 51 до 500	77,4	22,2	72,1	18,2	-5,5	-4
„ 501 „ 1000	11,7	13,9	13,5	13,2	+1,8	-0
Свыше 1000	10,9	63,9	14,4	68,6	+3,5	+4
В С Е Г О . .	100,0	100,0	100,0	100,0	—	—

предприятий-гигантов (т. е. имеющих свыше 1 тыс. рабочих) в общем числе рабочих была в Германии, по переписи 1925 г., 30,4%, в СССР на 1 января 1932 г. — 68,6%. Доля сверхгигантов (т. е. имеющих свыше 5 тыс. рабочих) соответственно — 8,1% и 32,7%⁶⁹.

Относительно небольшие предприятия, имеющие от 51 до 500 рабочих, составляют целых 93,2% всех предприятий германской промышленности. Эта цифра — 93,2% — относительно небольших предприятий ярко характеризует пестроту и неравномерность уровня концентрации в германской промышленности, которой, как и всякой капиталистической промышленности, приходится тащить тяжелый груз устарелых заведений. В условиях капиталистической анархии и хаоса усиленная эксплуатация рабочих со стороны страстно цепляющегося за свою самостоятельность предпринимателя и ряд других нередко случайных моментов⁷⁰ могут обеспечить технически отсталому пред-

⁶⁹ П) предприятиям, имеющим свыше 50 рабочих. Данные по Германии исчислены по «Statistik der Deutschen Wirtschaft», по СССР — по материалам статистики труда ЦУНХУ. Хотя данные по Германии относятся к 1925 г., сравнение представляет известный интерес. Необходимо отметить, что сравнение по числу рабочих в данном случае, как и в предыдущих, носит в значительной мере условный характер, так как не учитывает степени энерговооруженности труда.

⁷⁰ «Factory and Industrial Management» напечатал в 1931 г. серию статей под общим заголовком «Преимущества небольших предприятий». Эксплуатируя ужас владельцев мелких фабрик и заводов перед надвигающейся в связи с невиданным обострением миро-

приятно, особенно при хронической недогрузке производственного аппарата, известную конкурентоспособность. Рядом с оснащенными новейшей техникой гигантами небольшая, относящаяся к прошлому по своему оборудованию фабрика нередко сохраняет паразитическую живучесть.

Вопрос гибели мелкого предприятия есть вопрос конкретной конкурентной борьбы. В этой борьбе основная тенденция никогда не осуществляется с законченной полнотой. Усиленная эксплуатация рабочих, подчинение контролю крупного монополиста и т. д. затягивают агонию мелкого производства.

Неравномерность уровня концентрации промышленности является пространственным выражением неравномерности темпов концентрации отдельных отраслей районов и предприятий во времени. «Сама последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени»⁷¹.

Неравномерность концентрации производства ярко отражает общую неравномерность движения отдельных сфер общественного труда при капитализме.

Монополистический капитализм, будучи обусловлен гигантским процессом концентрации производства, в свою очередь означает бешеное ускорение темпов концентрации в одних предприятиях, отраслях и районах при застойности развития и отставания других. Концентрация капитала — следствие и предпосылка концентрации производства. В эпоху монополистического капитала, сосредоточивающего в руках финансовых «гениев» огромную часть богатства мира, наблюдается, с одной стороны, значительное ускорение темпов концентрации в новых отраслях и районах, не связанных в своем росте огромными массивами старых капитальных вложений, и в отраслях военной индустрии, обеспеченных обширным устойчивым рынком. С другой стороны, используя и культивируя разнообразные отношения полукрепостнической зависимости в ряде старых отраслей и районов, паразитически эксплуатируя более слабые и неорганизованные монополистические предприятия, отрасли, области, насаждая сложные замаскированные формы эксплуатации более мелких капиталистов (Форд)», финансовый капитал создает сильнейшие разрывы в темпах и уровне концентрации.

В СССР темпы концентрации в отдельных районных отраслях и предприятиях определяются общими задачами социалистического строительства — индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, укрепления независимости и обороноспособности СССР, ликвидации промышленного отставания национальных областей и т. д.

Отсюда — особенно быстрый рост концентрации в течение первой пятилетки в тяжелой индустрии СССР, которая одна может явиться прочным фундаментом действительно социалистического строительства.

вого кризиса катастрофой разорения, журнал пытается создать себе шумную рекламу описанием ряда преуспевающих небольших заведений. Статьи дают настоящую коллекцию случайностей. Одно из предприятий изготавливает деревянные экраны для защиты от солнца, другое — шоколадный сироп и порошок для сифонов, третье — корсеты, пояса, подвязки, бюстгалтеры, причем фигура заказчицы изучается на дому опытными мастерицами. Четвертое — делает складные картонные ящики, пятое — кухонные столы на заказ, шестое — деревянную церковную мебель и утварь и т. д.

⁷¹ М а р к с, Капитал, т. II, стр. 77.

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКЕ В „КАПИТАЛЕ“ МАРКСА

В статье «О значении воинствующего материализма» Ленин пишет: «Мы должны гегелевскую диалектику истолковать материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса».

Учение Маркса «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX в. в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» (Ленин).

Маркс не только перенял, но критически переработал учение своих предшественников; он показал, каким образом это учение отражает развитие буржуазного общества, он выявил классовые корни этих учений, противоречивость и буржуазную ограниченность последних. И на основе как глубочайшего анализа действительности, так и критической переработки учений своих предшественников Маркс создал революционное мировоззрение пролетариата.

«По Гегелю развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. По моему, наоборот, говорит Маркс: идеальное есть только отражение материального. И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи, которой способны интересоваться одни филистеры»¹.

Учение Гегеля является последним прибежищем бога, оно является опорой зоологии.

Маркс критически переработал гегелевскую диалектику, он поставил ее «с головы на ноги».

В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс писал: «Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад. Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что Гегель первый дал исчерпывающую и созидательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой».

В материалистической диалектике Маркса «о триадах Гегеля и речи нет» (Ленин). Маркс рассматривает социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производст-

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 1-е, стр. 95.

венных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»².

На основе объективного анализа производственных отношений Маркс показывает, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как эта организация превращается в капиталистическую и как она в своем движении развивает все те элементы, которые становятся в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

«Сравните, — говорит Энгельс, — хотя бы развитие у Маркса от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к небытию, и у вас будет прекрасная параллель для конкретного развития, как оно происходит из фактов, и, с другой стороны, — абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как например качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идеи из одной в другую»³.

«Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы»⁴. Материалистическая диалектика, говорит Маркс, «в положительное понимание существующего включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели; каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс прослеживает каждую составную часть своего экономического учения у своих предшественников. «Теории прибавочной стоимости» представляют собой историю экономических теорий, где противоречивость и ограниченность буржуазных учений преодолеваются на основе глубочайшего анализа капиталистического общества. Критика Маркса ведется как путем обнаружения логических противоречий в системах буржуазных учений, так путем проверки этих учений опытом капиталистической действительности. Критика Маркса опирается на материалистическое понимание истории, на диалектический метод.

Маркс прослеживает истоки учения о стоимости у Петти, учения о прибыли — у Тюрго, учения о накоплении — у А. Смита.

На всех этих проблемах можно проследить, как Маркс критически перерабатывает и преодолевает буржуазную ограниченность этих учений. Возьмем для примера критику категории цены труда у А. Смита. Маркс показывает, что у Смита стоимость, с одной стороны, измеряется десятью часами труда, необходимого для изготовления продукта, а с другой стороны, стоимость измеряется одним шефелем зерна, на который потрачено 10 часов труда. Порочный круг состоит в том, что стоимость измеряется стоимостью. Если труд имеет цену, ставит вопрос Маркс, то значит, он имеет и стоимость, значит, он измеряется трудом. Получаем порочный круг — труд измеряется трудом. Если труд есть товар, то это противоречит тому, что всякий товар создается до того, как выносится на рынок. Труд же выносится на рынок до того, как он произведен. Буржуазная ограниченность не позволяла вскрыть то, что понятие цены труда скрывает сущность

² Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 1-е, стр. 93.

³ Энгельс, Письма, изд. 1-е, стр. 355, 93.

⁴ Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 59.

эксплоатации, что по этому понятию оплачивается весь труд рабочего. Разрешение же этого противоречия в стоимости рабочей силы есть критическая переработка учения своих предшественников, есть анализ классовых корней буржуазной ограниченности последних.

Другим примером, приведенным в «Теориях прибавочной стоимости», критической переработки теории предшественников является теория прибыли.

Тенденция к уравниванию нормы прибыли известна была еще Тюрго. Адам Смит ставит эту тенденцию механически рядом с законом стоимости, не увязывая этих законов. Рикардо пытается видимое противоречие «примирить» на основе «исключений» из закона стоимости, но он не в состоянии диалектически увязать закон стоимости с законом средней нормы прибыли. Противоречие это получает разрешение у Маркса в категории цены производства.

Основная цель «Капитала» — показать экономический закон движения современного общества. «Моя точка зрения, — говорит Маркс, — состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс». На анализе этого процесса развития Маркс выявляет все основные законы диалектики в их совокупности как законы, присущие самой этой общественной формации. Только все, вместе взятые, основные законы диалектики исчерпывают суть всякого процесса развития. Основным и решающим законом развития является закон единства противоположностей. Борьба противоположностей ведет к количественному нарастанию, к количественному увеличению, к накоплению изменений и тем самым неизбежно приводит к скачку, приводит к возникновению нового качества. Здесь лежит связь закона единства противоположностей с законом количества и качества.

«Мышление, — говорит Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом все научные (правильные, серьезные, невздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»⁵. Абстракция правильная включает в себя то особенное и общее, что способно осветить конкретную действительность научно, правильно, серьезно.

Абстракция Маркса показывает, что явления взяты в их многообразии, в их «опосредствовании», в их взаимопроникновении, в их изменении. Она показывает то особенное, что имеется в общем, и тем самым обнажает все невидимые ткани этого общего. Покуда, — говорит Энгельс, — мы рассматриваем вещи в их безжизненном покое, каждую в отдельности, одну возле другой, мы конечно не наталкиваемся в них на противоречия... Поскольку можно ограничиться этой областью изучения, постольку мы и можем обходиться помощью обыкновенного метафизического мышления. Но совсем другое дело, когда мы рассматриваем вещи в их движении, их изменении, их жизни, в их взаимном влиянии друг на друга. Познать вещи «в их жизни» можно только с помощью материалистической диалектики.

Абстракция стоимости — первая абстракция «Капитала» — отра-

жает действительность «глубже, вернее, полнее». От товарной формы как от «живого созерцания» Маркс шел к стоимости. Именно стоимость показывает то особенное, что имеется в общем, и тем самым она обнаруживает сущность этого общего.

У Маркса анализ ведется путем сопоставления потребительной и меновой стоимостей и приводит к простейшей категории — к стоимости.

«Маркс в «Капитале» сначала анализирует самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества — обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия... зародыши всех противоречий современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий, и этого общества, и его отдельных частей, от его начала до его конца»⁶.

В каждом отдельном товаре лежит это противоположение — это есть полезность товара и его способность меняться на другой предмет. «В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость играет совершенно ту же роль, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции... Как меновые стоимости товары не содержат ни одного атома потребительной стоимости. Уравнение: 20 фунтов сахару=5 фунтов чаю говорит нам то, что здесь есть нечто общее равной величины, т. е. обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не является ни первым, ни вторым». Это третье не есть ни первое, ни второе, а в то же время оно есть и первое и второе. Оно и есть противоречивое единство.

Дальше Маркс переходит к анализу труда. «Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем работ. Последние не различаются больше между собой и сводятся все к человеческому труду вообще».

Первоначально товар предстал перед нами как потребительная стоимость и как меновая стоимость. При вскрытии сущности товара обнаружилось, что труд, поскольку он выражается в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему как создателю потребительных стоимостей. На открытии в труде двух сторон, говорит Маркс, «зиждется все понимание политической экономии». Труд таким образом различается как общий, однообразный, лишенный всякой индивидуальности. Этот труд входит во всякий товар постольку, поскольку все товары представляют собою простую трату рабочей силы.

С другой стороны, этот же труд проявляется в совершенно конкретных формах, в потребительных стоимостях. Таким образом труд, заключенный в разных товарах, и тождествен и различен в одно и то же время. Труд стало быть заключает в себе основное противоречие.

Абстрактный труд есть выражение общественной связи между отдельными товаропроизводителями. Абстрактный труд, образующий стоимость, выражает исторически присущие капитализму производственные отношения. Производственные отношения Маркс рассматривает как специфически историческую форму движения производительных сил. Отсюда — абстрактный труд как выражение специфически исторической формы движения производительных сил.

⁶ Ленин, К вопросу о диалектике, т. XIII, стр. 302.

Абстрактный труд есть качественно однородный, безразличный, всеобщий труд, являющийся формой общественного труда при исторически ограниченных условиях производства: он является субстанцией стоимости товара, и как таковой он существует со своей противоположностью с конкретным трудом, образующим потребительную стоимость.

Абстрактный труд, образующий стоимость, является в то же время общественно-необходимым трудом. Частный труд товаропроизводителя измеряется не как индивидуальный труд, а как общественный абстрактный труд, как общественно необходимый труд.

В стоимости, как и в сгустке общественно необходимого труда, мы имеем связь количества с качеством. Абстрактный труд есть качество, обладающее определенной величиной. Качественная сторона является особенностью этой величины, этого количества. Она показывает, что труд здесь общественно обусловлен, но не является непосредственно общественным трудом. В понятии «общественно необходимый труд» мы имеем диалектическую связь общественно необходимых трудовых затрат с их качественной стороной — с их социальным содержанием.

Маркс дал анализ формы стоимости и на этом анализе выявил специфическую форму выражения труда в товарно-капиталистической системе.

От внешней видимости, от меновой стоимости как формы товарной стоимости Маркс идет к содержанию этой формы, т. е. к стоимости как к определенному производственному отношению.

«Мы исходим, — говорит Маркс, — из меновой стоимости как менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости».

В простейшей форме стоимости два разновидных товара играют здесь совершенно две различные роли: холст выражает свою стоимость в сюртуке; сюртук служит материалом для этого выражения стоимости. Первый товар играет активную, второй — пассивную роль. Первый находится в относительной форме; второй — в эквивалентной форме.

В этом уравнении стоимость холста как «бытие в себе» получает свое выражение в сюртуке, где эта стоимость становится «бытием для себя». Холст мог выразить свое содержание только при сопоставлении с другим товаром — при соотношении с сюртуком.

Лишь выражение эквивалентности может выявить специфический характер труда, создающего стоимость.

Для того чтобы выразить стоимость холста как общественное отношение, необходимо выразить эту стоимость отлично от холста и в то же время общо ему и другому товару.

«Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости»⁷.

В эквивалентной форме холст на «товарном языке» говорит, каково его содержание. Он выражает то третье, то общее, что есть у него с сюртуком.

В сюртуке, как в зеркале, отражается это третье. Как таковое, это третье выражается в трех особенностях эквивалентной формы: первая особенность эквивалентной формы есть то, что потребительная стоимость здесь становится формой проявления своей противополож-

⁷ Маркс, Капитал, т. I, стр. 19.

ности. Тем самым и труд, производящий потребительную стоимость, становится формой своей противоположности.

«Так как относительная форма стоимости товара, например холста, выражает его бытие как стоимости, например... как нечто «сюртукоподобное», то уже самое это выражение намекает на то, что здесь скрывается некоторое общественное отношение»⁸, но именно в эквивалентной форме ясно видно, что тело товара, служащее эквивалентом, всегда представляет собой воплощение абстрактного человеческого труда и в то же время есть продукт определенного конкретного труда. Конкретный труд в эквивалентной форме становится выражением абстрактного труда. Здесь понятие стоимости как общественное отношение становится очевидным. Следовательно вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности — абстрактного человеческого труда.

Третья особенность эквивалентной формы состоит в том, что частный труд является в то же время формой своей противоположности общественного труда.

Главное содержание простейшей формы состоит в том, что «скрытое в товаре внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью выражается таким образом при помощи внешнего противоречия, т. е. при помощи отношения двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость которого выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в котором стоимость выражается, — непосредственно играет роль меновой стоимости. Следовательно простая форма стоимости данного товара есть простая форма проявления заключающегося в нем противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью»⁹.

Анализ форм стоимости у Маркса есть анализ развивающегося товарного капиталистического общества. Этот анализ «воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства» (Ленин). И поэтому анализ Маркса выводит, как «единичная форма стоимости сама собой переходит в более совершенную...

По мере того как один и тот же товар вступает в меновые отношения с каждым из этих других видов товара, возникают различные простые выражения его стоимости»¹⁰. От простой формы стоимости Маркс таким образом переходит к развернутой форме стоимости.

Развернутая форма. В простой форме стоимости выражение в каком-либо товаре «В» отличает стоимость товара «А» лишь от его собственной потребительной стоимости.

В простой форме может казаться случайностью тот факт, что эти два товара в определенном количественном отношении способны обмениваться друг на друга. В развернутой форме стоимости случайный характер отпадает. Каждое товарное тело становится зеркалом стоимости холста. Здесь холст вступает в общественные отношения со всем товарным миром. Здесь потребительная стоимость холста становится формой своей противоположности не в одном товаре, а во всем товарном мире.

Всеобщая форма. Во всеобщей форме товары выражают свою

⁸ Маркс, Капитал, т. I стр. 25.

⁹ Там же, стр. 29.

Там же, гл. I.

стоимость в одном и том же товаре. Здесь стоимость не только отличается от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости; тем самым она в универсальной форме выражает то, что имеется общего у данного товара со всеми другими товарами. Здесь наиболее ярко обнаруживается, что субстанция товарной стоимости представляет общественное бытие товаров. Специфический товарный вид, с натуральной формой которого срastается эквивалентная форма, становится денежным товаром.

Итак, та форма, в которой стоимость отличается от всякой потребительной стоимости, есть всеобщая форма. В этой форме стоимость каждого товара отличается не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости. В денежной форме эквивалентная форма срastается с натуральной формой одного вида товара, например золота. В этой форме всякая потребительная стоимость стала формой своей противоположности, и тем самым всякий конкретный труд стал формой своей противоположности, т. е. формой абстрактного труда. Выделенный и застывший в качестве всеобщего эквивалента товар обладает способностью отражать все товары, потому что он как товар является продуктом противоречивого труда. В формах стоимости внутреннее противоречие в товаре прежде всего проявилось как внешнее противоречие; это противоречие разрешилось высшим синтезом: деньги. Тот момент, когда холст застывает в сюртуке в качестве эквивалента, представляет начало развития денег. Исходный пункт Маркса — установление абстрактного и конкретного труда — служил ему исходной точкой для его глубокого анализа происхождения и развития денег. Мало признавать деньги товаром. Маркс на анализе форм стоимости показывает, как и почему деньги произошли от товара. Без анализа форм стоимости нельзя понять отличия денег от товара. Анализ форм стоимости показывает, что деньги — это развитая форма товара, новая форма, явившаяся в результате развития самого содержания.

Форма стоимости имеет решающее значение для понимания капиталистической экономики. Анализ формы стоимости показывает, что «денежная форма есть только отражение отношений всех других товаров, удержанное на одном товаре» (Маркс). Форма стоимости, которую Маркс вывел из анализа товара, имеет огромное революционное значение, так как именно форма стоимости характеризует стоимость с ее исторически переходящей стороны.

«Выражение продукта труда в форме стоимости есть самая абстрактная, но вместе с тем самая общая форма буржуазного производства, которая характеризуется ею как особый вид общественного способа производства, а тем самым характеризуется исторически»¹¹. Из анализа простейшей клеточки буржуазного общества Маркс выводит историческую обусловленность капиталистических производственных отношений.

Маркс в своей рецензии на книгу Вагнера говорит о себе, что он оперирует не противоречиями, заключенными в понятиях, а такими, которые имеются в конкретном общественном виде продукта труда. «Я, — говорит Маркс, — не подразделяю стоимость вообще на потребительную стоимость и меновую стоимость, как противополож-

¹¹ Маркс, Капитал т. I, стр. 28—29.

ные понятия, на которые распределяется абстрактное понятие «стоимость», но конкретный общественный вид (Gestalt) продукта труда — «товар» — есть, с одной стороны, потребительная стоимость, а с другой стороны, «стоимость»¹².

Законы марксовских абстракций, восходящих от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому развитию. «Деньги, — говорит Маркс, — могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно стало быть сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого (отношения), которые исторически уже существовали раньше, чем целое развивалось в ту сторону, которая выражается в более конкретной категории. Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу»¹³.

Вот почему анализ формы стоимости не удался и в «лучшие» свои времена эклектику К. Каутскому, который рассматривал стоимость только в физиологическом смысле.

По Каутскому деньги — это товар, чаще других спрашиваемый и более охотно принимаемый. Из форм стоимости Маркса вытекает, что деньги — это продукт, который преимущественно производился как товар и поэтому являлся товаром, «чаще других спрашиваемым и более охотно принимаемым». Каутский не понимает, что деньги — это развитая форма товара. Маркс, критикуя точку зрения поверхностного наблюдения, говорит: «Создается впечатление, что не данный товар становится деньгами, потому, что в нем выражают свои стоимости все товары, а, наоборот, эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги». По Марксу развитие форм стоимости есть исторический процесс, Маркс исходит из развития денег.

Каутский понимает противоречия в товаре отвлеченно, схоластически, согласно идеальной схеме гегелевской триады.

Такое же идеалистическое извращение марксовской теории стоимости денег дает и Гильфердинг. Он рассматривает противоречия в товаре только как противоречия способов анализа. «Это лишь, — говорит Гильфердинг, — противоречие способов рассмотрения»¹⁴. В каутско-гильфердинговском понимании стоимости лежат корни рубинщины.

В анализе формы стоимости Маркс материалистически разрешает проблему формы и содержания. «Не вещи, а законы их движения материалистичны» (Ленин). Такова глубочайшая материалистическая трактовка проблемы формы и содержания у Маркса и Ленина.

У Маркса из анализа формы стоимости вытекает, что стоимость есть специфически историческая форма общественных отношений, выражающая специфический общественный закон движения производительных сил. У Маркса в «Капитале» анализируются производственные отношения капитализма как форма движения производительных сил на определенной ступени исторического развития. Уже в простейшей клеточке буржуазного общества вскрывается таким образом в зародышевой форме противоречие между производительными силами и производственными отношениями, противоречие между об-

¹² «Архив Маркса и Энгельса», т. I, стр. 394.

¹³ «Введение к критике политической экономии».

¹⁴ «Бем-Баверк как критик Маркса», стр. 13.

ственным характером производства и частной формой присвоения. Здесь, в этом анализе товарной формы, выступает диалектика как оружие классовой борьбы пролетариата.

Отвергнув или извратив анализ простейшей «клеточки» капитализма — товара, ревизионисты положили начало дальнейшему извращению основных и решающих противоречий капитализма, так как именно на анализе товара Маркс доказал, что все противоречия капитализма в зародышевой форме заложены в этой простейшей «клеточке» буржуазного общества. К теории стоимости Маркс вскрывает «мистицизм товарного мира», давая глубочайшую критику товарного фетишизма.

В своей теории стоимости Маркс таким образом дает пролетариату революционное оружие борьбы.

Деньги, которые были выведены из анализа формы стоимости, как синтез противоречивого характера труда, есть в то же время потенциальная форма капитала.

Маркс говорит: «В обращении $D—T—D$ и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости. Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, никогда однако не утрачиваясь в этом движении, и превращается таким образом в автоматически действующий субъект, в существо с собственным движением... Стоимость становится здесь субъектом некоторого процесса, в котором, она, постоянно изменяя денежную форму на товарную и обратно, сама изменяет свою величину, отталкивает себя как прибавочную стоимость от себя самой как первоначальной стоимости — самовозрастает»¹⁵.

То движение, в котором стоимость присоединяет к себе и прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Материалистическая диалектика вскрывает сущность движения этого «автоматически действующего субъекта», вскрывает сущность производственных отношений в капитале.

Там, где деньги приходят в определенное соотношение с наемным трудом, лежит исходный пункт вскрытия сущности «автоматически действующего субъекта».

Краеугольным камнем политической экономии Маркса является учение о прибавочной стоимости. Маркс раскрыл тайну создания прибавочной стоимости, он раскрыл тайну создания богатств класса капиталистов за счет неоплаченного прибавочного труда рабочих.

Учение о прибавочной стоимости и ее формах — относительной и абсолютной — вскрывает всю глубину противоречия между буржуазией и пролетариатом.

При помощи теории прибавочной стоимости Маркс вооружил пролетариат сознанием своего могущества в роли могильщика капиталистического строя.

Проблему прибавочной стоимости Маркс ставит следующим образом: владелец денег должен купить товары по их стоимости, продать их тоже по их стоимости и все-таки извлечь больше стоимости, чем он туда вложил.

¹⁵ «Капитал», т. I, гл. IV.

«Рассматривая процесс обращения, — говорит Маркс, — как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости; если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение или обмен товаров не создает никакой стоимости... Прибавочная стоимость не может возникнуть из обращения; следовательно, для того чтобы она возникла, за спиной обращения должно произойти нечто такое, что в самом процессе обращения не проявляется... Но обращение есть сумма всех товарных сделок товаровладельца. Товаровладелец не может увеличить стоимость вне сферы обращения. И так, капитал не может возникнуть из обращения, столь же мало может он возникнуть и вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время и не в обращении. Превращение личинки капиталиста в бабочку должно совершиться в сфере обращения и вне сферы обращения».

Этот прекраснейший образец материалистической диалектики выявляет единство воспроизводства как единство противоположностей, выявляет примат производства в этом единстве.

Оружием материалистической диалектики Маркс вскрывает в методах развития общественной производительности труда способы получения относительной прибавочной стоимости. Способы созидания и усовершенствования комбинированного рабочего дня — капиталистическая кооперация, мануфактура, фабрика — являются способами созидания все в большем масштабе относительной прибавочной стоимости.

Маркс исследует капиталистическую кооперацию как способ производства в ее развитии, в ее переходах из одной формы в другую, в ее качественных изменениях.

Маркс показывает, как кооперация «при всяких условиях остается основной формой капиталистического способа производства, хотя в своем простом виде она сама представляет лишь особую форму наряду с другими, более развитыми ее формами»¹⁶.

В главе о мануфактуре Маркс показывает, что разделение труда само по себе есть особый вид кооперации; он показывает, «как мануфактура, с одной стороны, исходит из комбинации разнородных самостоятельных ремесел и, с другой стороны, из кооперации однородных ремесленников».

На анализе мануфактуры Маркс показывает, как в последней заложены основы машинного производства.

«На фабрике, — пишет Маркс, — т. е. в мастерской, в основе которой лежит машинное производство, вновь появляется простая кооперация, и при том прежде всего как пространственное сочетание однородных и совместно действующих рабочих машин»¹⁷.

В главе о машине и крупной промышленности Маркс показывает, как «кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда». Маркс показывает, как этот кооперативный характер процесса труда, будучи исторически необходимым, является формой эксплуатации пролетариата. Общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, но она в то же время не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу. Выгода комбинированного рабочего дня, выгода массовой силы, выгода развития об-

¹⁶ «Капитал», т. I, стр. 301.

¹⁷ Там же, стр. 321.

ществительности производительности труда исходит из переменного капитала, а кажется присущей капиталу в целом. «Та производительная сила, которую развивает рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в такие условия, а капитал как раз и ставит его в такие условия»¹⁸.

Такова диалектика развития самой капиталистической действительности.

Вскрытием этой противоречивости развития, вскрытием того, что производительность труда, возникающая из кооперации и разделения труда, безвозмездно достается капиталу, Маркс выявляет фетишизм производительности капитала. И тем самым материалистическая диалектика выступает как оружие классовой борьбы пролетариата.

О развитии техники Маркс говорит следующее:

«Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII в. принадлежит тому или иному отдельному лицу... Дарвин направил свой интерес на историю естественной технологии; не заслуживает ли такого же внимания история образования производственных органов общественного человека?»

С того момента, как различные операции данного процесса труда обособились друг от друга, возникает необходимость изменения в орудиях. Дифференцированный и специализированный инструмент в руках частного работника есть характерная особенность мануфактуры.

Этот же инструмент влечет за собой автоматическое движение руки рабочего и строгую пропорциональность операций. Это последнее в свою очередь есть технический остов машины. Дальше развитие переходит в развитие самих машин: Джени и Тростль дают мюл-машину и т. д.

Одновременно с этим идет процесс обособления духовных сил рабочего. Связь совокупного механизма вынуждает рабочего действовать с регулярностью отдельной части машины. Посредством разделения труда создаются новые условия господства капитала над трудом.

«Мануфактурный рабочий, — говорит Storch, — представляет только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить». Steward называет мануфактурных рабочих «живыми автоматами, употребляемыми для деталей операций производства». Рабочий вынужден принимать условия такого-то предпринимателя, так как он есть лишь часть его производственного механизма. Его духовная сила есть духовная сила процесса производства.

Эта сила в процессе производства противопоставляется рабочим же в качестве чужой собственности, как таковая она становится господствующей над рабочими силой. Ради комбинированного рабочего, ради этого механизма, приносящего капиталисту прибыль, убивают остальные жизненные силы каждого индивидуального рабочего. Лишенный возможности самостоятельной работы, мануфактурный рабочий производителен только в качестве составной части заведения предпринимателя. «Фабричное разделение труда, — говорит Маркс, — обособ-

¹⁸ Капитал т. I, стр. 298.

ляет духовные силы процесса производства и противопоставляет их рабочим в качестве частной собственности и господствующей над ними власти».

В машине автомат становится субъектом, а объектом — рабочие, которые присоединяются к нему как сознательные органы. Специализация человека перенесена в специализацию машины.

Процесс обособления духовной силы рабочего и противопоставления ее рабочим в качестве чужой собственности получает свое завершение в эпоху империализма в конвейерной системе, в системе непрерывного потока. Здесь-то при огромном росте интенсификации труда с особенной ясностью выступает положение Маркса по поводу роли машины на капиталистической фабрике: «Машина не рабочего освобождает от труда, а труд его — от всякого содержания».

С одной стороны, на фабрике мертвый механизм существует независимо от рабочих, они присоединяются к этому механизму «как живые придатки». Об этом труде Энгельс говорит: «Унылое однообразие бесконечной муки труда, постоянно все снова и снова выполняющего один и тот же процесс, похоже на работу Сизифа; тяжесть труда подобно скале все снова и снова падает на истомленных рабочих»¹⁹.

Но одновременно с этим процессом развиваются условия для других, новых принципов разделения труда, которые могут быть осуществлены только на основе уничтожения капиталистической частной собственности. «По самой природе своей крупная промышленная занятая, всесторонней подвижности рабочего; она требует замены социализированного индивидуума индивидуумом, вполне развитым, который одинаково способен на все разнородные общественные занятия». Но это возможно только в том случае, когда будет уничтожен капитализм. Когда будет разрешена задача — «несчастливого резервного рабочего населения... Заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде».

«Крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда... Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции представляют сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»²⁰. Следовательно именно в крупной промышленности при социализме лежат условия гармонического развития будущего человека.

В крупной же промышленности лежат условия объединения и солидарности рабочих.

Открыв на основе материалистической диалектики источник эксплуатации рабочего класса, указав на исторические корни ее возникновения, проанализировав способы увеличения этой эксплуатации, Маркс дал теоретическое обоснование классовой борьбы пролетариата.

¹⁹ «Положение рабочего класса в Англии».

²⁰ М а р к с, Капитал, т. I, стр. 489.

Теория прибавочной стоимости и теория стоимости являются обоснованием теории заработной платы Маркса. Рабочая сила как товар, противоречие этого товара, стоимость рабочей силы как товара являются стержневыми моментами теории заработной платы Маркса.

Заработная плата — внешняя форма проявления скрытого за ней общественного отношения: отношения между капиталистом и рабочим. «На этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономики»²¹. В связи стоимости рабочей силы со стоимостью дается диалектическая связь общего с особенным. Специфическим здесь является то, что рабочая сила есть особый товар, отличный от всех остальных товаров, имеющий особую специфическую потребительную стоимость. Потребительная стоимость этого товара обладает свойством давать прибавочную стоимость. Стоимость рабочей силы Маркс рассматривает как движение. Движение стоимости рабочей силы определяется условиями движения стоимости товаров, идущих на воспроизводство рабочей силы. На теории прибавочной стоимости и теории заработной платы Маркс основывает закон относительного и абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. В главе «Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения» Маркс выясняет, как закон присвоения или закон частной собственности, покоящийся на производстве и обращении товаров (т. е. закон товарного производства), превращается путем собственности внутренней диалектики в свою прямую противоположность, т. е. в закон капиталистической частной собственности. Собственность для капиталиста здесь является правом присваивать чужой, неоплаченный труд, для рабочего — невозможностью присвоить себе свой собственный продукт. Но диалектика самой действительности такова, что «как ни велико противоречие между основными законами товарного производства и капиталистическим методом обогащения, последний порождается отнюдь не нарушением этих законов, а, напротив, точным их применением»²². Товарное производство в своем развитии дало новое качество. Собственность как право присваивать чужой, неоплаченный труд является особым качеством, характеризующим капиталистический способ производства. На проблеме превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения Марксом разрешена проблема соотношения простого товарного производства и капитализма. Простое товарное производство отлично от капитализма и в то же время однотипно капитализму и перерастает в него. Маркс рассматривает процесс производства в его повторяемости и непрерывности. И один факт повторяемости и непрерывности процесса производства придает последнему новые черты.

Из непрерывности процесса производства вытекает, что переменный капитал утрачивает характер стоимости, авансированной из собственного фонда капиталиста. Он утрачивает этот характер лишь в

²¹ Маркс, Капитал, т. , стр. 421.

²² Там же, стр. 459.

том случае, если мы рассматриваем капиталистический способ производства в ходе его непрерывного возобновления.

Из непрерывности процесса производства вытекает, что всякий капитал есть капитализированная прибавочная стоимость. Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в его непрерывности в его общей связи, выявляет то, что он не только производит прибавочную стоимость, но производит и воспроизводит и самое капиталистическое отношение.

Второй том «Капитала» на анализе кругооборота промышленного капитала изучает единство всех метаморфоз капитала, изучает кругооборот промышленного капитала как единство и борьбу противоположностей.

Уже на первой стадии кругооборота денежного капитала: $D — T$ Маркс иллюстрирует связь формы и содержания. Он показывает, что «капитальная стоимость в денежном состоянии может исполнить лишь функции денег и никаких иных. Что делает их функциями капитала, так это их определенная роль в движении капитала, а потому и связь стадий, в которой они выступают, с другими стадиями его кругооборота»²³.

Только если взять капитал как движение, если взять стадии кругооборота в их связи, мы можем обнаружить у D функции капитала. Если взять капитал как движение, то обнаруживается, что капиталистическое отношение проявляется в процессе производства лишь потому, что оно уже существует в акте обращения в их классовом отношении. Но это отношение не вытекает из природы денег; напротив, наличие этого отношения превращает деньги в капитал.

Также и третья стадия $T^1 — D^1$ говорит о том, что товар в этой стадии функционирует как капитал лишь постольку, поскольку уже в производственном процессе, прежде чем начать обращение, он получил характер капитала.

Только связь стадий, определенное отношение к стадии производительного капитала делают и деньги и товар капиталом.

Анализ товара как продукта капитала является выводом исследования процесса производства капитала в I томе «Капитала». Взявши исходным пунктом своего анализа товар как простейшую клеточку буржуазного общества, Маркс показывает, как этот товар при развитом капиталистическом обществе выступает как продукт капитала. В связи стадий, на анализе товара как продукта капитала лежит также связь между I и II томами «Капитала».

В кругообороте промышленного капитала стоимость проявляет себя как капитальная стоимость в денежной, производительной и товарной форме и в переходах одной формы в другую. Различные стадии являются в одно и то же время единством и различиями, они являются в одно и то же время и единством и перерывами. «Процесс кругооборота капитала есть постоянный перерыв, оставление одной стадии, вступление в следующую, сбрасывание одной формы, бытие в другой форме, каждая из этих стадий не только обуславливает другую, но в то же время и исключает ее»²⁴.

Кругооборот промышленного капитала как единство трех круго-

²³ Маркс, Капитал, т. II, стр. 4.

²⁴ Там же, стр. 58.

оборотов может быть осуществлен лишь постольку, поскольку каждая из различных частей капитала может поочередно проделывать последовательные фазы кругооборота и переходить из одной функциональной формы в другую. «Сама последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени. Так например, если товар нельзя продать и движение $T' - D'$ останавливается для одной части, то кругооборот этой части прерывается, и она не возмещается средствами ее производства: функциональное изменение следующих частей, выходящих в качестве T' из процесса производства, задерживается их предшественниками. Если такое положение продолжается некоторое время, то производство ограничивается, и весь процесс останавливается»²⁵.

Здесь мы видим, как Маркс из анализа капитала как движения выводит возможность остановки последовательного движения частей. «Всякая остановка последовательного движения частей приводит в беспорядок их последовательность в пространстве, всякая остановка на одной стадии влечет за собой остановку во всем кругообороте не только той части капитала, движение которой остановилось, но и в кругообороте всего индивидуального обращения.

Сам по себе товар как продукт капитала заключает в себе основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения; товар как продукт капитала есть результат производства, носящего общественный характер на антагонистической основе; товар как продукт капитала содержит в себе как оплаченный, так и неоплаченный труд; условия производства и реализации товара как продукта капитала базируются на эксплуатации наемного труда. Отсюда в анализе товара как продукта капитала и в анализе капитала как движения дается Марксом основа теории кризисов.

Маркс подчеркивает здесь, что капитал есть движение, а не вещь, пребывающая в покое.

«Представление о капитале, — говорит Маркс, — как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть кроме того движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам в свою очередь заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота. Поэтому капитал можно понять как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»²⁶.

Под углом зрения анализа капитала как движения Маркс дает анализ производительного и непроизводительного труда. «Категория производительного труда под углом зрения анализа капитала как движения выражает ряд отношений: 1) взаимные отношения между деньгами и рабочей силой как между товарами, куплю и продажу между владельцем денег и владельцем рабочей силы; 2) прямое подчинение труда капиталу; 3) реальное превращение в процессе производства труда в капитал, или — что одно и то же — производство прибавочной стоимости для капитала».

Так же, как деньги являются сначала лишь капиталом *an sich* так же и труд, заключенный в этих деньгах, есть производительный труд *an sich*.

²⁵ Маркс, Капитал, т. II, стр. 59.

²⁶ «Теория прибавочной стоимости», т. I, стр. 272.

Только определенное отношение к труду превращает деньги в капитал, и, наоборот, только тот труд, который превращает деньги в капитал, и есть производительный труд.

«Производительный труд есть лишь сокращенное выражение для обозначения того отношения, той полноты, в которой фигурирует рабочая сила в капиталистическом процессе производства» (Маркс).

Анализ капитала как движения, капитала как единства противоположностей является одновременно вскрытием односторонности и апологетики точки зрения меновой концепции.

Меновая концепция социал-фашизма получает свое начало еще у К. Каутского и Р. Гильфердинга.

Одна из основных ошибок К. Каутского в его первых трудах — это непонимание диалектического единства производства и обращения. В своей трактовке абстрактного труда, в своем понимании внутреннего противоречия товара он одинаково исходит из метафизического представления о производстве и обращении и не видит их диалектической связи.

Каутский не понял и не мог понять II тома «Капитала». Он не анализировал капитал в движении как единство противоположностей. Он находил только то, что во II томе имеется изложение «ряда факторов, оказывающих влияние на возникновение тех или иных форм проявления прибавочной стоимости».

Вот почему Каутский — нынешний социал-фашист — может найти «некоторую поддержку» своим теперешним апологетическим взглядам и в своих прежних научных работах.

Р. Гильфердинг тоже заложил камень фундамента своих дальнейших социал-фашистских «теорий» еще в «Финансовом капитале». Исходный пункт всего построения «Финансового капитала» — это сфера обращения. В основе как его теории денег, так и теории кредита лежит меновая концепция.

От кредита — к мобилизации капитала, к акционерному капиталу, к бирже, к банкам. Исходный пункт анализа у Гильфердинга — это не концентрация, а централизация, т. е. процесс, который «предполагает лишь изменение распределения уже существующих и функционирующих капиталов» (Маркс). Меновая концепция служит у Гильфердинга базой его теории регулирования обращения, признания возможности организовать обращение. В банкнотном обращении Гильфердинг видит организованность, гармонию, внутренне присущие самому обращению.

Гильфердинг определяет финансовый капитал как капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленностью. В этой постановке вопроса нет диалектической связи производства и обращения, нет примата производства. Это в свое время было отмечено Лениным.

«Определение финансового капитала у Гильфердинга, — говорит Ленин, — неполно постольку, поскольку в нем нет указания на один из самых важных моментов, именно на рост концентрации производства и капитала в такой сильной степени, когда концентрация приводит и привела к монополии»²⁸.

Основная установка экономической теории социал-фашистского II Интернационала заключается в том, чтобы путем «абстрагирования» от внутренней сущности капитализма, от присущего ему способа

²⁸ „Империализм“, стр. 34.

производства отвлекаться от основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Типичный теоретик II Интернационала Реннер и не ставит себе задачи анализа формы стоимости. В кругообороте капитала он не только не анализирует капитал как движение, как единство противоположностей, но он в этой проблеме абстрагирует не больше и не меньше как от стоимости, т. е. от самой проблемы.

Логика апологетов тоже увязана с «конечной целью». Но их «конечная цель» выступает наиболее ярко там, где Реннер трактует вопрос об экспроприации экспроприаторов. Послушаем Реннера: «Мы с особой тщательностью исследовали все юридические формы, на основе которых совершается эта концентрация, но в числе их мы не нашли ни одной, которая могла бы быть названа отчуждением в юридическом смысле этого слова. Очевидно термин «экспроприация» употребляется в экономическом смысле для обозначения всякого рода перехода состояний, в особенности средств производства и денежного капитала, из рук прежних капиталистов, которые перестали целиком или отчасти быть таковыми, в руки других капиталистов»²⁹.

Что может быть пошлее этого вывода, к которому приходит логика апологетов, отвергая материалистическую диалектику как оружие классово-борьбы пролетариата?

Реннер открыто выступает против диалектического материализма Маркса. Он не прочь видеть экономическое учение Маркса освобожденным от диалектической философии. Эмансипировать Маркса от диалектической логики — лозунг социал-фашистской политической экономии. «Философия, — говорит Реннер, — уже более не является царицей наук: она стала их золушкой, а манера изложения немецких философов стала для нас чуждой. Маркс уходит корнями в эпоху, по преимуществу философскую. Современная наука не только в описании явлений, но и в теоретическом исследовании пользуется не дедуктивным, а индуктивным методом: она исходит из объектов опыта, непосредственно наблюдаемых, систематизирует их и затем постепенно возводит их на степень абстрактных идей».

Диалектическое единство капиталистической экономики как единство производства, обмена, распределения и потребления является темой анализа расширенного воспроизводства в общественном масштабе. Примат производства в этом единстве противоположностей — таков принцип построения марксовых схем производства.

Абстракция Маркса — двухклассовое общество — пронизывает до глубочайшей основы конкретный капитализм. Эта абстракция является отражением всей капиталистической практики, всего ее конкретного богатства; эта абстракция выясняет, вскрывает противоречия в самой сущности капиталистической экономики. Абстракция двухклассового общества в своем воспроизведении капитализма как единства в многообразии выявляет также и его историческую ограниченность.

В этой проблеме Маркс дает теоретическое обоснование кризисов. Он дает дальнейший анализ капитала как движения, выявляя равно-

²⁹ «Теория капиталистического хозяйства», стр. 305.

весие как случайность, как момент этого движения. Маркс рассматривает в этой проблеме единство движения общественного продукта как единство количественной непрерывности и качественной прерываемости. Все условия нормального бесперебойного хода воспроизводства (условия количественной непрерывности), на которых построены схемы воспроизводства, являются условиями нарушения этого бесперебойного хода (условиями качественной прерывности). Революционный характер материалистической диалектики состоит в том, что она «дает ключ» к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность, к уничтожению старого, к возникновению нового» (Ленин).

Не владея материалистической диалектикой, Роза Люксембург не понимает «перерыва постепенности», не может понять того, что условия бесперебойного хода воспроизводства превращаются в свою противоположность в обществе, в основе которого лежит противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Не владея этим «ключом», Роза Люксембург не видит возможности реализации прибавочной стоимости в чистом капиталистическом обществе. И это потому, что она подходит к росту потребления капиталистов и рабочих с точки зрения данного момента и не рассматривает этого роста в его развитии. Роза Люксембург не понимает того, что внутренний рынок для капитализма создается самым процессом развития капитализма. Процесс разложения крестьянства есть противоречивый процесс. Крестьянство не только разоряется, оно также разлагается на буржуазию и пролетариат. Этот диалектический процесс развития и создает внутренний рынок.

Не владея материалистической диалектикой, Роза Люксембург не понимает диалектической связи производства и потребления, не понимает того, что противоречие между производством и потреблением является внутренним моментом противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения, что анархия производства является выражением этого последнего противоречия. Вот почему она приписывает Марксу безвоздушную карусель: производство ради производства, и вот почему анархия производства, оторванная от противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения, является у Р. Люксембург единственной и основной характеристикой капиталистического общества.

Либо непосредственное производство ради производства, либо непосредственное производство ради потребления. Что сверх того, то от лукавого. В основном вся концепция Р. Люксембург есть меновая концепция; Р. Люксембург по существу подменяет проблему накопления проблемой реализации прибавочной стоимости. И в условиях реализации она ищет обоснования краха капитализма.

Роза Люксембург выставляет анархию производства как основную характеристику капитализма. Она механистически отрывает анархию производства от основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения. Она не понимает связи этого решающего противоречия с противоречием между производством и потреблением. «Две теории кризисов, — говорит Ленин, — ... дают нам совершенно различные

объяснения. Первая теория объясняется их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, а вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения. Первая следовательно видит корни явления в непроизводства... вторая — именно в условиях производства... Но спрашивается: отрицает ли вторая теория факт противоречия между производством и потреблением, факт недостаточного потребления? Разумеется, нет. Она вполне признает этот факт, но отводит ему надлежащее подчиненное место как факту, относящемуся к одному подразделению всего капиталистического производства»³¹.

Во внешних противоречиях между капиталистической и некапиталистической средой Р. Люксембург видит закон движения капиталистической системы производства.

Механистическое представление о пожирании «третьих лиц» капитализмом без остатка, о поголовном превращении крестьян в наемных рабочих, непонимание особенностей процесса концентрации и дифференциации в сельском хозяйстве, непонимание особенностей развития капитализма в колониях, полуколониях, зависимых и независимых странах, представление об этом процессе как о процессе одностороннем и прямолинейном, — все это вытекает из того, что у Р. Люксембург не было диалектики как «ключа» к «самодвижению всего сущего».

Из ее теории третьих лиц», из ее теории накопления капитала вытекает, что капитализм автоматически идет к краху, что мировая пролетарская революция должна быть одновременным и повсеместным актом. Другими словами, в ее теории «третьих лиц» лежит обоснование так называемой «теории» перманентной революции — «теорий», ставшей орудием борьбы против пролетариата. Роза Люксембург «сочинила» теорию перманентной революции (Сталин). На анализе ошибок Р. Люксембург мы с особенной ясностью видим, каким могучим орудием классовой борьбы является материалистическая диалектика. Без этого «ключа» и эта великая революционерка давала в своих трудах обоснование чуждых пролетариату теорий.

На основе закона стоимости Маркс решил проблему закона средней нормы прибыли. В связи первого тома с третьим получает свое конкретное решение проблема закона в диалектическом смысле этого слова. Закон реальный, не формальный, не бессодержательный выражает содержание действительности и основание всего многообразия ее. Всякий реальный закон характеризуется разделением единого. Закон содержит в себе внутреннюю противоположность, которая является противоречивостью самой реальной действительности.

«При капиталистическом производстве, — говорит Маркс, — всякий закон осуществляется лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом, как некоторая никогда не могущая быть точно установленной средняя постоянных колебаний»³². Закон средней нормы прибыли выражается только в приближении, но не в непосредственном совпадении. Закон цен производства, являющийся модифицированным законом стоимости в ка-

³¹ Том II, изд. 3-е, стр. 37.

³² «Капитал», т. III, ч. 1, гл. III.

питалистическом обществе, есть реальный закон, выражающий противоречивость капиталистической экономики. Противоречивость эта проявляется в противоречивости внешней формы и сущности.

Реальность закона цен производства выявляется на анализе внешних и внутренних категорий и из их диалектической связи. Вот что Маркс говорит о связи стоимости и издержек производства:

«То, чего стоит товар капиталисту, измеряется затратой капитала; а то, чего товар действительно стоит, измеряется затратой труда... чего стоит товар капиталисту и чего в самом деле стоит самое производство товара — это во всяком случае две совершенно различных величины».

Издержки производства есть внешняя категория. Они не могут объяснить ни того, как произведена их собственная стоимость, ни того, как произведена прибавочная стоимость. Но именно в противоположности издержек производства и стоимости лежит и их единство: издержки производства обусловлены количеством трудовых затрат. Когда связь между этими двумя категориями раскрывается, тогда обнаруживается и более глубокая связь: стоимость как общественное отношение, как внутренняя категория выясняет внутренний состав издержек производства.

Закон конкуренции, основывающийся на разнице между стоимостью товара и издержками производства этого товара и на вытекающей из этой разницы возможности продавать товар с прибылью ниже его стоимости, лежит в основе средней нормы прибыли. Стержень, к которому стремится на основе конкуренции перераспределение трудовых затрат, есть средний органический состав капитала, дающий среднюю прибыль. Здесь же и лежит связь стоимости с ценой производства.

Основное заключается здесь в том, что товары обмениваются уже не просто как товары, но и как продукты капиталов.

Стоимость товаров не только теоретически, но и исторически является *prius* цен производства.

«Средняя прибыль, определяющая цены производства, неизбежно должна быть приблизительно равна тому количеству прибавочной стоимости, которое приходится на данный капитал как соответствующую часть всего общественного капитала. Так как вся стоимость товара регулирует всю прибавочную стоимость, а эта последняя регулирует, как общественный закон, управляющий колебаниями, высоту средней прибыли, следовательно и общую норму прибыли, то очевидно закон стоимости регулирует цены производства»³³.

С другой стороны, средняя прибыль на основе закона стоимости направляет весь обмен. В зависимости от средней нормы прибыли устанавливаются те или иные количественные отношения между товарами, не совпадающие с количественными отношениями стоимостей этих товаров.

«Предположение, что товары различных сфер производства продаются по их стоимости, означает конечно лишь то, что их стоимость является центром тяжести, вокруг которого вращаются их цены и постоянные колебания вверх и вниз»³⁴.

Таким образом совокупный капитал при посредстве средней нормы прибыли, а последняя при посредстве закона стоимости управляют отдельными капиталами.

³³ Маркс, Капитал, т. III, стр. 156.

³⁴ Там же, стр. 153.

В каждой отдельной отрасли производства прибавочная стоимость, которая достается капиталистам, определяется стоимостью, которую необходимо в этой отрасли затрачивать. Средняя норма прибыли таким образом показывает, насколько в данной отрасли потрачено меньше или больше той стоимости, которую было необходимо затратить. Это получается при сравнении средней и индивидуальной прибыли того или иного предприятия. Здесь средняя норма дает толчок в направлении перераспределения трудовых затрат в обществе.

Такая глубокая связь закона средней нормы прибыли с законом стоимости.

Закон равной нормы прибыли опирается в своем существовании на способность стоимости к самовозрастанию. А эта способность к самовозрастанию в свою очередь вытекает из того определенного отношения, в котором класс рабочих находится к классу капиталистов.

Из закона стоимости вытекает тот вывод, что при равном уровне эксплуатации труда прибавочная стоимость, произведенная в предприятиях с равными капиталами, но при разном органическом составе, неодинакова. Но тогда и прибыль этих предприятий, несмотря на их равные капиталы, должны была быть различна, а это в свою очередь противоречит закону, согласно которому капиталы равной величины должны доставлять равную прибыль. Это противоречие, присущее действительности капиталистического хозяйства, и выражено в категории «цена производства».

Превращение стоимости в цену производства происходит через рыночную стоимость. Конкуренция прежде всего осуществляет установление рыночной стоимости в каждой отдельной сфере производства. Рыночная стоимость является стоимостью каждой отдельной отрасли производства. Она является моментом связи в движении стоимости, ее переходе в цену производства. «Что осуществляет конкуренция, и притом первоначально в отдельных сферах производства, так это — установление одинаковой рыночной стоимости из различных индивидуальных стоимостей товаров. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях производства создает цену производства, уравнивающую норму прибыли между различными отраслями»³⁵.

Вследствие превращения стоимости в цену производства на поверхности явлений скрывается связь между ценой производства и стоимостью и также скрывается самое основание стоимости. Между тем здесь и лежит самая глубокая связь законов капиталистического хозяйства, так как всеобщая норма прибыли определяется распределением всего общественного капитала между различными сферами производства. А самое это распределение и есть проявление закона стоимости.

Таково глубокое единство законов всей системы.

«Явление, — говорит Маркс, — оказывается очень простым, раз понято отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, уравнение прибыли до общей нормы прибыли. Но если его хотят понять, исходя из закона ценности, без посредствующих звеньев, если следовательно хотят объяснить прибыль, которую доставляет отдельный капитал в отдельном промысле, из прибавочной стоимости и неоплаченного труда, содержащегося в произведенных им товарах, следовательно также из непосредственно в них самих реализованного труда, — то получается проблема, разрешение которой гораздо более невозможно, чем квадратура круга, которая

³⁵ Маркс, капитал, т. III, стр. 155.

может быть найдена алгебраически... Противоречие между общим законом и развитыми далее конкретными отношениями здесь рассматривается не путем отыскания посредствующих звеньев, а путем прямого подчинения и непосредственного приспособления конкретного абстрактному³⁶.

Материалистическая диалектика учит, что нужно взять явление в его «опосредствовании», в его общности, выделяя то особенное, что есть в этом общем. Понять отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и уравнение прибыли до общей нормы прибыли невозможно без «посредствующих звеньев». А выяснение отношения между прибавочной стоимостью и прибылью и уравнением прибыли в общую норму прибыли выявляет классовую сущность прибыли. Именно потому, что «на одном полюсе цена рабочей силы является в превращенной форме заработной платы... на противоположном полюсе прибавочная стоимость является в превращенной форме прибыли»³⁷.

Так называемое противоречие между I и III томами «Капитала» стало излюбленной темой всей буржуазной и ревизионистской политической экономики.

В установлении основного «противоречия системы» у Маркса критика совершенно солидарна. Более простая формулировка этого «противоречия» у Маркса гласит:

1) или товары обмениваются пропорционально заключающемуся в них труду, тогда уравнение прибыли на капитал невозможно; 2) или происходит уравнение прибыли на капитал, тогда невозможен обмен товаров по заключающемуся в них труду. Такова формулировка «противоречия системы» у Маркса, данная Бем-Баверком.

Туган-Барановский дает другую формулировку того же «противоречия системы». «Противоречие системы» дается в виде следующего силлогизма:

1. Стоимость по Марксу есть овеществленный труд.
2. Овеществление труда может выражаться только в цене.
3. Товарная цена не выражает трудовых затрат.
4. Следовательно стоимость не есть овеществленный труд.

И дальше, если цена есть конкретное выражение стоимости, то стоимость не совпадает с трудовыми затратами, так как цены не совпадают с трудовыми затратами. Если же цена не есть конкретное выражение стоимости, то стоимость теряет всякий определенный смысл.

Основные моменты «критики» таковы:

Основное «противоречие системы» — оно заключается в противоречии между законом стоимости и законом средней нормы прибыли — формулировка Бем-Баверка. Это же противоречие выражено у Струве как противоречие между ценами и стоимостью и у Туган-Барановского — как противоречие между стоимостью и ценами производства.

Отсюда выводы: у Маркса общее в понятиях не есть общее в вещах (Струве); Маркс дал абстрактный процесс, который ничего общего с конкретностью не имеет (Напфасер); у Маркса нет видимой связи между прибылью и переменным капиталом (Туган-Барановский); диалектика вообще несовместима с действительностью

³⁶ «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 75—76; подчеркнуто мною.

³⁷ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, гл. I.

(Бернштейн); у Маркса имеется «Zwei see len Theorie» (Зомбарт). «Маркс утверждает, что сумма цен производства равна сумме стоимости, но это же простая тавтология!» — восклицает Бем-Баверк «Сумму всех товаров Маркс рассматривает как один товар, а сумму всех людей Фома Аквинский рассматривает как одного человека» — возмущается Струве.

Апологеты капитализма в своей критике Маркса отвергают связь общего и отдельного, отрицая то, что «общее существует лишь в отдельном, через отдельное»⁸⁸.

Если сумма цен производства равна сумме стоимости, то это значит, что сумма средних цен равна сумме стоимости, а средняя цена, разложенная на свои составные части, совпадая со стоимостью, показывает свою связь с ней. Совпадение суммы цен и стоимости является у Маркса той конкретной формой, посредством которой стоимость всего общественного продукта определяет собою цены отдельных продуктов; именно потому, что совокупная стоимость товаров определяет собою общую величину прибавочной стоимости, а последняя определяет собою величину средней прибыли, а следовательно и общую норму прибыли, именно поэтому эта «совокупность» и есть исходный пункт анализа меновых отношений. Эта сумма цен, равная сумме стоимости, может быть сравниваема со стоимостью продукта другого периода; она может быть сравниваема с необходимым трудом общества и с прибавочным его трудом. Эта величина может быть также сравниваема со стоимостью отдельных продуктов.

«Сумма цен товаров, равная своей стоимости, есть исходный пункт для меновых отношений отдельных товаров» — говорит Энгельс.

Связь в этой совокупности между отдельными товарами заключается также в том, что эта «совокупность» дает в каждый момент иное выражение производительности труда, а с ростом производительности труда падают цены. Отсюда следует, что основная связь между развитием производительности труда и объективно слагающимися ценами лежит в этой «совокупности». Но связь эта проявляется диалектически: закон стоимости, действуя как слепой закон, проявляет себя через рыночную стоимость и выходит «наружу» лишь как закон цены производства и равной нормы прибыли.

Теория прибыли Маркса должна ответить на основной вопрос, т. е. на вопрос, как устанавливается во всех отраслях производства так называемая обычная прибыль. Критика не может ответить на этот вопрос, так как с точки зрения поверхности явлений «товары обмениваются как продукты капиталов», претендующих на участие в общей массе прибыли в соответствии со своей величиной, а при равенстве последней — на равное участие.

«Критика» не в состоянии понять этой связи так как она видит факты в их внешней форме, так как сама диалектика ей страшна. Потому что последняя рассматривает всякую сложившуюся форму в процессе движения, стало быть с ее преходящей стороны.

Сфера «критики» есть сфера поверхности общества, сфера внешних явлений. По Струве у Маркса нет связи между понятием и вещью. Для связи понятия и вещи Струве разделил категории на хозяйственные, междухозяйственные и социальные, причем заявил, что в междухозяйственных категориях нет решительно ничего от отношения к вещам. Отношение к вещам лежит в хозяйственных категориях. От-

⁸⁸ «Ленинский сборник», стр. 325.

сюда следует, что вещь и ее понятие Струве тщательно расположил в различные плоскости. Как раз Струве упрекает Маркса в разрыве вещи и понятия. А сам этот разрыв он считает своей величайшей заслугой.

Туган не может понять, как может стоимость регулировать цены, а не наоборот. Ведь цена лежит на поверхности явлений. Цену он видит и чувствует. И того, что прибыль производится лишь переменным капиталом, «на поверхности совершенно не видеть».

Но именно связи внутреннего с внешним, «опосредствования» явлений и диалектического единства не видит метафизическое мышление апологетов капитализма. Оно берет отдельные факты, отдельные формы и отдельные выводы. Изолированность фактов и явлений делает их неподвижными, застывшими. Только факты, взятые в целом, только явления, взятые в их совокупности, в их «опосредствовании», могут обратиться в процесс и могут быть рассматриваемы с их проходящей стороны.

«Если цена есть меновое отношение, — говорит Ленин, — то неизбежно понять разницу между единичным меновым отношением и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так, — а это несомненно так, — мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости».

«Критика» не могла и не может брать предмет в его связи, в его «опосредствовании», в его развитии, в его изменении, так как у «критики» была и есть настоятельная потребность подорвать основу учения о диктатуре пролетариата, необходимого для освобождения того класса, в руках которого диалектика является орудием этого освобождения.

В пределах одной статьи мы не можем остановиться на всех проблемах «Капитала», остановимся вкратце еще на проблеме ренты.

В «Генезисе капиталистической поземельной ренты» Маркс дает анализ процесса образования земледельческого капитализма; анализ этот выявляет разложение мелких производителей как важнейший фактор этого процесса. В различных формах ренты Маркс выявляет определенную ступень расслоения мелких товаропроизводителей.

Во всех формах ренты Маркс выявляет определенную форму экономической реализации права частной собственности на землю. В развитии форм качество и количество существуют нераздельно. И линия развития объединяет количественную непрерывность с качественной прерывностью. Уже в денежной ренте количество начинает выходить за свои пределы. Маркс выражает это следующим образом: базис денежной ренты остался тот же, что и в первых двух видах ренты: непосредственный производитель все еще является традиционным владельцем земли. Но, говорит Маркс, «этот базис идет здесь навстречу своему разложению». Количество начинает выходить за свои пределы. Когда количество переступает известную границу, снимается также и соответствующее ему качество. На место этого качества выступает другое качество. Действует закон отрицания отрицания. В капиталистической ренте мы имеем новое производственное отношение фермера и землевладельца.

В XXIV главе I тома «Капитала» Маркс дает генезис капиталистического фермера. Возникновение фермера можно проследить как процесс, совершающийся в течение многих столетий. Его исходный момент — это развитие в имущественных отношениях самих крепостных. Но сама эта «дифференциация» имущественных отношений не исчерпывает процесса. Сущность генезиса капиталистического фермера состоит в том, что старое крепостное крестьянство перестает существовать. Количество переступает известную границу, благодаря чему и снимается также и известное качество. На сцену выходит новый тип сельского населения.

В Англии первой формой фермера является сам крепостной, управляющий господского имения. Во второй половине XIV в. на его место становится фермер, которого лендлорд снабжает семенами. Из этой формы он переходит в следующую — высшую, становясь арендатором. В этом случае он доставляет одну часть необходимого для земледелия капитала, лендлорд — другую.

Последний переход есть переход в капиталистического фермера. На сцену выступают иного типа производственные отношения: появляется фермер в собственном смысле этого слова — капиталистический фермер.

На основе теории ренты и развития капитализма в сельском хозяйстве Маркс вскрывает двойственную природу мелкого товарного производства, однотипного с капиталистическим, но отличного от него как мелкого, основанного на собственности и личном труде самого собственника.

Проблемы соотношения простого товарного производства и капитализма Маркс ставит во всех основных проблемах «Капитала».

Маркс впервые гениально вскрыл двойственную природу крестьянства, в котором борются труженик и мелкий собственник, в котором живет не только «предрассудок», но и «рассудок». Маркс научно обосновал неизбежность расслоения крестьянства в условиях капитализма, он научно обосновал рост противоречий между городом и деревней с развитием капитализма, он обосновал рост разорения и обнищания широчайших масс деревни, для которых капитал является вампиром, «высасывающим кровь сердца и мозг головы» (Маркс).

Маркс таким образом показал как огромную роль трудящегося крестьянства в роли союзника пролетариата, так и то, что «крестьяне... находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй» (Маркс).

Маркс и Энгельс наметили пути перехода крестьянства на сторону революции, пути привлечения основных масс крестьянства на сторону пролетариата.

Маркс и Энгельс впервые поставили вопрос о крупном социалистическом земледелии и коллективизации при переходе от капитализма к социализму.

Учение о соотношении простого товарного производства и капитализма было продолжено и развито в условиях новой исторической эпохи Лениным и Сталиным. Полная ревизия этого учения, метафизическое и идеалистическое решение этого вопроса лежат в основе контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма.

Теория диктатуры пролетариата, которая создана Марксом на основе диалектического исследования капитализма, наиболее ярко показывает, каким могучим орудием классовой борьбы пролетариата является материалистическая диалектика. «Что касается меня, — говорит Маркс, — то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой... То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы»³⁹.

«Капитал» Маркса дает гениальный анализ капиталистической общественной формации с ее антагонизмом классов, с ее буржуазной политической надстройкой, с ее буржуазным правом. Маркс дает анализ исторически обусловленных производственных отношений, выявляя как прогрессивно-историческую роль капитализма, так и его историческую ограниченность. Вскрытие самой сущности капитализма показало, что пролетариат, порожденный объективным развитием капитализма, является субъективной революционной силой, призванной быть могильщиком капитализма. Вскрытие самой сущности капитализма выявило источник эксплуатации рабочего класса, выявило всеобщий закон капиталистического накопления и тем самым указало на пролетариат как на историческую силу, призванную уничтожить этот мир эксплуатации и нищеты широчайших масс. Маркс, теоретически вскрыв сущность эксплуатации, привел эту теорию в связь с практикой. На основе правильной теории эта практика означала практику социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Диалектическое единство прогрессивно-исторической стороны развития капитализма, как и исторической его ограниченности, составляет историческую миссию капитализма. Анализ исторической миссии капитализма приводит к неизбежности, к исторической необходимости «экспроприации экспроприаторов» «Эта экспроприация, осуществляемая действием имманентных законов самого капиталистического производства» (Маркс), является делом рабочего класса. Эта экспроприация составляет исходный пункт и цель рабочего движения. Здесь движение и цель находятся в диалектической взаимозависимости. Рабочее движение принимает подлинно революционный характер лишь в том случае, если оно проникнуто «конечной целью».

Анализ исторической миссии капитализма приводит к неизбежности превращения капиталистического общества в социалистическое, к осуществлению закона отрицания отрицания. «Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества»⁴⁰.

Из учения Маркса следует, что коммунизм исторически развивается из капитализма, так как, во-первых, коммунизм возникает в результате действий пролетариата, рожденного капитализмом, и, во-вторых,

³⁹ «Письмо к Вейдемейеру».

⁴⁰ Ленин, Статья о Марксе.

капитализм создает определенную материальную базу, которой рабочий класс овладевает в боях пролетарской революции.

Неизбежность крушения капиталистического строя Маркс показывает в своем анализе периодических кризисов, в основе которых лежит противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Весь ход развития противоречий капитализма, ведущих неизбежно к крушению его, Маркс рассматривает не под углом зрения автоматического краха, а под углом зрения борьбы между классами как выражение основных противоречий капитализма.

Учению Маркса о крушении капитализма, о диктатуре пролетариата социал-фашисты противопоставили свои концепции «врастания» капитализма в социализм на основе различных «теорий» «организованного» капитализма, «госкапитализма», «хозяйственной демократии».

Все эти теории в той или иной мере имеют свои корни еще в трудах довоенной социал-демократии.

Каутский еще в своей «Социальной революции» (1903 г.) извращает марксово учение о диктатуре пролетариата. По мнению Каутского, никогда победа пролетариата над буржуазией не может вести к разрушению государственной власти, а только к известной передвижке соотношений сил внутри государственной власти (Каутский). Эта «передвижка соотношений сил» и лежит в основе теории «демократии» социал-фашиста Каутского. Здесь-то и лежит основа «миролюбивого оппортунизма... и мирно-спокойно-свободно-веселого «врастания» старого свинства в «социалистическое общество» (Энгельс).

Ленин отмечает на полях работы Каутского: «общий итог социализм без революции... или революция без нарушения политической власти, «государственной машины» буржуазии... Это «полный крах марксизма... Диктатура пролетариата подменена мещанской утопией борьбы за реформы».

Учение о диктатуре пролетариата неотделимо от марксовой теории крушения капитализма. Все то новое, что внесли в теорию пролетарской революции Ленин и Сталин, образует с марксовым учением единое марксо-ленинское учение о диктатуре пролетариата.

Маркс в классовой борьбе пролетариата видит единство борьбы за свои текущие интересы и за конечную цель.

Маркс, исходя из движения классов и их борьбы, дал пролетариату ясную программу экономической и политической тактики классовых боев. Эта программа включает в себя и конечную цель движения, эта программа действий состоит из отдельных звеньев, представляющих в отдельные моменты свое особенное, свое качественно отличное. «Движение, — говорил Ленин, — рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, и притом не в пошлом понимании эволюционистов», видящих лишь медленное изменение, а диалектически: «20 лет равняется единому дню в великих исторических развитиях, — писал Маркс Энгельсу, — хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет». На каждой ступени развития в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого мирного развития, а с другой стороны, ведя всю работу «этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем

способности к практическому решению великих задач в великие дни, концентрирующие в себе по 20 лет»⁴¹.

Эта «конечная цель» движения становится в свою очередь средством. Цель движения — диктатура пролетариата — становится средством построения социализма-коммунизма. Такова суть материалистической диалектики. Маркс защищал свое учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата против реформистов и анархистов. Он учил, что диктатура нужна пролетариату для подавления сопротивления эксплуататоров.

«Каждое движение, в котором рабочий класс как таковой противостоит господствующим классам и оказывает на них давление посредством давления извне, есть политическое движение... Из отдельных экономических требований рабочих вырастает движение политическое, т. е. движение класса, чтобы этим путем добиться осуществления его интересов в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительный характер для всего общества. Если эти движения подчинять определенной предварительной организации, то они в свою очередь сделаются средством развития этой организации».

«Капитал» Маркса Ленин характеризовал следующим образом: «Капитал» представляет собой «образец научного анализа одной и самой сложной общественной формации по материалистическому методу, образец, всеми признанный и никем не превзойденный».

На XVI съезде партии т. Сталин следующим образом характеризует диалектику марксизма: «Это — жизненная правда марксово́й диалектики, которая дает возможность большевикам брать самые неприступные крепости».

Эта жизненная правда марксово́й диалектики вооружала массы. Связь с массами, массовость присущи материализму. Материалистическая диалектика неотделима от идей массовости.

«Распространение материализма, — говорит Ленин, — на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий.

Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений и степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действительных масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественной исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» (Ленин)⁴².

Исторический материализм охватывает действия широчайших масс населения. Марксизм-ленинизм знает законы массовых действий, и в этом — залог победы. Материалистическая диалектика является оружием преобразования действительности через овладение массами.

Движение, учит диалектика, может быть подлинно революционным движением, если оно осмыслено конечной целью. Цель эта обусловлена объективной закономерностью, но эту объективность материалистическая диалектика понимает не как объективность «непреодолимых исторических тенденций» (Струве), а как объективность, включающую в себя момент революционной воли класса. «Материализм, —

⁴¹ Ленин, Маркс, Энгельс и марксизм, стр. 3.

⁴² Подчеркнуто мною.

говорит Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность». «Капитал» Маркса насквозь проникнут партийностью.

Победа строительства социализма в одной стране как цель коренится в объективной закономерности определяющего эту цель движения. Но цель в свете материалистической диалектики становится также средством. И победа построения социализма в одной стране неразрывно связана с идеей международной пролетарской революции. И только таким образом в свете материалистической диалектики объективный процесс развития переплетается с субъективной конечной целью пролетариата. Этот вопрос с гениальностью величайшего диалектика был развит т. Сталиным в борьбе с троцкизмом.

Троцкий не только извратил марксистско-ленинский анализ объективного процесса развития (закон неравномерности развития, движущие силы революции, международные связи пролетариата), но он также метафизически отрывает цель от движения. «Диалектика» троцкизма насквозь идеалистична. Отсюда беспредметная действительность при отсутствии намеченных конкретных задач, связанных с развитием революционной борьбы пролетариата.

Отрицание контрреволюционным троцкизмом возможности построения социализма в СССР вытекает из социал-демократических установок в теории переходного периода, из установки, что социализм вырастает из самом капитализме. Отрицание ленинского закона неравномерности развития и теория автоматического краха капитализма лежат в основе отрицания возможности построения социализма в СССР.

Оппортунизм, выступивший открыто против материалистической диалектики, прежде всего отверг диалектическое единство движения и цели. Одна из основных заповедей оппортунизма гласит: «Конечная цель», какова бы она ни была, для меня — ничто, движение же — все» (Б е р н ш т е й н).

Оппортунизм здесь выступает против определенной цели — против диктатуры пролетариата. Движение, которое оппортунизм объявляет всем, является движением общества, выхолощенного в своей классовой революционной сущности, движением в сторону мирного «врастания» капитализма в социализм. По существу оппортунизм имеет свою цель, но это — цель апологетика капитализма. И контрреволюционный троцкизм, выступая против победы строительства социализма в одной стране, имел также свою цель — цель дезориентировать рабочий класс, уничтожить его целеустремленность. Контрреволюционный троцкизм всеми мерами борется против этой всемирно-исторической победы пролетариата.

С мастерством величайшего материалиста-диалектика т. Сталин разрешил вопросы коллективизации и связанные с ними вопросы ликвидации кулачества как класса. Он разрешил вопросы кооперативного плана Ленина в свете материалистической диалектики на новом этапе пролетарской революции. Тов. Сталин дал развернутую теорию социалистической реконструкции народного хозяйства в переходный период от капитализма к социализму, гениально вскрыв конкретные пути превращения в о з м о ж н о с т и построения социализма в действительность, пути социалистической индустриализации, роль пролетарской диктатуры.

Величайшим образцом материалистической диалектики является разработанный Сталиным вопрос о конкретных путях социалистической

переделки крестьянства на новом этапе пролетарской революции, вопрос о производственной смычке, вопрос о сплошной коллективизации и о ликвидации кулачества как класса на базе последней.

Вопросы связи формы и содержания на анализе социальной природы колхозов и т. д. в постановке т. Сталина являются лучшими образцами применения материалистической диалектики Маркса — Ленина.

На анализе этих лучших образцов материалистической диалектики мы показываем пролетариату, каким могущественным оружием борьбы за построение социализма-коммунизма является материалистическая диалектика.

Материалистическая диалектика на ленинском этапе дает анализ капитализма в его империалистической стадии. «Вся правда о ленинизме, — пишет т. Сталин, — состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развил марксизм дальше, в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата».

Все вопросы теоретического и конкретного руководства пролетарской революции могут быть поняты лишь в свете материалистической диалектики. Владея этим оружием, наша партия во главе с ее вождем т. Сталиным, мобилизовав революционную активность широчайших масс пролетариата, победоносно завершила построение фундамента социалистической экономики и победоносно идет к построению бесклассового общества.

ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ СТРАН В СОВРЕМЕННОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

1. Несколько вводных замечаний

«Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹.

Это безусловное требование марксизма — всегда учитывать конкретные особенности каждой страны — Ленин подчеркивал неоднократно. В брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он писал:

«Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к учреждению советской республики и пролетарской диктатуры — вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента»².

Путь к решению этой задачи, дающий возможность от общих положений подойти к характеристике своеобразия каждой отдельной страны, лежит через группировку стран, через выделение основных их типов и подтипов.

Группировка стран и районов, выделение основных их типов и подтипов имеет вместе с тем и большое теоретическое значение. С одной стороны, она облегчает подведение теоретического фундамента под конкретное изучение отдельных стран, с другой — она позволяет углубить общетеоретические положения.

Группировка стран и районов соответственно особенностям их экономического строя является центральной проблемой экономической географии капиталистического мира, объектом изучения которой как раз и являются особенности экономического развития отдельных стран и их частей.

Буржуазная экономическая география пытается рассматривать размещение капиталистического производства вне всякой связи его с основными противоречиями капитализма, проявляющимися в частности в особенностях экономического строя отдельных стран и районов. Всю проблему размещения производства буржуазные экономисты пытаются свести к механическому выявлению особых «штандортных факторов». Эта механистическая методология естественно заводит буржу-

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 431—432.

² Ленин, Соч., т. XXV, стр. 229.

азную экономическую географию в тупик. Размещение капиталистического производства может быть понято и правильно объяснено лишь в том случае, если оно рассматривается в связи с особенностями экономического развития отдельных стран и районов, в связи с основными противоречиями современного капитализма.

В основе различий отдельных частей капиталистического мира лежит неравномерность капиталистического развития, особенно усилившаяся в эпоху империализма. Неравномерность развития капитализма заключается не только в неодинаковом темпе развития различных стран, районов, — эти различия в темпах развития теснейшим образом связаны с качественными особенностями экономического развития в отдельных странах.

«Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло,—писал Ленин,—Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно»³.

Особенное выпирание тех или других свойств капитализма, нагромождение на этой основе дисгармоний и диспропорций — к этому и сводятся прежде всего особенности экономического и политического развития отдельных частей капиталистического мира.

Неравномерность капиталистического развития в эпоху империализма, как это неоднократно подчеркивали Ленин и Сталин, имеет конфликтный, скачкообразный характер. Изменение экономического и политического строя отдельных стран происходит не в виде плавного развития, постепенного перехода из одного типа в другой, а путем резких сдвигов, создания все новых и новых противоречий, дисгармоний, диспропорций. В свете этого становится особенно наглядной вздорность попыток создать внеисторическую группировку стран, пригодную для всех времен и всех народов. Группировка стран эпохи промышленного капитализма и господства свободной конкуренции должна естественно резко отличаться от группировки стран эпохи империализма. Более того, эпоха довоенного империализма не может и в этом отношении не отличаться от эпохи всеобщего кризиса капитализма. В данной статье речь будет идти о современном капитализме эпохи всеобщего кризиса.

Поскольку речь будет идти о группировке стран капиталистического мира, в нее естественно не может быть включен СССР—страна строящегося социализма (а также страны, вырвавшиеся из системы империалистического угнетения и борющиеся за создание предпосылок для социалистического строительства: Монгольская народная республика, Тувинская Аратская республика, советские территории Китая).

«В результате первого тура империалистских войн (мировая война 1914 — 1918 гг. и октябрьской победы рабочего класса в бывшей империи российского царя мировое хозяйство расколосось на два принципиально враждебных лагеря: лагерь империалистских государств и диктатуру пролетариата СССР. Различие классовых структур, различие классовой природы власти, принципиальное различие целей внутренней и внешней экономической и культурной политики, принципиально различное направление всего развития резко сталкивают капиталистический мир с государством победоносного пролетариата. В рамках прежде единого мирового хозяйства

³ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 248.

борются две антагонистические системы: система капитализма и система социализма»⁴.

Из этой установки программы Коминтерна ясно вытекает, что, приступая к изучению различных типов стран, следует прежде всего разделить современный мир на две части — СССР и капиталистический мир, принципиально отличающиеся направлением всего их развития.

Этого принципиального различия старается не замечать буржуазная наука. Перенесение на СССР законов развития капиталистического хозяйства было основным теоретическим приемом вредителей. Особое упорство в отрицании социалистического характера Октябрьской революции, в отрицании коренного отличия закономерностей развития в СССР и капиталистических странах проявляет контрреволюционный троцкизм.

«Марксизм, — писал Троцкий, — исходит из мирового хозяйства не как суммы национальных частей, а как могущественной, самостоятельной реальности, которая создается международным разделением труда и мировым рынком, властно господствующим в нынешнюю эпоху над национальными рынками... Переход власти из рук царизма и буржуазии в руки пролетариата не отменяет ни процессов, ни законов мирового хозяйства»⁵.

Итак, по Троцкому, Октябрьская революция означала лишь переход власти из рук царизма и буржуазии в руки пролетариата. Что же касается нашей экономики, то над ней попрежнему властно господствуют международное разделение труда и мировой рынок, поэтому законы и процессы ее остались прежние.

Нет нужды опровергать эту контрреволюционную болтовню. Последние годы слишком наглядно выявили коренное отличие всего развития СССР по сравнению со всем капиталистическим миром. Этого не могут отрицать даже буржуазные исследователи (см. например последние статистико-экономические издания Лиги наций и Берлинского конъюнктурного института).

Хотя по уровню развития производительных сил (если брать их суммарно) мы еще не вышли за пределы, достигнутые передовыми капиталистическими странами, однако темп развития, характер его (отсутствие циклической лихорадки), структура и размещение производительных сил у нас коренным образом отличаются от того, что мы когда-либо видели и особенно в настоящее время видим в капиталистических странах. Экономический и политический строй СССР принципиально отличен от экономического и политического строя капиталистических стран. Это классически доказал т. Сталин в своем докладе на XVI съезде ВКП(б) и в ряде других выступлений. Наконец и наши экономические и политические отношения с прочими странами коренным образом отличаются от экономических и политических связей между отдельными частями капиталистического мира. Это проявляется прежде всего в том, что СССР не участвует в системе империалистического угнетения одних народов другими ни в качестве угнетающей, ни в качестве угнетаемой стороны. Вследствие одного этого наша внешняя торговля и наши внешние кредитные отношения в корне отличны по своей природе от торговли и кредитных отношений между странами капиталистического мира.

⁴ «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. VI, стр. 19.

⁵ Троцкий Л., Предисловие к немецкому и английскому изданию «Перманентной революции»

Мы с гордостью заявляем о превращении нашей страны из аграрной в индустриальную. Но при этом мы имеем в виду социалистическую индустриализацию, принципиально отличную от капиталистической индустриализации. Признание качественного различия процессов, происходящих у нас и в капиталистическом мире, качественного отличия нашей страны от всех капиталистических стран должно быть исходным пунктом всякой группировки современных стран.

В дальнейшем делается попытка выявить основные типы только стран капиталистического мира, исходя из установок, которые имеются в работах Ленина и Сталина и в материалах Коминтерна. При этом основное внимание будет уделено особенностям экономического развития отдельных типов стран.

2. Деление стран капиталистического мира на угнетающие и угнетаемые

В статье «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (1915 г.) Ленин писал:

«Империализм есть прогрессирующее угнетение наций мира горстки великих держав, есть эпоха войн между ними за расширение и упрочение гнета над нациями, эпоха обмана народных масс лицемерными социал-патриотами... Поэтому в программе с.-д. центральным местом должно быть именно то разделение наций на угнетающие и угнетенные, которое составляет суть империализма и которое живо обходят социал-шовинисты и Каутский»⁶.

В тезисах о социалистической революции и праве наций на самоопределение (1916 г.) Ленин снова разоблачил «обманывающую народ и защищаемую каутскианцами утопию мирного союза равноправных наций при империализме». «В противовес этой мещанской, оппортунистической утопии, — писал Ленин, — программа социал-демократии должна выдвигать, как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме, деление наций на угнетающие и угнетаемые»⁷.

Наконец в тезисах по национальному и колониальному вопросам ко II конгрессу Коминтерна (1920 г.) Ленин еще раз подчеркнул, что коммунистические партии должны во главу угла ставить «отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран»⁸.

Из приведенных высказываний Ленина с несомненностью вытекает, что, приступая к группировке капиталистических стран эпохи империализма, мы должны прежде всего разделить их на горстку великих держав и большинство угнетаемых ими стран. Именно это деление является основным, существеннейшим, составляющим суть империализма.

В работах Ленина и примыкающих к ним решениях Коминтерна дана четкая характеристика этих двух типов стран и характера взаимоотношений между ними. В наиболее сжатой, подытоживающей форме изложен этот вопрос в тезисах VI конгресса Коминтерна о революционном движении в колониальных странах.

⁶ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 324.

⁷ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 40.

⁸ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 286.

«По существу империалистический колониальный режим, — сказано там, — представляет собою основанную не только на экономическом давлении, но и на внеэкономическом принуждении монополию буржуазии империалистической страны в соответствующей зависимой стране и притом монополию, выражающуюся в двух основных функциях: с одной стороны, она служит целям беспощадной эксплуатации колоний (различные формы непосредственного и косвенного взимания дани, сверхприбыль в связи со сбытом собственных промтоваров, с доставкой дешевого сырья для собственной промышленности, с использованием весьма дешевой рабочей силы и т. д.); с другой стороны, империалистическая монополия служит целям сохранения и развития условий собственного существования: функции порабощения колониальной массы»^{8а}.

Отсюда ясно, что в основу деления капиталистических стран на угнетаемые и угнетающие надо положить: 1) эксплуатацию и 2) порабощение одних стран другими.

Что представляет собой эксплуатация одних стран другими (точнее, буржуазией последних), ясно уже из приведенной цитаты из тезисов Коминтерна. Сюда относится прежде всего прямая дань, собираемая в зависимых странах на основе голого принуждения (типичный пример — платежи, которые Индия ежегодно переводит имперскому правительству в Лондон, и суммы, которые она тратит на нужды метрополии — на содержание имперских чиновников и т. д.). Сюда относятся далее те проценты и дивиденды, которые буржуазия угнетающих стран получает в зависимых странах на инвестированные там капиталы (по сводке статистического аппарата Лиги наций сумма процентов и дивидендов, ежегодно получавшихся за границей странами-экспортерами капитала, перед кризисом достигала 2,3 млрд. долл.).

Сюда относится наконец та сверхприбыль, которую получают высокообразованные страны на основе неэквивалентного товарообмена со странами отсталыми. Этот неэквивалентный обмен вытекает: а) из более высокого уровня производительных сил и следовательно более высокой производительности труда в передовых странах⁹, б) из преобладания или во всяком случае высокого удельного веса в отсталых странах докапиталистических форм производства, в отношении которых действуют иные законы ценообразования¹⁰ и в) из более высокой концентрации капитала в передовых странах, приводящей к созданию здесь мощных монополистических объединений, которым в отсталых странах противостоят относительно мелкие и раздробленные капиталистические предприятия.

Порабощение зависимых стран и колоний заключается в том, что развитие их производства тормозится и уродуется в интересах метрополий (в частности в интересах сохранения их колониальной монополии), в том, что задерживается подлинная индустриализация этих

^{8а} «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. VI, стр. 129.

⁹ Об этом писал уже Маркс: «Подобно тому, как внутри страны квалифицированный труд, сложный труд относится к неквалифицированному, простому труду, так могут относиться друг к другу рабочие дни разных стран. В этом случае более богатая страна эксплуатирует бедную, даже когда последняя выигрывает от обмена» (Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, изд. 1926 г., стр. 196).

¹⁰ Объяснение этому также дал Маркс, исходя из особенностей ценообразования в мелком хозяйстве: «Для того чтобы парцеллярный крестьянин мог обрабатывать свою землю или купить землю для возделывания, нет надобности в том, чтобы... рыночная цена повышалась до уровня ли стоимости, до уровня ли цены производства продукта крестьянина. Это одна из причин, почему в странах, в которых господствует парцеллярная собственность, цена хлеба ниже, чем в странах капиталистического способа производства» (Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1928 г., стр. 279).

стран, в особенности создание в них жизнеспособной машиностроительной промышленности, в том, что эти страны принудительно превращаются в аграрно-сырьевой придаток к иностранному капитализму. Достигают этого угнетающие страны, используя прямую зависимость от них угнетаемых стран (правительственный аппарат Индии действует не столько в интересах ее господствующих классов, сколько в интересах британского империализма), подкуп государственного аппарата в последних, соответствующее направление экспорта капитала (вкладываемого лишь в те сферы, развитие которых выгодно экспортирующим капитал странам), общее экономическое превосходство.

Таким образом в основе эксплуатации и порабощения одних стран буржуазией других лежат:

а) экономическое превосходство вторых (более высокий уровень их производительных сил, большая концентрация капитала, богатство этих стран, позволяющее им экспортировать капитал в отсталые страны, подкупить государственный аппарат в них);

б) прямая зависимость первых от вторых, вытекающая как из экономического, так и из военного превосходства последних.

Именно поэтому Ленин подчеркивал: «Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой»¹¹.

Все вышесказанное может быть сведено в следующую схему, характеризующую основные типы капиталистических стран:

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СТРАН:

	Угнетающие	Угнетаемые
Признаки	<ol style="list-style-type: none"> 1. Буржуазия их получает прибавочную стоимость от эксплуатации трудящихся не только своей, но и других стран. 2. Развитие их производства не зависит от интересов других стран. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Трудящиеся их эксплуатируются не только туземными эксплуататорами, но и чужеземными. 2. Развитие их производства тормозится и уродуется в интересах буржуазии угнетающих их стран.
Предпосылки	<ol style="list-style-type: none"> 1. Более высокий уровень развития капитализма и наличие у буржуазии колоссальных богатств (позволяющие в частности экспортировать капитал). 2. Могучая военная сила. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Более низкий уровень развития капитализма и экономическая немощь (ведущие в частности к ввозу капитала из-за границы) 2. Слабость в военном отношении.

Эта схема, как и все схемы, условна. Она естественно не может охватить всю пестроту экономических и политических взаимоотношений капиталистических стран. Выделяя наиболее существенное и основное, она конечно не отрицает наличия в действительности многообразных отклонений и модификаций. Она не отрицает вместе с тем наличия ряда стран; занимающих промежуточное положение в системе империализма.

Страны, занимающие промежуточное положение, характеризуются не тем, что они не зависят от сильнейших империалистических держав и сами не развивают империалистической агрессии в отношении слабых стран. Такое положение в условиях империализма невозможно.

¹¹ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 351; разрядка моя.

Страны, занимающие промежуточное положение в системе империализма, характеризуются тем, что они зависят от сильнейших империалистических держав, и в то же время их господствующие классы полагают значительной силой для проведения самостоятельной, чисто империалистической политики.

Примером может служить дореволюционная Россия. Анализ ее производства и внешней торговли показывает, что, с одной стороны, она являлась аграрно-сырьевым придатком к более развитым странам Западной Европы, а с другой стороны, российский империализм стремился превратить в свои аграрно-сырьевые придатки более отсталые страны азиатского востока — Турцию, Персию, Афганистан, Китай, Монголию, из которых он выкачивал сырье и в которых сбывал продукты своей крупной промышленности. С одной стороны, в России были вложены значительные массы иностранного капитала, державшего в руках решающие отрасли народного хозяйства нашей страны. С другой стороны, мы наблюдали экспорт российского капитала, как в уже полностью монополизированные им колониальные страны (Туркестан и др.), так и в Персию, Афганистан и т. д.¹² С одной стороны, царизм был приказчиком более сильных империалистических держав, с другой — он проводил самостоятельную империалистическую политику правящих классов России, причем Россия была одним из «наиболее остро соперничающих империалистических хищников гигантской силы»¹³

Эту двойственность, отличавшую положение царской России в системе империализма, четко охарактеризовал т. Сталин. С одной стороны, он указал, что «царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургия, но и в том смысле, что она могла поставлять в пользу западных империалистов миллионы солдат... Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускаявшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе».

С другой стороны, т. Сталин отмечает, что «в России всецелие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват... Царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.»¹⁴.

¹² Г о л ь м а н М. Ш., Русский империализм. М.-Л., 1926, стр. 343—362 и др.

¹³ Л е н и н, Соч., т. XIX, стр. 263.

¹⁴ С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 4-е, стр. 9—10.

Двойственность положения дореволюционной России в системе империализма получила подтверждение в той дискуссии о характере финансового капитала в России, которая имела место среди наших историков и экономистов, исходным пунктом которой были односторонние и потому неправильные утверждения отдельных товарищей. С одной стороны, дискуссия ясно показала ошибочность утверждений о том, что в системе финансового капитала в России «русской системе финансового капитала принадлежала наибольшая часть», что рост вложений иностранного капитала в русскую промышленность и банки отнюдь не приводил к потере Россией ни ее экономической, ни ее политической самостоятельности» (Г р а н о в с к и й). В противовес этому факты показывают, что в русских банках и важнейших отраслях промышленности наибольшую роль играл иностранный капитал, что на основе этого, на основе займов, на основе экономического и военного превосходства происходило закабаление России западным империализмом.

То, что сказано выше про дореволюционную Россию, применимо в основном ко многим странам современной Европы. Возьмем например Испанию. С одной стороны, это империалистическая страна, ее господствующие классы угнетают завоеванные колонии и стремятся к их расширению, угнетают национальные меньшинства в самой стране и т. д. Эти господствующие классы представлены не только феодальными элементами, но и капиталистическими монополиями. С другой стороны, в экономике самой Испании важнейшие отрасли захвачены иностранным капиталом, последний выкачивает из Испании сырье, сбывает там изделия своей промышленности, выколачивает миллионы процентов и дивидендов на вложенные капиталы и предоставленные займы и даже использует военные силы Испании для усмирения восстаний североафриканских колониальных народов. В большей или меньшей степени то же можно сказать про современную Польшу, Румынию, Югославию, Португалию и т. д.

То или иное положение стран в системе империалистического угнетения и грабежа оказывает громадное влияние на развертывание в них классовой борьбы. При пересмотре программы партии в 1917 г. Ленин рекомендовал «сильнее подчеркнуть и нагляднее выразить в программе выделение кучки богатейших империалистических стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций». «Это, — писал Ленин, — крайне важная особенность империализма, которая между прочим до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются ими грабежу, которым угрожает раздел и удушение их гигантами империалистами (такова Россия), и, наоборот, до известной степени затрудняет возникновение глубоких революционных движений в странах, которые грабят империалистически много колоний и чужих стран, делая таким образом очень большую (сравнительно) часть своего населения у ч а с т н и к о м дележа империалистической добычи»¹⁵.

Это указание Ленина всецело подтвердилось событиями последующих лет. Ряд коммунистических партий в крупнейших империалистических странах до сих пор не преодолел тех трудностей, на которые наталкивается в их странах развитие массовых революционных движений. Только недавно XII пленум ИККИ отметил, что «в таких важнейших странах мирового капитализма, как САСШ, Англия и Франция, подъем революционного движения хотя и развивается, но пока еще сильно отстает от высокой напряженности всей международной обстановки»¹⁶.

Но, с другой стороны, дискуссия выявила ошибочность утверждений, будто «системы русского финансового капитала не существовало — вместо системы русского финансового капитала мы имели на территории России части трех могущественных систем финансового капитализма — французской, германской и английской» (К р и ц м а н). Факты говорят о том, что система русского финансового капитала существовала, хотя она и была переплетена с более могущественными системами западноевропейского финансового капитала, что на базе его в России сложился капиталистический империализм новейшего типа, который вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, хотя вообще в России преобладал военно-феодальный империализм (см. Ленин, т. XVIII, стр. 198).

Об упомянутой дискуссии см. Г р а н о в с к и й Е. Л., Монополистический капитализм в России, Л., 1929; В а н а г Н., О характере финансового капитала в России, М., 1930; А з а р и н М., Империализм в России, М., 1931 г.; там же указана остальная литература по вопросу.

¹⁵ Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 311.

¹⁶ Материалы XII пленума ИККИ. Тезисы по докладу т. Куусинена, стр. 4.

3. Группировка стран по уровню развития в них капитализма

В основу разобранной выше группировки стран капиталистического мира положено то место, которое отдельные страны занимают в системе империализма. Не меньшее значение имеют те различия в экономическом и политическом строе различных стран, которые вытекают из различий в уровне их капиталистического развития. Изучая различную постановку национального вопроса в различных странах, Ленин пришел к делению всех стран на три главных группы.

«Надо отличать, — писал он, — три типа стран в этом отношении. Во-первых, передовые капиталистические страны Западной Европы и САСШ. Буржуазно-прогрессивные национальные движения здесь давно закончены. Каждая из этих «великих» наций угнетает чужие нации в колониях и внутри страны. Задачи пролетариата господствующих наций здесь именно таковы, каковы были в XIX в. его задачи в Англии по отношению к Ирландии.

Во-вторых, Восток Европы: Австрия, Балканы и особенно Россия. Здесь именно XX в. особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу. Задачи пролетариата этих стран как в деле довершения их буржуазно-демократического преобразования, так и в деле помощи социалистической революции других стран не могут быть выполнимы без отстаивания права наций на самоопределение. Особенно трудна и особенно важна здесь задача слияния классовой борьбы рабочих угнетающих и рабочих угнетенных наций.

В-третьих, полуколониальные страны, как Китай, Персия, Турция и все колонии, имеющие вместе до миллиарда населения. Здесь буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены. Социалисты должны не только требовать безусловного, без выкупа и немедленного освобождения колоний, социалисты должны самым решительным образом поддерживать наиболее революционные элементы буржуазно-демократических национально-освободительных движений в этих странах и помогать их восстанию — а при случае и их революционной войне — против угнетающих их империалистических держав»¹⁷.

Эта группировка стран, данная Лениным, имеет громадное значение для установления задач революционного пролетариата не только в национальном вопросе. Именно поэтому она получила дальнейшую разработку в программе Коминтерна в разделе об основных типах революции¹⁸. Здесь, как известно, все страны капиталистического мира схематически сводятся к трем основным типам:

- 1) страны высокого капитализма;
- 2) страны со средним уровнем развития капитализма;
- 3) колониальные, полуколониальные и зависимые страны.

Чем эти типы стран различаются между собой?

Прежде всего — уровнем развития производительных сил, определяющим наличие или отсутствие материальных предпосылок для самостоятельного социалистического строительства.

Страны высокого капитализма характеризуются «могущественными производительными силами, централизованным в высокой степени производством, с относительно малым значением мелкого хозяйства».

¹⁷ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 43—44.

¹⁸ «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. VI, стр. 36—38; отсюда же взяты нижеприводимые цитаты.

Страны среднего уровня имеют лишь «известный минимум материальных предпосылок, необходимых для социалистического строительства».

Колонии, полуколонии и зависимые страны имеют лишь «известные зачатки, а иногда и значительное развитие индустрии, недостаточное однако в большинстве случаев для самостоятельного социалистического строительства», или же являются «еще более отсталыми странами», в которых почти нет или вовсе нет крупного производства с наемным трудом.

С этим различием в уровне развития производительных сил теснейшим образом связаны различия в экономическом и политическом строе этих групп стран и прежде всего роль в их экономике и политике капиталистических и докапиталистических отношений.

Страны высокого капитализма характеризуются незначительным удельным весом в экономике докапиталистических форм, высокой концентрацией капитала и «давно уже сложившимся буржуазно-демократическим политическим строем».

Страны среднего уровня — «имеющимися налицо значительными остатками полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве и еще незавершенным буржуазно-демократическим преобразованием».

Колонии и полуколонии — «преобладанием феодально-средневековых отношений или отношений «азиатского способа производства» как в экономике страны, так и в ее политической надстройке».

Важнейшим конститутивным признаком этой третьей группы стран Программа Коминтерна также считает «сосредоточение в руках иностранных империалистических групп важнейших промышленных, торговых, банковских предприятий, основных средств транспорта, земельных латифундий, плантаций и т. д.».

Эти особенности типа капитализма и ступени его зрелости в различных странах определяют разнообразные и специфические условия в них революционного процесса и должны быть учитываемы при определении задач революционного движения в них.

Для стран высокого капитализма в качестве основной задачи Программа Коминтерна выдвигает «прямой переход к диктатуре пролетариата».

Что касается стран среднего уровня, то «в одних из этих стран возможен процесс более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую; в других — типы пролетарских революций, но с большим объемом задач буржуазно-демократического характера».

Наконец в колониях, полуколониях и зависимых странах «центральное значение имеет борьба с феодализмом, докапиталистическими формами эксплуатации и последовательно проводимая аграрная революция крестьянства, с одной стороны, борьба с иностранным империализмом за национальную независимость — с другой».

4. Уровень развития капитализма в различных странах и место их в системе империализма

В предыдущих двух разделах разобраны две группировки стран капиталистического мира, имеющиеся в работах Ленина и в решениях Коминтерна. Нетрудно заметить, что эти две группировки находятся между собой в теснейшей связи. В основе ее лежит та связь, которая

существует между уровнем развития капитализма в различных странах и тем местом, которое они занимают в системе империализма.

Эта связь проявляется прежде всего в том, что страны высокого капитализма, как это отмечал уже Ленин, обычно угнетают чужие нации в колониях, т. е. принадлежат к странам угнетающим. Это относится не только к могущественным державам, как САСШ, Англия и т. д., но и к небольшим государствам, характеризующимся высоким уровнем капитализма, как например Бельгия, Голландия, Швейцария. По своей экономической и военной мощи эти мелкие империалистические хищники значительно уступают «великим» державам. Поэтому они играют меньшую роль в мировой экономике и мировой политике. Более того. Их колонии, как отмечал Ленин, «являются, так сказать, ближайшим объектом возможного и вероятного «передела» колоний. Большею частью эти мелкие государства сохраняют свои колонии только благодаря тому, что между крупными есть противоположности интересов, трения и пр., мешающие соглашению о дележе добычи»¹⁹. Тем не менее все эти страны являются в основном такими же империалистическими хищниками, такими же угнетателями отсталых стран, как и их более могущественные собратья. Это проявляется в зверской эксплуатации богатейших колоний бельгийским и голландским монополистическим капиталом, в экспорте капитала из всех этих стран, в структуре их внешней торговли, обеспечивающей им возможность грабежа отсталых стран на основе неэквивалентного обмена и т. д.

Тот факт, что Швейцария не имеет «своих» колоний, не нарушает правильности сделанного утверждения. Ведь Ленин подчеркивал, что «на размер колониальных владений, кроме чисто экономических условий, и на базе их, оказывают влияние условия географические и пр.»²⁰. Как раз географическое положение Швейцарии, отрезанной от моря и зажатой в горах между тремя «великими» державами, мешало ее буржуазии развить колониальную политику. Но это отнюдь не говорит о том, что Швейцария не является империалистической страной. Несмотря на отсутствие колоний, швейцарская буржуазия активнейшим образом участвует в империалистическом грабеже (на основе экспорта капитала, неэквивалентного обмена, эксплуатации иностранных рабочих²¹ и т. д.). В связи с этим может быть объяснена и активнейшая роль швейцарской буржуазии в борьбе с СССР.

Швейцарию часто представляют в виде мелкобуржуазной страны, в которой наиболее распространенным типом буржуа является мелкий хозяйчик, рабелепствующий перед туристом-богачом. Такой Швейцария была несколько десятилетий назад. Но уже в 1912 г. Ленин отмечал те сдвиги в экономике страны, которые произошли в связи с ее индустриализацией²². С тех пор эти сдвиги значительно углубились. Высокая степень индустриализации населения (в сельском хозяйстве занято лишь 26% самодельного населения, в то время как в Италии 56%, в Японии примерно столько же), значительный вывоз фабрикатов (75—80% всего вывоза из страны против 50—60% соответствующего показателя для Италии и Японии), высокий уровень национального дохода (в 2½ раза больше, чем в Италии, и почти в 4 раза больше, чем в Японии), высокая концентрация промышленности и наличие

¹⁹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 136.

²⁰ Там же.

²¹ См. указание Ленина на то, что «специфическая особенность империализма в Швейцарии состоит именно в растущей эксплуатации бесправных иностранных рабочих швейцарской буржуазией» (Соч., т. XIX, стр. 341).

²² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 23.

мощных монополистических объединений (например алюминиевый трест), значительный экспорт капитала, — все это говорит о Швейцарии, как о типичной стране высокого капитализма, так же как и ее давно сложившийся буржуазно-демократический строй²³.

Если, с одной стороны, страны высокого капитализма обычно являются угнетателями в отношении отсталых стран, то, с другой стороны, колонии и полуколонии характеризуются одновременно и низким уровнем развития капитализма и угнетенным положением.

«В Европе, — писал Ленин, — большей частью зависимые нации капиталистически развитее, чем в колониях. Но именно это вызывает больший отпор национальным гнету и аннексиям! Именно в силу этого развитие капитализма обеспеченнее в Европе... чем в колониях... Капитализм в Польше, в Финляндии, Украине, Эльзасе несомненно развивает производительные силы и сильнее, и быстрее, и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркменистане, в Египте и других колониях чистейшего типа. Ни самостоятельное, ни вообще какое бы то ни было развитие в обществе товарного производства невозможно без капитала. В Европе у зависимых наций есть и свой капитал и легкая возможность на разнообразнейших условиях добыть его. В колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения в обстановке финансового капитала колония не может»²⁴.

Здесь совершенно ясно вскрыта связь между отсталостью колоний и их закабалением — связь, имеющая двусторонний характер: отсталость колониальных стран ослабляет их сопротивление империалистическому гнету, а их закабаление империалистами в свою очередь задерживает их капиталистическое развитие.

Было бы однако абсолютно неправильно связать между уровнем развития капитализма и положением страны в системе империализма понимать упрощенно, механически, прямолинейно. Связь эта имеет сложный, противоречивый характер. Ярким примером противоречия между уровнем развития капитализма и внешним положением страны является современная Япония. С одной стороны, она является одной из сильнейших империалистических держав. Она располагает третьим по мощи военным флотом — после Англии и САСШ, — причем стратегическое положение еще более усиливает ее позиции на Дальнем Востоке. Япония располагает обширными колониями и развертывает громадную империалистическую активность не только на Дальнем Востоке, но и в Индии и даже на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. В то же время Япония является страной среднего уровня развития капитализма. Относить Японию к странам высокого капитализма, как это часто у нас делают²⁵, абсолютно неправильно.

Несмотря на громадные достижения в области промышленного развития, Япония и сейчас в промышленном отношении значительно отстает от передовых капиталистических стран. В ее промышленности наряду с крупнейшими современными предприятиями еще значитель-

²³ Полнейшее непонимание вопроса проявляют С. Варжанский и Л. Синицкий, авторы учебника по географии капиталистического мира для средней школы (изд. 1932 г.), относящие Швейцарию к странам среднего уровня. Они сами отмечают, что Швейцария является «одним из самых передовых в технико-экономическом отношении государств Европы», что она «вывозит не только товары, но и капиталы». Но ведь одно это характеризует ее как страну высокого капитализма.

²⁴ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 255.

²⁵ См. например изданную НКПромом в 1932 г. программу для средней школы по экономической географии капиталистического мира, упомянутый выше учебник Варжанского и Синицкого и др.

ную роль играют мелкие кустарные и полукустарные предприятия, так же как в ее транспорте наряду с электрифицированными железными дорогами и автомобилями упорно держится перевозка на людях (рикши). Ее сельское хозяйство является исключительно отсталым. В ее экономике и политике громадную роль играют феодальные пережитки. Борьба против этих пережитков, против средневековой монархии и помещичьего гнета в деревне накладывает свою печать на нарастающий революционный кризис в стране.

Ленин в своих замечаниях о Японии с исключительной глубиной вскрыл эти противоречия японского капитализма. С одной стороны, он относил Японию к числу богатейших держав, великих империалистических держав²⁶. С другой стороны, говоря о самостоятельном и действительно гигантски крупном «современном» богатстве, Ленин относил это лишь к четырем странам—Англи, Франции, Соединенным штатам и Германии. Японию, так же как и царскую Россию, Ленин к ним не причислял²⁷. Более того, он ставил Японию в один ряд с колониальными странами, когда говорил о развертывании в них классовой борьбы, о «пробуждении новых классов к жизни и борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), т. е. тех сотен миллионов человечества, которые... своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы»²⁸. Ленин ясно показал отличие японского империализма от империализма стран высокого капитализма, указав, что «в Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев (Китай и пр.) отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала»²⁹.

Противоречие между империалистической активностью и экономической отсталостью, с одной стороны, заставляет японских империалистов всемерно форсировать индустриальное развитие их страны. С другой стороны, это противоречие заставляет японских империалистов искать поддержки у экономически более развитых стран. «Япония, — отмечал Ленин, — имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может»³⁰. События последних месяцев полностью подтвердили правильность этого утверждения Ленина. Японский империализм развил громадную активность, захватив Манчжурию, высадив свои войска в Шанхае и т. д., тем самым показав, что он является крупнейшим фактором в мировой политике. Однако японские империалисты смогли развить эту активность лишь благодаря тому, что они опирались на поддержку других стран и прежде всего Франции. Достаточно указать на займы, полученные в Париже, громадные закупки военного снаряжения в той же Франции и в других индустриально развитых странах и т. п., не говоря уже о дипломатической поддержке.

Все это ясно говорит о том, что нельзя ограничиваться включением Японии в одну группу с другими «великими» империалистическими державами. Япония отличается от них отсталостью своего капитализма. С другой стороны, неправильно и соединение Японии с такими

²⁶ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 330; т. XXV, стр. 340.

²⁷ Там же, стр. 309; т. XX, стр. 490.

²⁸ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 187.

²⁹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 309—310.

³⁰ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 340.

странами среднего уровня, как Польша, Югославия и т. д. Япония отличается от них громадной империалистической мощью.

Совершенно иной характер имеет противоречие между уровнем и типом развития капитализма, с одной стороны, и местом в империалистической системе—с другой, в таких странах, как Австралия. Тезисы VI конгресса Коминтерна о революционном движении в колониальных странах относят Австралию к странам, которые служили капиталистическим странам «в качестве колонизационных областей для их избыточного населения и становились таким образом продолжением их капиталистической системы... В них капиталистическое развитие воспроизводит внутри иммигрировавшего белого населения классовую структуру метрополии»⁸¹.

По характеру своего экономического и политического строя Австралия приближается к странам высокого капитализма. Отсутствие феодальных пережитков, незначительная роль мелкого докапиталистического производства, завершенность буржуазно-демократического строя — во всех этих отношениях Австралия не только не уступает большинству стран высокого капитализма, но даже отчасти стоит впереди их. Из 2 322 тыс. самодеятельного населения по переписи 1921 г. насчитано 142 тыс. нанимателей, 1 680 тыс. наемных рабочих и безработных и лишь 347 работающих за свой счет. Если даже считать, что остальные 153 тыс. (социальное положение которых цензом не выявлено) относятся целиком к мелкобуржуазным слоям населения, то и в таком случае мы получим 72,4% как показатель пролетаризации населения. Из крупных высокоразвитых стран лишь Англия имеет более высокий показатель пролетаризации населения — 89%. Для САСШ соответствующий показатель — 71%, для Германии — 63%, для Франции — 51%. Этому высокому типу производственных отношений в Австралии соответствует высокая производительность труда. По стоимости с.-х. продукции на 1 занятого в сельском хозяйстве (2 267 долл. в 1925/26 г.) Австралия стоит впереди и САСШ (1 190 долл.), и Англии (958), и тем более Германии (328) и Франции. По величине национального дохода на 1 жителя Австралия также стоит на одном из первых мест (12 тыс. германских марок в 1926 г. против 3 тыс. марок в САСШ, 1 600 тыс. в Англии, 900 в Германии и Франции).

Несмотря на эти высокие показатели экономической структуры, Австралия несомненно является аграрно-сырьевым придатком к своей метрополии и другим великим державам. Об этом говорит и структура ее производства, и состав ее внешней торговли, и высокая экспортность продукции основных добывающих отраслей ее хозяйства, и слабая связь между отдельными частями страны, и господствующее положение иностранного капитала в ее экономике. Австралия имеет обширнейшие запасы высококачественного угля (отчасти идущего даже на экспорт) и значительные залежи железной руды. И тем не менее металлургия в стране почти отсутствует (так как в развитии ее не заинтересован британский империализм), и Австралия снабжается в основном импортным металлом и металлоизделиями. Даже легкая индустрия в частности текстильная, не получила в Австралии развития, и она ввозит из-за границы даже шерстяные ткани, изготовленные вероятно из австралийской же шерсти. Если принять во внимание, что морской путь от Австралии до Англии равняется примерно 23 тыс. км, а до Нью-Йорка — 18 тыс. км, то абсурдность такого географического разделения труда станет очевидной. Таким образом мы видим, что сра-

⁸¹ „Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна“, вып. VI, стр. 128.

внительно высокий уровень развития капитализма в Австралии и связанная с ним высокая производительность труда используются прежде всего в интересах британских и иных империалистов, заинтересованных в получении из Австралии дешевого сырья (его дешевизна — результат высокой производительности труда), в получении сверхприбылей на вложенные в Австралии капиталы (результат того же) и в сбыте там своих фабрикатов (сравнительно значительный спрос австралийского населения — также результат высокого развития капитализма). Зависимое положение Австралии приводит к задержке ее развития и уродованию ее производительных сил, задерживает в ней процесс капиталистического накопления и концентрации капитала.

Было бы однако в корне неправильно ставить Австралию в один ряд с колониальными странами. Уже в 1913 г. Ленин писал о том, что Австралия «складывается в самостоятельное государство»³². Последние два десятилетия характеризовались дальнейшим развитием этого процесса. Теперь уже можно говорить о превращении Австралии в империалистическую страну. Мы можем наблюдать все признаки такого превращения вплоть до экспорта капитала (правда, еще пребывающего в зачаточном состоянии), до приобретения колоний, усиления военной мощи. То, что Австралия продолжает оставаться экономически и даже политически зависимой страной, не противоречит этому. Польша, Индия, Югославия не перестают быть империалистическими странами, хотя и находятся в сильнейшей зависимости от более могущественных держав.

В Канаде противоречие между уровнем развития капитализма и местом ее в системе империализма сказывается значительно слабее, чем в Австралии. Правда, и в Канаде в сельском хозяйстве и в добывающей промышленности занято еще вдвое больше населения, чем в обрабатывающей промышленности, и в ее вывозе преобладают сырье и полуфабрикаты, а в ввозе — фабрикаты, и в ней иностранный капитал имеет решающее значение в важнейших отраслях хозяйства, но все же по своей экономической структуре Канада значительно отличается от Австралии. Географическое положение Канады и ряд других моментов побуждали американский капитал частично переносить в Канаду свои промышленные и банковские предприятия. Это подрывало влияние английского капитала в Канаде, приводило к превращению Канады в «продолжение САСШ на севере». Но это вместе с тем приводило к укреплению экономической мощи Канады, росту ее индустрии и укреплению ее финансовых позиций. В расщелине англо-американского противоречия укреплялся канадский капитализм. В Канаде уже имеется мощная индустрия, в ряде отраслей выступающая на мировом рынке (автомобили, с.-х. машины, резиновые изделия и т. п.). Канада в течение последних лет перед кризисом развернула значительный экспорт капитала (в Вест-Индию).

Таким образом если Австралия характеризуется особым типом развития капитализма, резко отличающим ее от большинства стран с высоким развитием капитализма, то Канада занимает в этом отношении промежуточное положение. Она все более приближается к последним.

5. Противоречия между странами-победительницами и странами побежденными и особенности развития побежденных держав

Современная эпоха всеобщего кризиса капитализма характеризуется крайним обострением всех противоречий капитализма. Мировая война,

³² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 482—483.

положившая начало этой эпохе, не только не разрешила основных противоречий — она колоссально углубила те противоречия, которые имелись уже в предвоенном капитализме, и создала целый ряд новых противоречий. К числу последних относится весь клубок противоречий, связанных с военным разгромом стран Центральной Европы.

Германия до войны была наряду с САСШ наиболее развитой в промышленном отношении страной и представляла собой «образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки»³³.

«Война, — говорил Ленин в 1920 г. про Германию и Австрию, — путем Версальского мира навязала этим странам такие условия, что передовые народы оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и бесправия, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил»³⁴.

Попытка победителей открыто грабить Германию привела в первые послевоенные годы к таким острым классовым боям в ней, что под угрозой оказалось все здание капитализма в Германии, а следовательно и во всей Центральной Европе. Тогда начались поиски иных, более замаскированных форм грабежа.

«Лобовая империалистическая атака на Рур, рассчитанная на уничтожение Германии, оказалась опасной для самого империализма. Отсюда неизбежность перехода буржуазии от политики лобовой атаки к политике компромиссов, от империализма открытого к империализму прикрытому... Грабить мир без прикрытия стало небезопасно»³⁵.

Так объяснял т. Сталин сущность перехода к плану Дауэса, означавшего начало стабилизации германского капитализма. План Дауэса таким образом лишь видоизменил формы грабежа Германии победителями, но не ликвидировал его. Введение плана Дауэса сопровождалось усилением эксплуатации германского пролетариата, за счет чего только и могли одновременно удовлетворяться и интересы германской буржуазии и аппетиты буржуазии стран-победительниц, и таким образом могло быть достигнуто соглашение между ними.

Кризис сорвал репарационные соглашения. По гуверовскому мораторию Германия с середины 1931 г. прекратила уплату репараций. На лозаннской конференции страны-победительницы согласились на почти полную ликвидацию репарационных платежей при условии соответствующего сокращения междусоюзнических долгов. Но если бы даже это соглашение было реализовано, это не означало бы ликвидации версальской системы, это не означало бы уничтожения противоречия между странами-победительницами и странами побежденными, которые, как неоднократно подчеркивал т. Сталин, являются одним из основных противоречий послевоенного капитализма.

Прежде всего выплата репараций, восстановление и переоборудование германской промышленности при помощи иностранного капитала привели к образованию громадной внешней задолженности Германии (в середине 1931 г. превышавшей 23 млрд. марок). Одна уплата процентов по этой задолженности превышает 1,5 млрд. марок в год. Эта громадная задолженность превращает Германию в страну финансово зависимую, лишенную возможности развить экспорт капитала. Вместе с тем германский империализм лишен колоний и попрежнему ослаблен в военном отношении. Все это не значит конечно, что Германия

³³ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 135.

³⁴ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 332.

³⁵ Сталин, К международному положению, «Большевик» № 11 за 1924 г., стр. 8—9.

перестала быть империалистической страной. Уже сам по себе чрезвычайно высокий уровень и монополистическая организация ее промышленности обеспечивают германскому капиталу возможность участвовать в империалистическом грабеже.

Ленин в 1920 г. отмечал, что Германия является страной империалистической, но в то же время задавленной³⁶. Это противоречие было развернуто в тезисах VI пленума ИККИ (1926 г.):

«Экономическое положение Германии характеризуется глубоким противоречием между ее широко развернутыми производственными возможностями и общим положением ее как побежденной и обезоруженной страны. Высокое развитие промышленности, производительность которой значительно превышает нужды внутреннего рынка, и ее монополистическая концепция в картелях и трестах толкает Германию к империалистической политике. Разоружение, к которому вынуждает Германию мирный договор; контроль над налогами, над Рейхсбанком и имперскими железными дорогами со стороны иностранцев; репарационные платежи и все возрастающее внедрение заграничного капитала, — все это, с другой стороны, оттесняет Германию на степень зависимой от империалистических держав страны»³⁷.

Хотя некоторые моменты, перечисленные в этом тезисе, в настоящее время отпали, однако основное противоречие между производственной мощью монополистически организованной индустрии Германии и ее положением, как в военном отношении ослабленной, лишенной колоний и финансово зависимой империалистической страны, осталось. Это положение накладывает печать на всю экономическую и политическую жизнь послевоенной Германии.

Внешняя задолженность и отсутствие в платежном балансе значительных активных статей делают необходимой активизацию торгового баланса Германии. Резкое сужение внутреннего рынка в результате двойной эксплуатации германского пролетариата и ограничение вооружений также стимулируют форсирование экспорта. При отсутствии колоний, военной слабости и невозможности подпереть экспорт товаров экспортом капиталов развитие товарного экспорта может быть достигнуто лишь на основе дальнейшей «рационализации» производства — дальнейшего усиления эксплуатации рабочих.

Аналогичные процессы мы видим и в Австрии.

Все это говорит о том, что экономическое развитие побежденных стран Центральной Европы значительно отличается от развития в высокоразвитых капиталистических странах, не поставленных в аналогичные условия.

С этими особенностями экономического развития связана и постоянная напряженность политического положения в этих странах.

«Пытаться превратить на деле в колонию такую страну, как Германия, теперь, когда даже отсталые страны с трудом приходится удерживать в повиновении, — это значит заложить мину под Европу» — писал т. Сталин в 1924 г.³⁸

В течение всего послевоенного периода Германия и является миной, подложенной под Европу. В настоящее время фашизм пытается путем нового передела мира ликвидировать версальскую систему. Игнорируя версальские ограничения, он бешеными темпами вооружается. Кризис вышиб из рук победителей главное средство воздействия на побежденную Германию — средство финансового нажима, давления займами. В

³⁶ Ленин, Соч., т. XXV, стр. 507.

³⁷ «Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна», Партиздат, 1932 г., стр. 79.

³⁸ Сталин, К международному положению, «Большевик» № 11 за 1924 г.

ответ на усиленное вооружение Германии державы, заинтересованные в сохранении версальской системы, столь же лихорадочно готовятся к вооруженной борьбе. К чему приведет новый передел мира — предсказать невозможно. Одно лишь несомненно: передел мира возможен лишь путем грандиозной кровавой бойни при сохранении капитализма, ликвидация версальских противоречий возможна лишь ценой создания новых, еще более глубоких и острых противоречий между сильнейшими империалистическими державами.

* * *

Сделанный выше анализ позволяет наметить несколько основных типов стран капиталистического мира:

I. Сильнейшие империалистические державы, поделившие мир:

А. Страны высокого капитализма: а) победители (САСШ, Англия и др.); б) побежденная (Германия).

Б. Страны среднего уровня (Япония).

II. Страны, занимающие промежуточное положение в системе империализма:

А. Мелкие империалистические державы с высоким уровнем капитализма (Бельгия, Голландия, Швейцария и др.)³⁹.

Б. Страны среднего уровня (Венгрия, Польша, Испания, Югославия и др.).

В. Зависимые страны, приближающиеся к высокому уровню капитализма — бывшие переселенческие колонии (например Австралия).

III. Колонии и полуколонии.

Этими типами далеко не исчерпывается вся пестрота и сложность экономического и политического развития в современном капитализме.

Многие страны не могут быть включены ни в одну из перечисленных групп, занимая промежуточное положение между некоторыми из них. В виде примера можно сослаться на Канаду, которая, как уже указывалось, по сравнению с Австралией значительно ослабила свою зависимость от сильнейших империалистических держав, но еще не достигла такой степени независимости, которой обладают другие страны высокого капитализма, как например Бельгия.

Некоторые из указанных групп включают настолько различные типы стран, что требуют дальнейшего деления. Это прежде всего относится к последней группе стран — колониям и полуколониям. Даже среди стран одного типа неравномерность капиталистического развития создает громадные различия. Стоит сравнить хотя бы САСШ и Англию. Все это подчеркивает условный характер приведенной группировки.

6. Колонии и полуколонии, основные их типы

В зависимости от сохранения или потери политической независимости угнетенные страны делятся на колонии, с одной стороны, полуколонии и зависимые страны — с другой.

«Разумеется, — писал Ленин, — наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды дает финансовому капиталу такое подчинение, которое

³⁹ Дабы не усложнять схемы, не выделена особо Австрия, экономика которой как страны побежденной имеет ряд особенностей.

связано с потерей политической независимости подчиняемыми странами и народами». Далее однако он отмечает: «Финансовый капитал и соответствующая ему международная политика... создают целый ряд переходных форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»⁴⁰. К такого рода переходным формам Ленин и относит прежде всего полуколонии и зависимые страны.

Конечно зависят от сильнейших империалистических держав и страны среднего уровня капитализма, как Польша, Испания и т. д., но коренное отличие их от колоний и полуколоний заключается в том, что у них значительную роль играет **с в о й к а п и т а л** (см. приведенное выше указание на это. Ленина).

Капитал, имеющийся в европейских странах среднего уровня, обычно не ограничивается эксплуатацией «своего» народа. Ему неизбежно присуще стремление к расширению сферы своего влияния, к вовлечению в нее других народов. В той или иной степени ему это удается. Почти все европейские страны среднего уровня, хотя они и являются зависимыми, в то же время выступают в качестве империалистических стран: их господствующие классы угнетают колонии, подчиненные нации в самих этих странах, и стремятся расширить этот круг угнетения. Как ни сильна в отдельных случаях зависимость этих стран от более развитых стран, причислять их к полуколониям поэтому неправильно.

Деление угнетенных стран на колонии, с одной стороны, и полуколонии и зависимые страны — с другой, связано, как мы указывали, с сохранением или потерей этими странами их политической независимости. Этот момент не следует однако понимать формально. Можно привести целый ряд примеров, когда формально та или иная страна считается независимым государством, фактически же ее государственный аппарат целиком подчинен иностранному капиталу и не только на основе экономического давления и подкупа, но и на основе насилие навязанных неравноправных договоров. Так, Египет — формально независимое королевство — фактически является английской колонией; Доминиканская республика и Панама точно так же формально — независимые государства, а фактически — колонии американского капитала.

В основе деления угнетенных стран на колонии, с одной стороны, полуколонии и зависимые — с другой, обычно лежит господство в них одной или нескольких конкурирующих между собой империалистических держав. Турция, Персия и Китай, которые Ленин приводил в качестве примеров полуколоний, были таковыми именно потому, что раздел их не был закончен, между различными империалистическими державами шла борьба за обладание ими, и незаконченность этой борьбы не позволяла уничтожить остатки политической независимости этих стран. То же относится к крупнейшим странам Южной Америки, являющимся ареной ожесточенной борьбы американского, английского, а до войны и германского капитала.

Наряду с указанным делением на колонии, с одной стороны, и полуколонии — с другой, большое значение имеет группировка колоний

⁴⁰ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 136—139.

и полуколоний, исходящая из уровня и типа развития капитализма в них.

В резолюции VI конгресса Коминтерна о революционном движении в колониальных странах указано на то, что необходимо «различать между теми колониями капиталистических стран, которые служили им в качестве колонизационных областей для их избыточного населения и становились таким образом продолжением их империалистической системы (Австралия, Канада и др.), и теми колониями, которые эксплуатируются империалистами, в первую очередь в качестве рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капитала»⁴¹. Колониями в современном смысле являются лишь вторые. Первые же — бывшие колонии переселенческого типа, о которых мы говорили выше, следует относить к группе стран, занимающих промежуточное место в системе империализма. Между этими двумя типами стран существует, как указано VI конгрессом КИ, «переходный тип (разновидность), где наряду с многочисленным туземным населением имеется весьма значительное белое население — колонисты (Южная Африка, Новая Зеландия, Алжир и т. д.)». Среди туземного населения господствуют докапиталистические отношения подобно тому, как мы это видим во всех колониях в современном смысле этого слова. Среди иммигрировавшего населения воспроизводится классовая структура метрополии. Всевозможные правовые, экономические и иные мероприятия, закрепляющие привилегированное положение одной части населения, и разжигание национальной вражды обеспечивают сохранение различий между этими двумя «этажами» колоний указанного типа.

Промежуточное положение между колониями в современном смысле (с преобладанием феодальной эксплуатации туземного населения) и бывшими переселенческими колониями (с преобладанием капиталистических отношений среди иммигрировавшего населения) занимают также полуколониальные страны Южной Америки. Особенности их экономики и социального строя по сравнению например с Южноафриканским союзом вытекают из следующих моментов. Иммиграция в них шла не из передовых капиталистических стран, а преимущественно из стран капиталистически отсталых (Испания, Португалия, Италия и др.). Иммигрировавшее население смешалось с коренным населением и неграми (об этом ясно говорит высокий процент мулатов и метисов в населении этих стран). Слабость испанского капитализма и ликвидация его господства, а затем борьба между сильнейшими империалистическими державами (Англия, САСШ, а до войны и Германия) препятствовали превращению важнейших южноамериканских стран в подлинные колонии, сохранив их на полуколониальном положении. В общем эти страны характеризуются господством полуфеодальных отношений и таким образом ближе стоят к подлинным колониям. Но и капиталистические отношения в некоторых из этих стран получили значительное развитие. Больше всего это относится к Аргентине, которая по своей экономической структуре из всех южноамериканских стран ближе подходит к бывшим колониям переселенческого типа.

В Программе Коминтерна указывается, что наряду с большинством колониальных стран, где при преобладании феодально-средневековых отношений имеются все же зачатки, а иногда и значительное развитие индустрии, существуют «еще более отсталые страны (например в некоторых частях Африки), где почти нет или вовсе нет наемных рабочих,

⁴¹ «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. VI, стр. 128. Это деление колоний мы уже находим в работе Энгельса (см. например К. Маркс, Ф. Энгельс, Письма, М. 1928 г., стр. 358—359).

где большинство населения живёт в условиях племенного быта, где сохранились все остатки первобытно-родовых форм, где почти отсутствует национальная буржуазия и где иностранный империализм играет в первую очередь роль военного оккупанта, отнимающего землю⁴².

Но если даже оставить эти сравнительно немногочисленные наиболее отсталые колониальные страны, то и среди остальных мы наблюдаем большие различия в степени развития в них капитализма. На это указывал т. Сталин в своей речи «О политических задачах Университета народов Востока». В этой речи т. Сталин противопоставлял страны вроде Марроко, не имеющие или почти не имеющие своего пролетариата, странам вроде Китая и Египта и тем более странам вроде Индии⁴³. В этих последних группах стран имеется в большей или меньшей степени развитая индустрия и более или менее многочисленный национальный пролетариат. Эти различия в уровне развития капитализма в колониях обычно бывают связаны с теми различиями в экономике и классовой структуре, какие характеризовали их до вторжения капитализма. Мы видим таким образом значительную пестроту экономического развития в колониях и полуколониях. «Раньше представляли колониальный Восток как нечто единое и единообразное. Теперь это представление не соответствует уже действительности». С точки зрения особенностей экономического развития необходимо прежде всего различать 4 типа колониальных и полуколониальных стран:

1. Страны, занимающие промежуточное положение между бывшими колониями переселенческого типа и остальными колониями, население которых и экономика распадаются как бы на два этажа (Южная Африка, Новая Зеландия и т. д.), а также во многих отношениях близкие к ним страны Латинской Америки.

2. Страны, имеющие в большей или меньшей степени крупную индустрию и городской пролетариат при преобладании феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации основной массы населения — крестьянства (например Индия).

3. Страны, не имеющие или почти не имеющие крупной индустрии и промышленного пролетариата, в которых феодальные отношения часто переплетаются с племенными и родовыми (Марокко и др.).

4. Наиболее отсталые страны, где большинство населения живёт в условиях племенного быта и первобытно-родовых отношений.

Наибольшее значение для империалистов имеют первые две группы колониальных стран, в которых товарное хозяйство пустило уже глубокие корни и которые поэтому могут играть большое значение в качестве поставщиков сырья, потребителей промышленных товаров, сфер приложения капитала.

7. Некоторые статистические иллюстрации

Основные признаки, по которым следует делить страны капиталистического мира, по самой своей природе и особенно по состоянию буржуазной статистики, не могут получить всестороннюю статистическую характеристику. Мы ограничимся поэтому лишь несколькими статистическими иллюстрациями, освещающими отдельные моменты (см. таблицу)⁴⁴.

⁴² «Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна», вып. VI, стр. 38.

⁴³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 4-е, 1931 г., стр. 183.

⁴⁴ Таблица построена на основании сводок Берлинского конъюнктурного института Дрезденского банка, Лиги наций и др. Приведенные в ней данные относятся к одному или нескольким годам, предшествовавшим современному кризису. Из наиболее отсталых колониальных стран ни одна не включена в таблицу, так как почти никаких статистических данных по этим странам нет.

Страны	Продукция на 1 жителя (в марках)	Летние ма- шин на 1 жителя (в марках)	Промышленная продукция в % к мировой	Вылавка стали (в миллионах т)	Производство машин (в милли- ардах марок)	Военный бюджет (в миллиардах марок)	Процент пропе- гарната	Процент населе- ния, занятото в промышленности	Процент фабри- катор в вывозе	Процент фабри- катор в ввозе	Вывоз (+) или ввоз (-) таба или ввоз (-) (в миллионах ма- рок)	Получение про- центо и дивн- дендо (+) и улата их (-)	Получение (+) и улата (-) репа- раций и военных долгов
	в млн. марок												
I.—А. САСШ	3 000	127	44,8	57,3	17,1	3,8	62	33	40	25	+6 000	+2 200	+1 000
Англия	1 400	53	9,3	9,8	3,1	2,7	61	51	80	21	+3 000	+7 000	+170
Франция	900	—	7,0	11,9	0,6	2,9	41	32	68	15	+1 300	+600	+700
Аб. Германия	1 100	36	11,6	16,2	4,0	1,1	53	41	72	18	-4 000	-700	-1 000
Б. Япония	400	6	2,4	2,3	0,2	1,9	21	6	48	25	— 300	— 18	+ 3
II.—А. Бельгия	900	25	1,1	4,1	—	?	61	114	58	26	+ 200	+ 120	+ 60
Голландия	1 500	23	1,8	—	—	0,3	54	38	35	39	+ 300	+ 200	—
Швейцария	1 400	53	0,8	—	0,3	?	63	44	79	43	+ 250	+ 350	—
Австрия	600	15	0,6	0,6	—	?	55	33	74	40	— 470	—	—
Б. Испания	—	4	1,2	0,9	—	0,5	31	—	18	46	—	—	—
Польша	300	4	0,8	1,4	—	—	22	9	15	44	— 500	— 110	+ 30
Югославия	340	2	0,5	0,1	—	—	27	12	10	71	— 85	— 70	+ 40
Венгрия	400	9	0,4	0,5	—	—	70	19	23	52	— 370	— 90	+ 2
В. Австралия	2 000	46	0,8	0,4	0,2	—	73	35	5	76	— 700	— 700	+ 110
III.—А. Индия	110	07	1,3	0,4	—	—	22	10	25	72	— 600	— 320	—
Китай	60	02	?	—	—	—	8	—	17	51	—	—	—
Индонезия	70	1,1	—	—	—	—	—	—	2	70	—	—	—
Б. Южная Африка	400	13	0,3	—	—	—	42	20	2	77	— 80	— 300	+ 10
Бразилия	300	2,8	0,3	—	—	—	55	13	1	60	— 400	— 500	—

Величина продукции (вычисленная на основании данных о национальном доходе) и потребление машин в расчете на 1 жителя отражают различия в уровне развития производительных сил.

Страны высокого капитализма имеют продукцию на 1 жителя 900—3 000 марок и потребление машин 23—127 марок (Австрия дает более низкие показатели именно потому, что она несколько отстала от большинства стран высокого капитализма, хотя и более развита, чем страны среднего уровня).

Страны среднего уровня имеют продукцию на 1 жителя 300—400 марок и потребление машин 2—9 марок (Япония в этом отношении ничем не отличается от европейских стран среднего уровня).

Колонии и полуколонии в подлинном смысле имеют продукцию на 1 жителя до 110 марок, потребление машин—до 1,1 марки. Такие страны, как Южная Африка и Бразилия, имеют в этом отношении более высокие цифры, приближающие их к странам среднего уровня. Отсутствующая в таблице Аргентина имеет еще более высокие показатели.

Наряду с этими относительными показателями уровня развития производительных сил громадное значение имеет абсолютная величина производственной мощи и прежде всего размеры производства в важнейших отраслях, обеспечивающих экономическую самостоятельность и военную мощь (металлургия, химия, машиностроение, электротехника и т. д.). Приведенные в таблице данные о доле стран в мировой промышленности о выплавке стали и производстве машин показывают, что крупная промышленность, особенно ее важнейшие отрасли, сосредоточена преимущественно в «великих» державах и отчасти в империалистических державах второго ранга.

О вооруженных силах отдельных стран можно отчасти судить по величине их военного бюджета. При этом следует однако помнить, что значительная часть военных расходов буржуазных стран в целях маскировки разносится по различным иным статьям. Военное превосходство «великих» держав и ограничение вооруженных сил Германии все же ярко выявляют приведенные в таблице данные.

Для характеристики уровня развития капитализма в отдельных странах крайне важно было бы иметь данные о социальном составе населения. Но это как раз тот вопрос, который буржуазная статистика особенно упорно обходит и извращает. В таблице приведены данные о степени пролетаризации самодеятельного населения⁴⁵. Искажение действительности этими данными бросается в глаза. Страны высокого капитализма имеют, как правило, процент пролетаризации самодеятельного населения выше 50 (особенно если учесть и домашнюю прислугу, неучтенную данными таблицы). Страны среднего уровня дают, как правило, значительно более низкие цифры, порядка 25—40%. Япония и в этом отношении стоит в одном ряду с европейскими странами среднего уровня, хотя приведенный для нее в таблице показатель явно преуменьшен. Колонии дают еще более низкие показатели. Южная Африка и некоторые латиноамериканские страны и в этом отношении значительно отличаются от колоний чистейшего типа.

Степень индустриализации отдельных стран связана с уровнем развития в них капитализма, но испытывает влияние и целого ряда иных

⁴⁵ Данные заимствованы из изданного Венским музеем «Общества и хозяйства» альбома графиков («Gesellschaft und Wirtschaft», Wien). Они показывают процент наемных рабочих и служащих, но без домашней прислуги ко всему самодеятельному населению. В тексте статьи для отдельных стран приводились другие, более правильные цифры.

моментов. В странах высокоразвитого капитализма в промышленности, по официальным данным, занято 30—50% всего самодельного населения. Однако некоторые из них выступают на рынке не столько поставщиками фабрикатов, сколько поставщиками сырья и продовольствия. Яркий пример страны с задержанным индустриальным развитием, несмотря на высокий уровень капитализма,—Голландия. Отсутствие ископаемых богатств и гидроэнергии, исключительно выгодное географическое положение, наличие обширных колоний и издавна накопленных капиталов за границей, особенности аграрного строя, — все это привело к тому, что капитал в Голландии шел не столько в промышленность, сколько в торговлю и иные операции за границей, а отчасти и в развитие экспортного сельского хозяйства. В ввозе всех небольших стран высокого капитализма фабрикаты занимают значительное место. Это связано с ограниченным подбором отраслей их индустрии, вытекающим из небольшого размера самих этих стран и ограниченности их природных богатств. В Австралии, так же как и в Голландии, в промышленности занята значительная доля населения, но выступает она на мировом рынке как типичная аграрная страна.

В странах среднего уровня в промышленности занято 10—25% самодельного населения. В вывозе их преобладают с.-х. и сырьевые товары, в ввозе промышленные товары играют значительную, обычно даже преобладающую роль. В этом отношении Япония значительно отличается от европейских стран среднего уровня, что как раз связано с форсированным развитием ее империализма. В странах колониальных и полуколониальных фабрично-заводская индустрия играет еще меньшую роль.

Экспортерами капитала и получателями процентов и дивидендов из-за границы являются страны высокого капитализма. Однако Германия и Австрия в результате их финансового закабаления являются в этом отношении исключением. Австралия также, хотя она приближается по своему экономическому и политическому строю к странам высокого капитализма, является финансово зависимой страной. Страны среднего уровня и тем более колонии являются странами, финансово зависимыми и эксплуатируемыми. Япония в этом отношении значительно отличается от европейских стран среднего уровня, так как она развила в крупных размерах экспорт капитала и активнейшим образом участвует в ограблении других стран. Но в то же время она принуждена ввозить значительные капиталы из высокоразвитых стран и выплачивать последним дань, и это резко отличает ее от стран высокого капитализма.

Приведенные статистические иллюстрации таким образом полностью подтверждают ту характеристику основных типов стран, которая была дана выше.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СОВЕТСКИХ ДЕНЕГ

Переходный период есть период революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое, есть период борьбы между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но слабым еще на первых порах коммунизмом.

Переходный период между капитализмом и коммунизмом «не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства», не может не соединять «элементы, частички, кусочки и капитализма и социализма»¹. Это соединение со старым и прежде всего наличие после свержения буржуазии более или менее многочисленного мелкого производства делает неизбежным сохранение в переходный период целого ряда форм и методов хозяйствования, унаследованных от буржуазного общества, — в первую голову рыночных отношений.

Но наличие рыночных отношений, наличие торговли неизбежно предполагают и наличие денег. Уже программа ВКП(б), принятая на VIII съезде партии (1919 г.), подчеркивает невозможность уничтожения денег в переходный период: «В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным».

Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что в коммунистическом обществе не нужны будут деньги. «Никому — пишет Энгельс, — не может притти в голову выражать заключающееся в продуктах количество труда, которое ему тогда непосредственно и абсолютно известно, еще сверх того посредством относительной, неопределенной, недостаточной, хотя бывшей ранее неизбежной как крайнее средство меры, т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере, в рабочем времени»². До той степени развития, о которой говорит Энгельс, мы еще не дошли.

Капитализм как определенную общественную формацию мы разбили еще в Октябре 1917 г. и завершаем теперь ликвидацию кулачества как класса. От преобладания мелкотоварного производства, мелкобуржуазной стихии мы, превратившись в страну самого крупного сельского хозяйства в мире, пришли к абсолютному преобладанию социалистического сектора. Мы овладели всеми рычагами народного хозяйства, овладели товарооборотом и механизмом регулирования самого денежного обращения, превратили деньги в инструмент социалистического планирования.

Но классы еще не уничтожены. Уровень обобществления во всем народном хозяйстве, в особенности в сельском хозяйстве, еще недостаточен для того, чтобы возможны были прямой и непосредственный учет заключающегося в продуктах рабочего времени и на

¹ Ленин, т. XXIV, стр. 507 и т. XXVI, стр. 322.

² «Анти-Дюринг», стр. 49.

этой основе прямое их распределение. Необходимым пока способом учета заключающегося в продуктах количества труда в масштабе всего народного хозяйства является косвенный учет в денежной форме.

Без этого инструмента было бы невозможно на данном этапе планирование народного хозяйства. Наше планирование происходит как в материальных, натуральных, так и в денежных единицах. Материальный план распределяет орудия и средства производства и предметы потребления по отраслям народного хозяйства в их натуральной форме и в такой же форме дает задание производству. Но материальный план не дает возможности судить о соотношении средств (следовательно и количества общественного труда), направляемых в различные отрасли хозяйства, не дает основания для сравнительности результатов производства различных предприятий, их эффективности³.

Наряду с планом натуральных показателей оказывается необходимым план в денежных единицах, основанный на применении денежного измерителя общественного труда (в форме цен).

Ясно, что этот денежный измеритель не выражает непосредственно индивидуально-трудоу затрат данного предприятия (тогда бы это не были деньги). Денежный измеритель является сводным, синтетическим экономическим измерителем, сводящим к некоторому единству различные виды общественного труда, в какой бы натуральной форме они ни существовали. Но это отнюдь не значит, что мы допускаем в какой бы то ни было степени обезличку различных частей, видов и качеств нашего общественного труда. Денежный учет труда является у нас одной из форм учета, он тесно связан с проводимым нами предварительно качественным учетом в натуральных единицах. Этот измеритель, общезначимый для всего народного хозяйства, делает сравнимыми и производственные показатели отдельных предприятий и отраслей и этим делает возможным планирование производства и распределения в общегосударственном масштабе. В свое время это сведение натуральных форм труда к единому через косвенный, денежный учет станет ненужным и отпадет, уступив свое место учету в единицах рабочего времени. На данном же этапе без такого (т. е. через деньги) сведения мы обойтись еще не можем. Таким образом наши деньги являются относительным, косвенным выражением заключающегося в продуктах труда через цены. Но механизм этого косвенного учета, этого «сведения», этого измерения общественного труда — уже принципиально другой, чем в товарном хозяйстве, основан уже не на действии стихийного закона стоимости со всеми вытекающими из него противоречиями и антагонизмами.

Мы далеко не использовали всех возможностей в деле налаживания социалистического учета, калькуляции, контроля, которые предоставляет нам наш советский рубль как орудие учета. Борьба за хозрасчет, за полное использование нашего рубля как орудия учета и контроля, за превращение его во все более точный экономический показатель остается важнейшей задачей и для второй пятилетки, при-

³ Опыты с исчислением станка и трудочаса на данной стадии могут иметь значение лишь как элемент технического нормирования в каждом данном производстве, но ни в коем случае не в качестве синтетического экономического показателя, в какой бы то ни было степени заменяющего денежный измеритель. «Проекты» подобного рода представляют лишь левацкое упрощенство.

чем быстрый темп технической реконструкции всего народного хозяйства увеличивает эти возможности. Именно укрепление хозрасчета в форме контроля рублем требует подведения под него базы технического нормирования и технического планирования. Учет денежный вместе с широко и научно поставленным техническим нормированием в сумме своей составляет основу точной социалистической калькуляции на данном этапе нашего развития.

Торговля и деньги, неизбежно сохраняющиеся в условиях переходного периода, отнюдь не остаются внешними, посторонними или враждебными для нового способа производства, который создается победившим пролетариатом.

Способ производства определяет собой форму обмена. «Взаимный обмен между производителями товаров по своей организации всецело определяется производством... интенсивность обмена, его распространение так же, как и форма, определяются развитием и структурой производства».

Новая система производственных отношений, созданная Октябрьской революцией, дает сфере обращения новое качество.

Диктатура пролетариата — вот та определяющая сила, которая «перерождает, побеждает, подчиняет»⁴ себе старые формы — торговлю и деньги, — формы, которые были в старом обществе инструментами буржуазии, наполняет их новым содержанием, превращает их в их противоположность, в орудие борьбы против капитализма, в орудие победы социализма.

Государственная власть, будучи порождением экономического развития, является сама концентрированной экономической силой, воздействующей на экономическое развитие. «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Сила (т. е. государственная власть) есть точно так же экономическое могущество» — писал Энгельс⁵.

Государственная власть становится «рычагом экономического переворота» (Программа Коминтерна) в руках победоносного пролетариата.

Уже в переходный период общество в лице рабочего государства берет в свои руки распоряжение своими производительными силами — сначала в отношении «командных высот» народного хозяйства, опираясь на которые пролетариат регулирует развитие всего общественного хозяйственного организма в направлении все большего возрастания роли и удельного веса социалистических элементов в ущерб капиталистическим. В противоположность слепым, стихийным силам рынка и конкуренции общественное развитие в переходный период определяется плановым руководством пролетарского государства. «Регулятором производства является не рынок... а сами производители, само общество рабочих»⁶. Отличие переходного периода от коммунистического общества заключается в том, что здесь «общество рабочих» регулирует в лице государства диктатуры пролетариата произ-

⁴ Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

⁵ Письмо К. Шмидту от 27 октября 1890 г.

⁶ Ленин, т. I, стр. 151.

водство, притом не иначе, как в ожесточенной классовой борьбе. При помощи своей государственной власти пролетариат управляет своими производительными силами, строит новые производительные силы социализма, создает новые, социалистические производственные отношения, подавляя сопротивление эксплуататоров вплоть до полной ликвидации капиталистических элементов, организуя социалистическую переделку мелкокрестьянских хозяйств, создавая целый ряд новых экономических форм, как колхозы, МТС, в которых совершается социалистическое преобразование, подчиняя социализму старые, унаследованные от буржуазного общества формы хозяйственной связи, как торговля и деньги. Ленин характеризует диктатуру пролетариата как продолжение классовой борьбы в новых формах. «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная против сил и традиций старого общества»⁷. В этих условиях принципиально меняется соотношение экономики и политики, экономики и государственной власти.

В буржуазном обществе государство является вторичным моментом в отношении экономики, и возможности обратного действия на экономическое развитие здесь ограничены. В переходный период диктатура пролетариата является непосредственно субъектом, определяющей силой экономического развития — революционного, социалистического преобразования общества. Это обстоятельство отнюдь не «отменяет» примата экономики над политикой, над государственной властью. Ведь особая роль пролетарского государства определяется прежде всего тем, что базисом является не стихийная экономика капитализма, а экономика особенная, невиданная еще в мире, ведущим звеном которой является обобществленное хозяйство социалистического сектора. Рост коммунизма и уничтожение капитализма в переходный период являются величайшей экономической закономерностью. Такой же экономической закономерностью является и то обстоятельство, что при помощи крупной и передовой социалистической промышленности мелкое и раздробленное крестьянское хозяйство, неспособное к расширенному воспроизводству, реорганизуется в крупное общественное производство колхозов. Точно так же экономической закономерностью является приспособление формы (в смысле изменения содержания этой формы и самой формы) обмена к новому, социалистическому способу производства. Но все дело в том, что все эти экономические закономерности, как и всякие другие закономерности переходной экономики суть закономерности революционного преобразования, закономерности уничтожения капитализма насильственной революцией пролетариата, его революционной диктатурой. И появление диктаторской государственной власти пролетариата, уничтожающей классы и строящей новое общество, само вытекает из глубочайших, существеннейших экономических законов развития противоречий капитализма.

Из этой особой роли пролетарского государства в отношении экономики переходного периода необходимы выводы насчет методологии исследования переходной экономики. При исследовании экономики буржуазного общества Маркс на целом ряде ступеней исследования отвлекается от экономической роли буржуазного государства.

⁷ Ленин, т. XXV, изд. 2-е, стр. 190.

Он вводит в орбиту своего анализа государство уже на довольно высокой ступени восхождения от абстрактного к конкретному. Так, в I томе «Капитала» роль государства анализируется в главе о рабочем дне. Чрезвычайно интересно, что по плану Маркса его главный экономический труд «Капитал», конечной целью которого является, по словам самого Маркса, раскрытие экономического закона движения современного, т. е. буржуазного, общества, должен был содержать специальный раздел, специальную книгу, посвященную государству, причем в плане своем Маркс ставил этот раздел на четвертом месте. «Вся стряпня, — писал Маркс Энгельсу 2 апреля 1858 г., — распадается на шесть книг: 1. О капитале. 2. Земельная собственность. 3. Наемный труд. 4. Государство. 5. Международная торговля. 6. Мировой рынок» (разрядка наша — П. П. и Н. Н.).

Но когда мы исследуем любой вопрос экономики переходного периода, то мы ни на одну минуту и ни на какой стадии исследования не имеем права «отвлекаться» от диктатуры пролетариата и ее экономической политики, ибо всё содержание процесса здесь состоит в революционном преобразовании капитализма в коммунизм, субъектом которого (преобразования) является диктатура пролетариата.

Это полностью относится и к вопросу о природе и роли советских денег. Ничего не поймет в сущности советских денег тот, кто вздумает исследовать их, отвлекаясь от особой роли советского государства, от всей системы рычагов пролетарской диктатуры и в частности от ее экономической финансовой политики, ибо это значило бы «отвлечься» от самого существа дела. Пролетарское государство твердо держит в руках механизм денежного обращения в СССР, подчиняя его плану и используя его в интересах социализма, — в этом обстоятельстве лежит основная, наиболее существенная характеристика советских денег, принципиально отличающая их от «обычных» денег товарно-капиталистического хозяйства, где деньги выступают как слепая, стихийная сила, стоящая над обществом.

Троцкисты и правые оппортунисты, требовавшие в своих «теориях» отвлечения от экономической политики пролетарской диктатуры, органически не в состоянии были понять особую роль и природу советских денег, перенося в условия советского хозяйства «привычные» понятия экономики буржуазного общества.

II

Изменение характера сферы обращения — товарооборота и денег — не является автоматическим результатом завоевания власти пролетариатом.

Пролетарское государство завоевывает сферу обращения, овладевает рынком и денежным обращением в процессе упорной и сложной классовой борьбы против капиталистических элементов и против буржуазных тенденций и традиций — борьбы, в которой советская власть опирается на ведущее звено переходной экономики — социалистический сектор — и приводит в действие целую систему рычагов.

Этот процесс завоевания сферы обращения начался уже с первых дней Октября. Уже при первых шагах социалистической революции советская власть избежала исторической ошибки Парижской коммуны, оставившей государственные банк Франции и находившиеся в нем

ценности в распоряжении врага. Национализация банков, конфискация золота и ценностей, принадлежащих свергнутому классу, контрибуции и налоги, эмиссия, — все эти мероприятия, представлявшие революционное вторжение в сферу обращения и вместе с тем в буржуазные отношения собственности, продолжение экспроприации буржуазии применялись диктатурой пролетариата с первых дней ее существования. В этом, и только в этом смысле мы пользовались конечно деньгами в борьбе против капитализма уже в первые годы революции. Но подчинить себе, сделать своим оружием самую денежную форму — такая задача не могла быть поставлена даже в обстановке бешеного напряжения гражданской войны, голода городских рабочих, в разоренной стране, когда рынок вообще не мог быть нами легализован, ибо свобода торговли в этих условиях означала непосредственную опасность реставрации капитализма. Единственно возможной с точки зрения интересов революции формой обмена в этот период была лишь продразверстка как выражение военно-политического союза пролетариата с крестьянством. Деньги в этот период выступали как сила, в враждебная социализму, как орудие в руках побежденной, но не уничтоженной буржуазии. «Можно, — писал Ленин в 1919 г., — отнять сразу собственность на богатые здания, можно отнять сравнительно скоро капитал и орудия производства, но возьмите собственность на деньги. Деньги — ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги — свидетельство на получение данни со всех трудящихся, деньги — это остаток вчерашней эксплуатации... Каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию»⁸. Деньги, которые мы не могли уничтожить, выступали в этот период прежде всего как инструмент мошеннической спекуляции на голоде, как орудие накопления в руках оставшихся и возрождавшихся из мелкого производства капиталистических элементов. Уничтожить деньги сразу было нельзя. Нужен длительный исторический период, чтобы подготовить технические и организационные предпосылки их уничтожения, чтобы наладить организацию распределения продуктов для сотен миллионов людей. Об этом писал Ленин неоднократно в период гражданской войны. Но совершенно понятно, что в эпоху военного коммунизма, который был вынужденной попыткой штурмом, непосредственной лобовой атакой решить задачу перехода к социализму, — в эту эпоху перспектива уничтожения денег не связывалась с задачей развертывания товарооборота и овладения рыночными процессами, а трактовалась как задача постепенного налаживания прямого распределения и безденежных расчетов.

Окончание гражданской войны сделало возможным и необходимым переход к нэпу, переход к такому пути построения социализма, который предполагал использование целой системы переходных мероприятий, вызванных необходимостью постепенно и медленно подвести крестьянство вплотную к социалистической перестройке мелкого производства. Эта политика предполагала допущение торговли, чтобы политически и хозяйственно удовлетворить мелкого крестьянина, укрепить хозяйственный союз пролетариата с крестьянством, поднять сельское хозяйство, чтобы как можно быстрее

⁸ Ленин, т. XXIV, стр. 293; разрядка наша.

восстановить промышленность, создать новую тяжелую индустрию, способную реорганизовать и земледелие. Но допущение торговли на основе преобладания мелкого производства означало неизбежно извращение капитализма. Допуская торговлю, допуская оживление капитализма, допуская соревнование, борьбу социалистических и капиталистических элементов в нашем хозяйстве, сохраняя за собой все время преимущественное, командное положение (политическая власть и командные высоты народного хозяйства в руках пролетариата), мы обходным путем добились укрепления позиций социализма и подготавливали возможность перехода на определенном этапе к развернутому наступлению на капиталистические элементы по всему фронту и к полной ликвидации капиталистических элементов. «Нэп, — говорил т. Сталин на XIV съезде партии, — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики. Кто не понимает этой переходной двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма».

С переходом к нэпу перед партией встал а новая задача — самый рынок, самую торговлю, самую денежную систему сделать орудием рабоче-крестьянской смывки и пролетарского руководства крестьянством, орудием укрепления социализма и вытеснения капитализма. Эта задача — сделать торговлю и деньги рычагом социалистического строительства — была поставлена Лениным в самом начале нэпа.

Вот как формулировала эту задачу декабрьская партконференция 1921 г.: «...исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения».

Общая принципиальная возможность овладения рынком и денежным обращением была дана уже фактом национализации крупной промышленности, национализации банков, установлением монополии внешней торговли. Лишь упорной борьбой диктатуры пролетариата против частнособственнической стихии эту возможность можно было превратить в действительность, эту задачу овладения рынком и денежным обращением можно было решить.

В самый первый период нэпа денежное обращение, как и товарооборот, происходило в значительной мере стихийно, вне нашего контроля и воздействия. Подчинить мелкособственническую стихию нашему учету и контролю во что бы то ни стало, ввести ее в рамки государственного регулирования — такова была задача. «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа... либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой почве и произрастающие» — писал Ленин в 1921 г.⁹

Уже в течение первых 3—4 лет нэпа нам удалось радикальным образом изменить обстановку в нашу пользу, добиться крупнейших успехов в деле овладения сферой обращения.

⁹ Ленин, т. XXVI, стр. 323.

Решающую роль в укреплении позиций пролетарского государства в товарообороте сыграли такие моменты, как рост государственных хлебных заготовок, рост продукции государственной промышленности, охват растущего товарооборота разветвленной государственной кредитной системой, рост государственной и кооперативной торговли, развитие системы денежных налогов и достижение бездефицитного бюджета и активного внешнеторгового баланса, перевод госпредприятий на коммерческий расчет. Рост нашего хозяйства и в первую очередь тех его отраслей, которые находились непосредственно в руках пролетарского государства, нашел между прочим свое яркое выражение в бюджете 1925 г., который за год вырос более чем на 40% (с 2 800 млн. руб. до 4 млрд.).

Не менее яркое выражение процесс овладения сферой обращения нашел в концентрации Госбанком денежных оборотов растущего хозяйства. Вот некоторые цифры прогрессирующего охвата народного хозяйства влиянием Госбанка:

Рост баланса Госбанка (в миллионах рублей)

1 октября 1922 г.	1 октября 1925 г.	1 октября 1929 г.
155	3 365	9 222

Основой процесса был, однако, рост государственной промышленности. К XIII партконференции (январь 1924 г.) продукция государственной промышленности возросла по сравнению с 1921 г. почти вдвое и составила 35% довоенной против 22% в предшествовавшем году. Уже первые 3—4 года нэпа показали значительный рост социалистического сектора, что привело и к решительным сдвигам в соотношении сил на рынке. Если в 1923 г. решающее место в товарообороте занимал еще частный сектор (75,3% всего товарооборота, кооперативная торговля — 10,3% и госторговля — 14,4%), то уже в следующем — 1923/24 — году доля частного сектора снизилась до 54,9%, а удельный вес потребкооперации в товарообороте повысился до 29,7%¹⁰.

К 1924 г. усиление позиций социалистического сектора в экономике страны и успехи советского государства в деле овладения рынком и денежным обращением создали наконец после ряда попыток возможность для перехода к устойчивой червонной валюте. Важность этого мероприятия Ленин так характеризовал в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна: «Что действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом мы работаем, работают наши лучшие люди, и этой задаче мы приписываем решающее значение; удастся ли нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит мы выигрываем... тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать»¹¹.

Мы провели стабилизацию валюты прежде всего собственными силами, без каких бы то ни было внешних займов. Проведение денежной реформы означало огромное укрепление международного положения Страны советов. Обращение ЦК от марта 1924 г. так оценивало эту сторону дела: «Еще более значительным будет успешный результат денежной реформы для внешней политики Союза:

¹⁰ «Экономическая жизнь» № 141 от 20 ноября 1932 г.

¹¹ Ленин, т. XXVII, стр. 346.

лицом к лицу с капиталистическим миром будет стоять не бессильная страна вроде Австрии, судьба которой в руках денежных тузов Лондона и Нью-Йорка, могущих спасти ее предоставлением кредитов или погубить отказом в них, а крепко организованное советское государство, которое усилиями трудящихся масс сумело выйти из тягчайших бедствий и избежать финансового краха»¹².

С другой стороны, наиболее характерным было то, что борьба за стабилизацию валюты была борьбой против частного капитала, против частнособственнической стихии. Успех денежной реформы означал победу в бою с рыночной стихией и за твердую советскую валюту»¹³. Борьба за твердую валюту основана была у нас на росте государственного хозяйства, на все большем охвате всего хозяйства страны экономическим регулированием со стороны пролетарского государства, на усилении ведущей роли социалистического сектора, на росте плановости во всем народном хозяйстве. Она базировалась в частности на росте товарных фондов в руках государства, на плановом регулировании цен и т. д. Обстановка, которой мы добились к 1925 г., коренным образом отличалась от обстановки периода перехода к нэпу. «Со времени 1921 г., — говорил т. Сталин на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.), — обстановка изменилась у нас существенно... за это время наша социалистическая промышленность и советско-кооперативная торговля успели уже стать преобладающей силой... смычку между городом и деревней уже научились устанавливать собственными силами...»¹⁴.

Наша твердая валюта была плотью от плоти уже новой системы производственных отношений, выросшей под руководством победившего пролетариата. Завоевание твердой валюты означало серьезнейший удар по капиталистическим элементам и укрепление позиций социализма. В самом деле, устойчивые деньги укрепляли смычку пролетарского города с деревней. С исчезновением совзнаков отпал эмиссионный налог, входивший надбавкой во все цены розничной торговли, и деревня могла получать товары по более дешевым ценам. «Совзнак создавал между городом и деревней валютную стену, устойчивые деньги сыграют роль валютного моста между ними»¹⁵. Падающий совзнак с неизбежными курсовыми надбавками в ценах, не поддававшимся никакому учету, облегчал спекулятивное хищничество. Твердая валюта создавала прочную почву для борьбы со спекуляцией и для вытеснения частника. Укреплялись и позиции государственной торговли и кооперации. На твердую, надежную основу становился государственный бюджет. Решительно оздоравлилась наша политика заработной платы. Наконец лишь твердая валюта давала прочную основу для правильной калькуляции себестоимости в нашей промышленности и этим подводила базу под снижение цен. В твердом советском червонце мы получили инструмент планирования народного хозяйства и этим в огромной степени укрепляли планомерное воздействие на все народное хозяйство.

Денежная реформа была таким образом поворотным пунктом в истории нашего денежного обращения. Создание устойчивой валюты означало, что в главном и основном мы при помощи созданной

¹² «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», изд. 1931 г., стр. 161.

¹³ Там же.

¹⁴ «Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)», стр. 495.

¹⁵ «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», стр. 161.

нами финансовой системы овладели механизмом денежного обращения, превратили денежную форму в наше орудие.

Поставленная Лениным в 1921—1922 гг. задача овладения оружием торговли и денежного обращения была в основном выполнена. И т. Сталин обобщал и подытоживал действительную победу партии в решении этой задачи, когда дал на XIV партсъезде свою блестящую характеристику роли денег и торговли в нашем хозяйстве. Отвечая т. Сокольникову, который договорился до оценки Госбанка как «государственно-капиталистического предприятия» и нашей денежной системы как «проникнутой принципами капиталистической экономики», т. Сталин говорил:

«В чем тут дело? Откуда такие ошибки у т. Сокольникова? Да в том, что т. Сокольников не понимает двойственной природы нэпа, двойственной природы торговли в нынешних условиях борьбы социалистических элементов с элементами капиталистическими, он не понимает диалектики развития в обстановке диктатуры пролетариата, в обстановке переходного периода, где методы и оружие буржуазии используются социалистическими элементами для преодоления и ликвидации элементов капиталистических. Дело вовсе не в том, что торговля и денежная система являются методами «капиталистической экономики». Дело в том, что социалистические элементы нашего хозяйства, борясь с элементами капиталистическими, овладевают этими методами и оружием буржуазии для преодоления капиталистических элементов, что они с успехом используют их против капитализма, с успехом используют их для построения социалистического фундамента нашей экономики. Дело в том стало быть, что благодаря диалектике нашего развития функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально, коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму. Ошибка т. Сокольникова состоит в том, что он не понял всей сложности и противоречивости происходящих в нашей экономике процессов»¹⁶.

Эта характеристика роли нашей денежной системы целиком и полностью верна как на сегодняшний день, так и на весь период, пока деньги в СССР еще будут существовать. Она является руководящей для всякого исследования природы торговли и денег в переходный период.

Вместе с изменением экономической и классовой обстановки в стране, по мере нашего продвижения к социализму меняется и «физиономия» наших денег, растут возможности и изменяется характер использования денег как инструмента социалистического строительства.

Здесь нужно прежде всего иметь в виду коренное различие между первым этапом нэпа, характеризовавшимся преобладанием мелкого и мельчайшего хозяйства, и последним этапом нэпа, характеризующимся абсолютным преобладанием социалистических форм и в городе и в деревне. Отсюда и коренная разница в характере сферы обращения. «Советскую торговлю нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии нэпа, хотя бы и регулируемой государством. Если торговля на первой стадии нэпа допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания

¹⁶ «Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б)», стр. 496.

как того, так и другого. Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, — торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития»¹⁷.

Ясно, что и денежное обращение последнего этапа нэпа резко отличается от денежного обращения первого этапа нэпа. На первой стадии нэпа денежное обращение обслуживало прежде всего товарооборот между госпромышленностью и миллионами мелких индивидуальных хозяйств. Теперь денежное обращение обслуживает прежде всего товарооборот между госпромышленностью и колхозным крестьянством, причем в огромной степени возросла роль денежной формы как инструмента социалистического контроля, учета, планирования и т. д. в системе связи между госпредприятиями в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, транспорте¹⁸.

Изменились и формы сопротивления классового врага, изменились и формы нашей борьбы против буржуазных тенденций в сфере денежного обращения, против спекуляции и т. д.

В дальнейшем мы подробнее остановимся на характеристике классовой борьбы на финансовом участке фронта соцстроительства в связи с природой денежной системы в период диктатуры пролетариата.

Итак, взятую нами из старого общества форму денег мы организованным воздействием всех экономических и политических рычагов пролетарской диктатуры обратили против капитализма, поставили на службу плановому руководству пролетарского государства. Но деньги остались при этом деньгами, хотя природа и роль их изменились существенно.

Трудно придумать что-либо более безжизненное, надуманное, нежели рассуждения некоторых экономистов левацкого толка насчет того, что наши советские деньги — «уже не деньги», а «расчетные знаки», «ордера» и т. п. Конечный смысл подобных рассуждений довольно прост. Человечество веками знало деньги как стихийный продукт стихийного товарного производства, как инструмент капиталистического производства, капиталистического накопления. «Если» деньги перестают быть знакомыми, привычными деньгами буржуазного общества — «значит» деньги в фантазии «теоретика» уничтожены, и вместо них воображение «теоретика» выдумывает «знаки», «ордера» и т. п. «Да—да», «нет—нет», а что дальше — то от лукавого. Вот метафизическая мудрость этого рода теоретиков, полное нежелание вдуматься в диалектику перехода, и это роднит левацких экономистов, фантазирующих насчет расчетных знаков, с теориями Юровских и их последышей, вообще не видящих отличия наших денег от обычных денег буржуазного общества. «Или—или», либо старые буржуазные, либо не деньги вообще, — вот это неумение понять своеобразие наших денег, подобных которым мир действительно никогда не видал, является общим для обеих этих разновидностей ревизионизма в теории советских денег.

¹⁷ Сталин, Итоги первой пятилетки.

¹⁸ Безналичные расчеты (их широкое распространение, освобождающее из обращения целые массы денег, представляет огромное наше достижение) ни в каком случае не «отменяют денежной формы, сами они представляют определенный способ использования денежной формы».

Деньги — порождение товарного производства. В товарном хозяйстве в силу противоречивой организации общественного труда — непосредственно частного и лишь скрыто общественного — заключающееся в товарах общественное рабочее время не может быть выражено непосредственно в рабочих часах. Возможен лишь относительный, косвенный учет труда в стихийном обмене через приравнение его к другому товару, практически к золоту, этому непосредственному воплощению общественного труда в буржуазном обществе. Учет, измерение общественного труда происходят за спиной производителей в денежной форме стоимости, путем стихийного определения общественно необходимого рабочего времени через постоянные колебания цен вокруг стоимости, через конкуренцию, кризисы, растраты общественного труда.

Деньги, по Энгельсу, суть «Общественное воплощение человеческого труда, действительная мера труда, всеобщее орудие обращения»¹⁹. В качестве воплощения общественного труда, в качестве меры труда и средств обращения деньги представляют «свидетельство на получение общественного богатства» (Ленин). Деньги таким образом как «общественное воплощение человеческого труда» существуют лишь в своих функциях, лишь в качестве меры труда, средства обращения и т. д. В буржуазном обществе функционирование денег означает «монополизацию общественного труда в руках частных лиц» (Ленин), означает накопление капитала.

Советские деньги не были бы вообще деньгами, если бы не обладали свойственными деньгам функциями. Советские деньги несомненно — хотя и по-новому — являются мерилем труда, средством обращения и свидетельством на получение общественного богатства. Но и содержание и форма денег существенно изменились. Советские деньги функционируют на основе других общественных законов и выполняют принципиально иную роль в общественном процессе воспроизводства, чем деньги в капиталистическом обществе. Закон стоимости, вырастающий из противоречий товарного производства и являющийся экономическим законом движения буржуазного общества, закон, который регулирует в этом обществе и движение денег, — этот закон не действует в обществе переходного периода, в обществе диктатуры пролетариата. Плановое руководство пролетарского государства, направляющее развитие нашей экономики к уничтожению классов, определяет и характер функционирования денег. Деньги, которыми управляет пролетарское государство, не есть прежняя, старая денежная форма.

Когда пролетарское государство при помощи своей денежной системы — через механизм цен, денежного обращения, кредита, через бюджет — планомерно перераспределяет преобладающую массу общественного труда, в гигантской своей части непосредственно социалистически обобществленного, это значит, что денежная форма не осталась прежней, что она изменяется, перерождается, наполняется новым содержанием.

«У нас есть теперь, с точки зрения развития международного коммунизма, такое прочное, такое сильное, такое могучее содержание

¹⁹ «Анти-Дюринг», стр. 334.

работы (за советскую власть, за диктатуру пролетариата), что оно может и должно проявить себя в любой форме, как новой [так] и старой, может и должно переродить, победить, подчинить себе все формы не только новые, но и старые — не для того, чтобы со старым помириться, а для того, чтобы уметь и все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной, решительной и бесповоротной победы коммунизма»²⁰.

Денежную систему мы успешно используем в числе тех орудий и рычагов, посредством которых мы осуществляем подавление сопротивления эксплуататоров, вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов.

Наша денежная система является мощным орудием руководящего воздействия пролетариата в отношении многомиллионных масс мелкого крестьянства, в деле социалистической переделки бедняцко-средняцких масс.

Важнейшая роль денег в нашей экономике заключается в том, что они являются основным нашим инструментом в деле налаживания учета и контроля во всем народном хозяйстве. Проблему учета и контроля Ленин ставил отнюдь не как технический вопрос, а как крупнейший, первостепенный вопрос политики и экономики. На первом этапе нэпа Ленин ставил проблему общегосударственного учета и контроля как задачу обуздания частнособственнической стихии. Учет и контроль были задачей классовой борьбы за ограничение и вытеснение капиталистических элементов. На последнем этапе нэпа, когда социалистический сектор преобладает, капиталистические элементы идут ко дну, — контроль и учет есть форма классовой борьбы за общественную, социалистическую собственность, против классового врага, который, будучи вытеснен из производства и организованного товарооборота, пытается нажиться за счет трудящихся путем хищений в государственных предприятиях, в колхозах, на железных дорогах и т. д. и этим дезорганизует наше социалистическое хозяйство. На современном этапе огромное значение имеют учет и контроль рублем для налаживания производства предприятий обобщественного сектора.

Наша денежная система несет важнейшую службу социалистического накопления, основы социалистического расширенного воспроизводства.

Огромное значение имеет связанная с контролем труда стимулирующая роль денег. «Привлечение к труду — важнейшая и труднейшая проблема социализма» — писал Ленин. В основе привлечения к труду на современном этапе лежит сочетание личного интереса, материальной заинтересованности (в смысле повышения материально-культурного положения лучшего работника) с интересом общественным, с задачами подъема производительности труда в социалистическом производстве, с заинтересованностью рабочего как хозяина страны в успехах социалистического строительства. В противоположность буржуазному обществу, где деньги стимулируют труд как кнут в руках капиталиста²¹ стимулирующая роль наших советских денег есть их социалистическая роль. Эта роль денег проявляется в сдельной оплате труда рабо-

²⁰ Ленин, т. XXV, стр. 238.

²¹ „Денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего“ (Маркс, Капитал т. I).

чих наших государственных предприятий, в премировании перевыполняющих план хозрасчетных бригад; стимулирующая роль денег проявляется и в колхозах — в колхозной сдельщине²², в дифференцированной оценке трудодня в различных бригадах в зависимости от степени выполнения плана в данной бригаде, в различной оценке различных работ в трудоднях и т. д. Стимулирующая роль денег проявляется на основе хозрасчетного управления хозяйством обобщественного сектора и в отношении целых предприятий, так например, все накопления сверх планового размера, получаемые предприятием, остаются в распоряжении предприятия до конца года; после же учета результатов операционного года 50% сверхплановой прибыли расходуется предприятием по его усмотрению на рационализацию и развертывание производства, на улучшение быта рабочих и служащих, индивидуальное премирование и т. п. Во всех этих случаях материальная заинтересованность отдельного работника, бригады и целого предприятия непосредственно подводит базу для подъема социалистического соревнования и ударничества, для развития подлинно коммунистического отношения к труду.

Итак, наши советские деньги — это инструмент социализма в его борьбе против капитализма; основное для характеристики наших денег заключается именно в этом.

Но наша экономика двойственна. В нашем хозяйстве происходит ожесточенная борьба социалистических и капиталистических элементов. Разбитые, но не добитые еще капиталистические элементы оказывают бешеное сопротивление социалистическому наступлению. Собственнические, спекулятивные тенденции проявляются не только среди единоличников, но и в колхозах; буржуазные тенденции как следствие влияния классового врага проявляются среди работников государственных предприятий. Обостренная классовая борьба происходит и в сфере обращения.

Капиталистические элементы нашей экономики пытаются всячески сорвать нашу регулирующую роль в ценообразовании и обращении денег, пролезть во все щели, чтобы использовать денежную форму капиталистически. Мы с успехом используем нашу денежную систему против капитализма, но этот успех дается лишь в постоянной ожесточенной борьбе против капиталистических элементов, тенденций, традиций. Сама денежная форма в советском хозяйстве двойственна — она в этом отношении отражает двойственность нашей экономики. Мы превратили денежную форму в инструмент социализма, но капиталистические элементы могут на том или ином участке функционирования денег использовать денежную форму в своих интересах, использовать ее капиталистически. На первом этапе нэпа, в эпоху преобладания мелкого производства, когда капиталистические элементы имели еще, в особенности в деревне, собственную производственную базу и наша политика — политика ограничения и вытеснения капиталистических элементов — допускала функционирование капиталистического сектора в товарообороте, возможности капиталистического использования денег

²² Групповое обобществление в колхозах придает колхозной сдельщине своеобразный характер — колхозный трудодень. Однако по окончании хозяйственного года трудодень исчисляется в той или иной денежной сумме в зависимости от степени доходности хозяйства колхоза. Трудодень следовательно отнюдь не устраняет стимулирующей роли денег.

были относительно велики. Иное дело сейчас на современном этапе, когда не только в городе, но и в деревне социалистические формы хозяйства преобладают, капиталистические элементы лишены в основном своей производственной базы. Сейчас в основном подорваны условия превращения денег в капитал. Однако классовая борьба в сфере обращения не только не прекратилась, но даже обострилась, хотя и приняла новые формы, отражая новую тактику классового врага, характерную для современного этапа нашего развития.

Первой и основной функцией денег Маркс считает функцию меры стоимости, т. е. функцию измерения общественного труда на основе действия закона стоимости. Денежное выражение стоимости есть цена. Первой и основной функцией наших советских денег является функция меры (учет) общественного труда в денежной форме, в форме цены. Этот процесс измерения общественного труда происходит в нашем хозяйстве в подавляющей части не в порядке стихийного ценообразования, не на основе действия закона стоимости. Следовательно функции мерила стоимости — функции, отражающей анархическую организацию товарного производства, — наши деньги не имеют и иметь не могут. Деньги наши функционируют в качестве мерила общественного труда, но эта их функция принципиально отлична от «обычной» функции мерила стоимости. Механизм определения общественно необходимого рабочего времени²³, механизм учета труда в условиях, когда преобладающая масса общественного производства социалистически обобществлена, в основном плановый, рычаги ценообразования (частью прямые, частью косвенные) находятся в наших руках.

Таким образом в денежной форме, через планирование цен и движение денег происходят учет и перераспределение общественного труда в государственном масштабе, в основном в плановом порядке, в интересах социалистического строительства. Если в буржуазном обществе ценообразование представляет объективный стихийный процесс, над которым не властны сами производители, то в Советском союзе пролетарская диктатура, сознательно творящая бесклассовую экономику, направляет процессы ценообразования в соответствии со своей политической индустриализации и социалистической реконструкции всего народного хозяйства. Деньги в качестве мерила общественного труда служат инструментом калькуляции себестоимости в нашем производстве, инструментом прямого планирования производства, с другой стороны, цена является орудием и выражением общественной связи и перераспределения общественного труда между классами и отраслями народного хозяйства.

Однако если в капиталистическом обществе, где движущим мотивом производства является меновая стоимость, прибыль, всеобъемлющей формой общественного учета являются деньги, то в нашем хозяйстве денежная форма является одним из рычагов учета и перераспределения общественного труда в руках пролетарской диктатуры, но далеко не единственным. Денежный учет у нас должен быть теснейшим образом связан с учетом в натуральных единицах, с учетом особенности вырабатываемого продукта, его необходимо-

²³ Кстати, самый термин «общественно необходимое рабочее время» носит в применении к нашему хозяйству полностью условный характер, ибо категория общественно необходимого труда у Маркса есть исторически определенная категория, присущая лишь товарному производству.

сти для народного хозяйства. Один лишь денежный измеритель общественного труда недостаточен в нашем хозяйстве. Это прекрасно видно хотя бы на таком примере, как выполнение нашими заводами исключительно важного государственного заказа на запасные части для тракторов к весенней посевной кампании 1933 г. Буржуазные тенденции среди некоторой части хозяйственников здесь проявились в частности в том, что формальное выполнение заказа в денежном выражении скрашивало, скрывало некомплектность поставки деталей и следовательно фактическое невыполнение заказа и срыв важнейших государственных мероприятий.

Процесс ценообразования представляет в наших условиях боевой фронт классовой борьбы, лишь в процессе борьбы пролетарское государство осуществляет свою регулирующую роль в процессе ценообразования.

Незавершенный процесс обобществления и сопротивление гибнущих классов, так же как и собственнические тенденции в крестьянстве, вносят еще в процесс ценообразования элементы стихийности.

Тов. Сталин в своей речи в Свердловском университете 9 июня 1925 г.^{23а} характеризовал в частности фронт классовой борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством по линии установления предельных цен на фабрикаты и с.-х. продукты, с одной стороны, и, с другой стороны, фронт борьбы между пролетариатом в лице государства и кулачеством по линии ликвидации спекулятивных цен на с.-х. продукты. Эти же два фронта классовой борьбы проявляются и по линии налогов. Тов. Сталин подчеркивал роль пролетарского государства, которое, опираясь на командные высоты нашего народного хозяйства, проводит ряд мероприятий, которые «положили предел как безудержному понижению цен на изделия промышленности, так и безудержному повышению цен на продукты сельского хозяйства».

Но, с другой стороны, ясно, что крестьянство в целом, поскольку оно покупает изделия промышленности и сбывает на рынок продукты своего хозяйства, предпочитает получать эти изделия по возможно более дешевым ценам и сбывать свои продукты по возможно дорогим ценам. Здесь проявляются противоречия и создается почва для борьбы между пролетариатом и крестьянством. Однако «общность интересов тут сильнее и глубже, чем противоречия интересов», и борьба здесь является борьбой внутри союза, борьбой, «которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов и которая должна исчезнуть в будущем, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами, когда они превратятся в тружеников бесклассового общества».

Совсем другой характер носит классовая борьба на фронте цен между пролетариатом в лице государства и кулачеством. Здесь противоречия непреодолимы, антагонистичны. На первом этапе нэпа пролетарское государство боролось против кулацкой спекуляции хлебом целым рядом мероприятий, сводившихся к ограничению и вытеснению кулачества, в результате которых спекулянтские махинации кулачества срывались.

^{23а} „Вопросы и ответы“, „Вопросы ленинизма“, изд. 9-е, стр. 156—159.

Ясно, что на современном этапе дело изменилось существенно как в отношении обстановки и условий борьбы, так в отношении форм борьбы. Колоссально выросли массы товаров, цены на которые мы определяем, и непосредственно и колоссально выросли средства воздействия пролетарского государства в отношении цен, складывающихся на рынке. Сфера «вольных цен» сведена до ничтожного удельного веса в экономике страны. Кулацкое производство заменено производством колхозов и совхозов, и кулачество разгромлено и в основном ликвидировано. Большинство бедняцко-средняцкого крестьянства объединено в колхозах. Но и сейчас процессы ценообразования протекают в ожесточенной классовой борьбе против капиталистических элементов и против буржуазных тенденций, проявляющихся как в колхозах, так даже и среди работников государственных промышленных, с.-х. и торговых предприятий. Пользуясь недостатком товаров, а также недочетами организации советской торговли, кулак, частник, перекупщик организуют хищническую спекуляцию, вздувая цены и наживаясь за счет рабочих и колхозников. Теперь, когда решительно преобладает советская торговля, торговля без капиталистов, без посредников и перекупщиков, спекуляция является просто одной из форм расхищения общественной собственности; в огромной части случаев она базируется на прямом воровстве из колхозов и госпредприятий. Против спекуляции на современном этапе мы обрушиваем всю мощь пролетарской диктатуры (закон о борьбе против спекуляции).

Классовая борьба вокруг цен в новых, своеобразных формах происходит и на фронте товарооборота между пролетарским городом и колхозной деревней. Колхозная торговля, укрепляющая социалистическое хозяйство колхоза и помогающая делу рабочего снабжения, является одной из форм советской торговли. Но здесь, на данной стадии развития колхозной торговли, налицо целый ряд противоречий. Колхозное крестьянство — еще класс, в колхозах лишь начата его социалистическая переделка. Войдя в колхозы, крестьянин отнюдь не мог сразу расстаться с вековой психологией собственника и продавца хлеба.

Объявление колхозной торговли хлебом, легализация рыночной цены на хлеб в ряде случаев стимулировали мелкособственнические инстинкты колхозников и привели к массовым попыткам попридерживать хлеб, предназначенный для выполнения обязательств перед пролетарским государством. Кулаку, проникшему в колхозы, удалось в ряде случаев в 1932 г. организовать прямой саботаж хлебозаготовок. Из этого положения партия сделала выводы о необходимости усиления хозяйственно-политической работы в деревне, с одной стороны, и усиления регулирующей роли пролетарского государства в колхозной торговле, усиления борьбы с отдельными спекулятивными элементами среди колхозников — с другой. Но буржуазные тенденции ценообразования проявляются даже в государственных предприятиях, в особенности в госторговле, как и в потребкооперации. Сама форма цены как внешней формы общественного труда (в противоположность прямому и непосредственному учету в единицах рабочего времени и единицах продуктов), — сама форма цены уже означает различие между действительно заключающимся в продукте количеством общественного труда и его выраже-

нием в цене. Это различие допускает в принципе возможность разных цен. В товарном хозяйстве цены колеблются вокруг стоимости под влиянием конкуренции. В отношении нашего советского хозяйства говорить о «колебаниях цен» нелепо. Но то количество общественного труда, которое общество тратит на определенную массу однородных продуктов, выражается на данном этапе социалистического строительства в различных ценах для разных товарных потоков, на которые разбивается эта масса однородных продуктов, в зависимости от целевого назначения этих потоков (цены кооперативные, цены коммерческие и т. д.). Наличие этих планово определяемых различных целевых цен есть проявление того факта, что форму цены твердо держит в своих руках пролетарское государство (в дальнейшем с развертыванием производства и советской торговли пролетарское государство в свое время перейдет к установлению единой цены). В форме цен — на данном этапе в форме различных цен — пролетарское государство организует в нужном направлении перераспределение народного дохода, но, с другой стороны, эта принципиальная возможность разных цен создает возможность и опасность проявления антигосударственных, антиплановых, партизанских, рваческих тенденций, в которых проявляется «нэпманский дух» нашей торгово-кооперативной сети (разной в ценах). Буржуазные тенденции сказываются также в фактах срыва конвенционных цен, в ажиотаже заготовителей, бешеной плате за гуж и т. д. Что означают партизанщина, разная в ценах? Они означают, что перераспределение народного дохода отклоняется от того направления, которое дается пролетарским государством в интересах социализма, отклоняется в ущерб интересам социализма, к выгоде следовательно капиталистических элементов. Разной в ценах означает возможность присвоения в обращении излишков прибылей отдельными предприятиями в ущерб целому, не говоря уже о почве для прямых хищений.

Таким образом реализация плановых цен происходит в беспощадной борьбе за дисциплину в области цены, за интересы плана и общественную социалистическую собственность, против капиталистических элементов и буржуазных тенденций. Но факт тот, что вопреки сопротивлению классового врага мы в главном и основном проводим свою тенденцию в процессах ценообразования. Яркой иллюстрацией этого факта является уже то обстоятельство, что мы профинансировали первую пятилетку, точно так же как и наши успехи уже в I квартале 1933 г. в деле борьбы против спекулятивных цен.

Товарное обращение в буржуазном обществе представляет «сложный клубок общественных связей, которые носят однако характер законов природы, так как находятся вне контроля действующих лиц»²⁴. Бесконечная цепь товарных метаморфоз предполагает постоянные разрывы купли и продажи, представляя единство непрерывности и прерывности. Эти разрывы покупок и продаж создают уже на стадии простого обращения абстрактную возможность кризисов, которая при капитализме с развитием противоречия между общественным производством и частным присвоением превращается в действительность, неотделимую от самого существования капиталисти-

²⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 64.

ческого общества. В каналах обращения периодически застревают, накапливаются массы общественного продукта, реализация которых происходит лишь через кризисы. Обращение постоянно источает из себя «денежный пот», который составляет основу превращения денег в капитал. Деньги — такой товар, который оседает, концентрируется в руках буржуа, порождая «раскол народа на владельцев денег и голь» (Ленин). Таким образом стихийное, протекающее «вне контроля действующих лиц» обращение в буржуазном обществе неизбежно опосредствует собой капиталистическое расслоение мелкого производства, накопление капитала и обостряет в дальнейшем все противоречия капиталистического общества.

Принципиальное отличие нашего обращения от обращения в товарном хозяйстве — прежде всего в том, что оно не является стихийным процессом, происходящим вне контроля производителей. Наше обращение происходит под контролем производителей, под контролем и руководством пролетарского государства.

Уже на первом этапе нэпа, несмотря на то, что у нас был частный товарооборот и известное оживление капитализма, мы в основном направляли товарооборот и ценообразование по необходимости нам руслу, используя для этого все рычаги пролетарской диктатуры. Регулирование и планирование товарооборота последнего этапа нэпа, советской торговли, которая коренным образом отличается от торговли первой стадии нэпа, мы подняли на громадную высоту.

Все рычаги для организации и развертывания советской торговли мы держим в своих руках. Мы полностью создали производственную базу, для того чтобы организовать торговлю без капиталистов, без спекулянтов. «Мы имеем теперь довольно развитую государственную промышленность и целую систему колхозов и совхозов, обеспечивающих государству громадные резервы с.-х. и промышленных товаров для разворота советской торговли»²⁵. Мы организационно укрепили государственную и кооперативную торговлю, в громадной степени вырос розничный кооперативно-государственный товарооборот, создана разветвленная сеть оптовых баз. Мы совершенно вышли из товарооборота частника. Советская торговля на современном этапе является важнейшим орудием в руках пролетарского государства для укрепления товарной смычки с колхозными крестьянами. Обобщественное производство и организованный пролетарским государством товарооборот (советская торговля) представляют базу для регулирования обращения денег. Наряду с планированием цен непосредственными рычагами регулирования денежного обращения, больше того, в значительной степени прямого управления движением денежных потоков являются финансовые органы пролетарского государства.

Здесь прежде всего нужно остановиться на особой роли и специфической природе советского бюджета и нашего Государственного банка. Характерная черта нашего бюджета и Госбанка заключается в том, что они являются важнейшими рычагами, приводами централизованного воздействия государства, хозяина преобладающей части общественного производства, на всю экономику страны.

²⁵ Сталин, Итоги первой пятилетки.

✗ Бюджет буржуазных стран носит полностью непроизводительный, паразитический характер. Выкачиваемые из трудящихся масс налоги идут на содержание государственного аппарата угнетения, в громадной мере — на подготовку империалистических войн. Характерная черта нашего бюджета прежде всего в том, что 82,4% его доходной части дает само государственное хозяйство — промышленные, с.-х. и торговые предприятия, принадлежащие пролетарскому государству. Что касается расходной части государственного бюджета СССР, то из общей суммы расходов бюджета на 1933 г. в 33,2 млрд. руб. 23,9 млрд. руб. направляются на финансирование народного хозяйства и 2,4 млрд. руб. — на финансирование социально-культурных мероприятий. Наш госбюджет является величайшим механизмом вовлечения в общественный оборот, руководимый пролетарским государством, накоплений, происходящих во всем народном хозяйстве, и планового перераспределения этих средств в соответствующие отрасли хозяйства в интересах социалистической реконструкции. В русле бюджета таким образом происходит планоуправляемое движение гигантских денежных масс.

Это управление движением денежных потоков предполагает действительный контроль над использованием средств, вкладываемых пролетарским государством в реконструкцию нашего хозяйства. Чрезвычайно характерно для нашей финансовой системы то, что финансирование капитального строительства происходит в форме долгосрочного кредитования под конкретные области строительства и в зависимости от хода выполнения плана. Это финансирование осуществляют находящиеся в системе Наркомфина специальные банки долгосрочного кредитования (Промбанк, Соцзембанк и т. д.).

Уже Маркс предвидел крупнейшую роль кредитной системы в качестве рычага социалистического преобразования общества в период диктатуры пролетариата: «Не подлежит никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда, однако лишь как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства»²⁶. Ленин же накануне Октябрьской революции ставил конкретную задачу создания в лице Госбанка социалистического аппарата общегосударственного учета и распределения продуктов. «Капитализм, — писал Владимир Ильич, — создал аппараты учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительских обществ союзов служащих. Без крупных банков социализм был бы неосуществим. Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупных Государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девяностых социалистического аппарата. Это общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, так сказать еще нечто вроде скелета социалистического общества»²⁷.

²⁶ Маркс, т. III, ч. II, гл. 36 изд. 1930 г., стр. 118.

²⁷ Ленин, т. XXI, стр. 260.

Наш Госбанк все больше становится единым расчетным центром для всего обобществленного хозяйства — общегосударственным аппаратом учета и распределения продукции. Вместе с тем Госбанк организует и осуществляет систематический государственный контроль — контроль рублем за ходом выполнения наших планов производства и обращения и за ходом накоплений в обобществленном хозяйстве. Применяя этот жесткий контроль рублем, Госбанк тем самым укрепляет хозрасчет государственных предприятий как основной рычаг выполнения планов и по количеству и по качеству продукции²⁸. Госбанк не в меньшей мере, чем бюджет, регулирует таким образом движение денежных потоков.

Итак, на базе общественного производства наше товарно-денежное обращение регулируется пролетарским государством. Но это все же именно обращение. Пролетарское государство и его органы рядом рычагов регулируют направление движения денег, но это движение совершается в форме длинного ряда переходов каждой денежной единицы из рук в руки, обслуживания целой цепи актов купли-продажи, причем деньги могут задерживаться, накапливаться и т. д. Отсюда неизбежны и специфические противоречия обращения, хотя они и носят принципиально иной характер, чем в буржуазном обществе.

Противоречия в обращении являются выражением общих противоречий в нашей экономике.

Основным противоречием нашего обращения на первом этапе нэпа было то, что наша торговля того периода хотя и регулировалась государством, но допускала участие в товарообороте капиталистического сектора. Это противоречие разрешено почти полным вытеснением частника из оборотов и переходом к советской торговле — торговле без капиталистов и спекулянтов, торговле, предполагающей полное искоренение частников и перекупщиков.

Но это искоренение частника и перекупщика отнюдь не завершено. Борьба со спекуляцией и с буржуазными тенденциями в торговле и в денежном обращении является боевой задачей сегодняшнего дня.

Основной трудностью в процессе регулирования денежного обращения на современном этапе является недостаток товаров по сравнению с гигантски возросшими потребностями (несмотря на огромный абсолютный рост продукции).

В эти щели наших трудностей и недостатков влезает классовый враг, вызывая проявление буржуазных тенденций в торговой сети, вздувание цен, пренебрежительное отношение к потребителю и его запросам и т. д.

Превращение товаров в деньги (первая фаза метаморфоза) в товарно-капиталистическом хозяйстве представляет наибольшие трудности и является настоящим «смертельным прыжком» для товара. В нашем хозяйстве это «сальто-мортале» в принципе уничтожено, поскольку преобладающие массы товаров производятся в обобществленном хозяйстве, т. е. по плановому заданию, поскольку платежеспособный спрос на них обеспечен в момент их производства, поскольку мы планируем в основном не только производство и движение товаров, но и движение денег им навстречу. Мы по сути дела имеем возможность планировать встречу $T—D$. Рычаги

²⁸ См. формулировку роли Государственного банка в постановлении СНК СССР о поправках к кредитной реформе от 20 марта 1931 г.

здесь — это планирование цен, планирование товарных потоков и наконец кредитный и кассовый план — планирование денежных потоков. Здесь опять-таки сказывается роль диктатуры пролетариата как субъекта нашего экономического развития. Но действительное регулирование нашего обращения происходит лишь через преодоление противоречий, через классовую борьбу на этом фронте.

Еще имеющийся, хотя все время уменьшающийся недостаток товаров дает возможность нашей кооперации и госторговле практиковать высокомерно-пренебрежительное отношение к запросам потребителя («лопай, что дают»); неповоротливость и плохая организация торговой сети при плохом зачастую качестве и ассортименте товаров да еще часто при самовольном повышении цены приводят иной раз к затовариванию тех или иных товаров, несмотря на то, что о «перепроизводстве» в нашем плановом хозяйстве не может быть и речи, несмотря на то, что платежеспособный спрос, емкость рынка непрерывно растут на базе роста благосостояния широчайших трудящихся масс и реализация произведенной продукции при правильной организации дела обеспечена. Нужна повседневная и упорная борьба за плановую реализацию товаров, за быстроту, интенсивность товарооборота.

С другой стороны, буржуазные тенденции проявляются и в фактах разбазаривания товаров не по плановому назначению, лишь бы быстрее и дороже сбыть, лишь бы «себе» урвать прибыли побольше, хотя бы в ущерб общегосударственным интересам (реализация в городе товаров, предназначенных для деревни, самовольная продажа совхозами по коммерческим ценам той продукции, которая должна быть сдана государству, и т. д.). С точки зрения буржуазного товарооборота, где прибыль является единственной целью, мыслимо лишь первое затруднение в процессе превращения товара в деньги — затоваривание, задержка реализации; с точки зрения нашего обращения, целью которого являются процессы социалистического строительства, не меньшим преступлением является партизанское рваческое разбазаривание продукции.

* * *

В нашем хозяйстве благодаря преобладанию обобщественного сектора в промышленности, сельском хозяйстве и товарообороте основные денежные массы постоянно, обслуживая ряд актов купли-продажи, возвращаются в конечном счете к своему исходному пункту — в кассы Госбанка. В основе краткосрочного кредитования хозяйства Госбанком лежит принцип срочности и возвратности кредита. Колхозы, колхозники, трудящиеся-единоличники, получая деньги за продаваемые государству и кооперации с.х. продукты, уплачивают их государству же за промтовары и т. п. Большая часть зарплаты возвращается через посредствующие звенья госторговли и кооперации в кассы Госбанка.

Это возвращение преобладающих масс денег к своему исходному пункту — в кассы Госбанка — и создает возможность управления движением денежных масс и постоянного поддержания в определенном соответствии соотношения товарной и денежной массы в обращении. Однако это возвращение денежных потоков в кассы Госбанка вовсе не происходит автоматически, самоотеком, и эта закономерность, как все вообще экономические законы в эпоху диктатуры пролетариата, реализуется лишь в результате ожесточенной классовой борьбы.

При недостаточности промтоваров вырученные крестьянством за продажу с.-х. продуктов по рыночным ценам деньги в известной части застревают в деревне. В иных случаях это оседание денег является прямым результатом деятельности классового врага.

С другой стороны, саботаж государственных интересов, расхищение господоходов буржуазными перерожденцами из числа некоторых наших хозяйственников доходят до того, что люди скрывают, прячут эт финорганов размер оборота своего предприятия, бесконечно затягивают уплату налога с оборота по принципу — сначала «себя», «свое» предприятие по горло обеспечить, а в последнюю очередь — государству.

Другая форма расхищения государственных средств — это необоснованные, преувеличенные заявки, проедание кредитов, расходование их на другие цели, перерасход фонда заработной платы при невыполнении плана и т. д. Ввиду недостатков планирования и местнических рваческих тенденций ряда хозяйственников возможно иногда перекредитование тех или иных отраслей промышленности, поскольку Госбанк не всегда еще достаточно изучает и охватывает хозяйство кредитуемого предприятия в целом. Бывают например случаи, когда кредит дается под тот или иной объект, в то время как у предприятия по другому объекту имеется излишек средств; в результате нет достаточного стимула к уменьшению незавершенного производства, продажи излишних запасов не получается. Вместо выполнения закона об обязательной продаже ненужных в производстве ценностей иной хозяйственник рассуждает: «Авось лет через пять понадобится...» В результате проявления буржуазных тенденций оборот замедляется, растут издержки обращения; в руках населения и в кассах предприятий застревают денежные излишки, которые давят на рынок, вздувают цены, подрывают нашу работу по подъему потребления масс и влияют на устойчивость рубля.

Задача состоит в жестком проведении хозрасчета, в максимальной мобилизации внутренних ресурсов для выполнения количественных и качественных показателей промфинплана, в частности в выполнении и перевыполнении планов легкой промышленности, в увеличении на советском рынке промтоваров. С другой стороны, в тесной связи с этим стоит задача всемерного укрепления всех наших финансовых рычагов, при помощи которых мы планируем и регулируем денежное обращение, и с этой стороны — борьбы с элементами стихийности на рынке, в частности в денежном обращении:

Госбанк наш является сильнейшим орудием борьбы против антигосударственных тенденций в денежном обращении, против буржуазных извращений хозрасчета, ибо Госбанк прежде всего теснейшим образом связан со всем хозяйством, со всеми взаимными контрагентами по линии кредита и взаимных расчетов. С другой стороны, банк выступает в противовес «собственным» интересам отдельных предприятий как представитель пролетарского государства в целом, его основных, коренных, наиболее существенных задач. Усиление жесткой плановой дисциплины, усиление организующей роли нашей финансовой системы является сейчас важнейшим делом, без решения которого мы не поднимем наше планирование на новую ступень, которую требует задача о с в о е н и я новых предприятий в промышленности и в сельском хозяйстве.

Таким образом на базе обобществленного производства и товарооборота пролетарское государство получает колоссальные возможности управления денежным обращением, непосредственного его планирования. Но этот процесс, как мы видели, реализуется в жестокой классовой борьбе со спекуляцией, хищничеством остатков капитализма, с собственническими тенденциями колхозника и отдельных колхозов и с бесхозяйственностью, недисциплинированностью, а порой и рваческими, антигосударственными тенденциями отдельных наших хозяйственников.

Одной из форм борьбы за плановое денежное обращение, за социалистическое проведение хозрасчета на базе общегосударственного плана является контроль рублем, который осуществляется диктатурой пролетариата через свою финансовую систему. Теснейшая связь последней с производством и обращением, то, что наша финансовая система осуществляет распределение и перераспределение средств между нашими отраслями, то, что наш Госбанк является единственным и всеобщим расчетным и кредитным центром, — все это дает возможность нашей финансовой системе активно воздействовать на процесс реализации планов в производстве и товарообороте путем жесткого пресечения рублем бесхозяйственности и т. д., с одной стороны, и стимулирования рублем с целью достижения наибольшей эффективности вкладываемых средств — с другой. Задачей этой борьбы является интенсификация процессов производства и товарооборота, увеличение накопления на базе проведения социалистического хозрасчета. Особенно большое значение приобретает действительное проведение контроля рублем в свете задачи, поставленной январским пленумом ЦК, задачи освоения новой техники, поднятия производительности труда, сокращения себестоимости. Освоение требует поднятия нашего планирования и внутри предприятий и во всем нашем хозяйстве на еще большую высоту — внедрение контроля рублем, создание твердой финансовой дисциплины являются важнейшим звеном в этом деле.

* * *

Деньги есть «свидетельство на получение общественного богатства». В товарном хозяйстве деньги выступают как всеобщее покупательное средство, как самодовлеющая «общественная сила»; деньги как таковые дают их обладателю общественную власть и господство. Деньги как «свидетельство на получение общественного богатства» означают возможность монополизации общественного труда в руках частных лиц и превращения денег в капитал. Превращение этой возможности в действительность зависит однако от такой экономической обстановки, в которой деньги функционируют.

На заре меновых отношений деньги использовались лишь по формуле $T—D—T$ (продажа для покупки), однако и здесь уже форма денег как свидетельства на получение общественного богатства способствовала разложению натурально-потребительных форм хозяйства.

Капиталистическое использование денег происходило скачками в форме ростовщического и торгового капитала. Лишь с возникновением капиталистического способа производства имело место превращение денег в капитал в собственном смысле слова.

Пролетарская революция превратила деньги в мощное орудие перераспределения общественного богатства и социалистического накопле-

ния в руках пролетарского государства. Но, с другой стороны, деньги в процессе обращения оставались «фактическим правом на эксплуатацию» в руках отдельных лиц, собственников денег. Однако уже на первом этапе нэпа возможности превращения денег в капитал были в огромной степени подорваны как пролетарской национализацией командных высот народного хозяйства, так, в дальнейшем, и всей экономической политикой ограничения и вытеснения капиталистических элементов. Тем не менее связь между деньгами и капиталом на первом этапе нэпа еще не порвана, деньги еще функционируют как средство получения прибавочного продукта общества на широком поле мелкого производства в деревне и в значительной мере в сфере товарооборота между городом и деревней.

Другое дело — на новом, последнем этапе нэпа, в эпоху ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, в эпоху развернутого социалистического наступления по всему фронту и вступления в период социализма. Сфера и возможности превращения денег в капитал сужены до ничтожного как в области производства, так и в области товарооборота. «В результате осуществления большевистских темпов социалистического строительства и ликвидации в основном паразитических классов уже в первом пятилетии ликвидируются основы и источник эксплуатации человека человеком»²⁹. «Власть денег» в основном уничтожена. Правда, лишенные в основном своей производственной базы капиталистические элементы и пользуются всецели бесхозяйственности и буржуазных тенденций в социалистическом хозяйстве для спекуляции, срыва советской политики цен, дезорганизации нашего денежного обращения и хищнического накопления денег в качестве капитала. В основном, поскольку речь идет об отдельных лицах, деньги функционируют как свидетельство на получение общественного богатства лишь в смысле права, как присвоение средств потребления. В этом смысле и в этой сфере деньги остаются покупательным средством и с переходом от системы централизованного распределения и нормирования к системе развернутой советской торговли деньги в этой сфере — сфере обращения средств потребления — будут все более становиться всеобщим покупательным средством. Деньги перестали быть «общественной силой», стоящей над обществом, зато наша денежная система является мощной силой в руках пролетарского государства, силой подчиненной плановому руководству пролетарской диктатуры.

Ничего не поймет в природе и основах устойчивости наших денег, нашей денежной системы тот, кто не признает принципиального отличия советских денег от капиталистических, всего своеобразие их функционирования в переходный период. И не случайно, что именно эти люди, начиная от социал-фашистов и кончая отдельными оппортунистическими элементами в нашей партии, вопят о неустойчивости нашей денежной системы, о том, что будто бы наш рубль не имеет реальной ценности. Тов. Сталин дал им исчерпывающий ответ: «Как можно утверждать, что наша советская валюта не представляет никакой ценности? Разве это не факт, что на эту валюту строили мы Магнитострой, Днепрострой, Кузнецкстрой, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автомобильные заводы, сотни тысяч колхозов и тысячи совхозов? Не думают ли эти господа, то все эти предприятия построены из соломы или из глины.

²⁹ Резолюция XVII партконференции.

а не из действительных материалов, имеющих определенную ценность? Чем обеспечивается устойчивость советской валюты, если иметь в виду конечно организованный рынок, имеющий решающее значение в товарообороте страны, а не рынок неорганизованный, имеющий лишь подчиненное значение? Конечно не только золотым запасом. Устойчивость советской валюты обеспечивается прежде всего громадным количеством товарных масс в руках государства, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам. Кто из экономистов может отрицать, что такое обеспечение, имеющее место только в СССР, является более реальным обеспечением устойчивости валюты, чем любой золотой запас? Поймут ли когда-нибудь экономисты капиталистических стран, что они окончательно запутались с теорией золотого запаса, как единственного обеспечения устойчивости валюты?»³⁰. Устойчивость наших денег, характер и формы проявления ее теснейшим образом связаны со всей сутью нашей экономики, с тем, что все рычаги в громадной преобладающей своей части общественного социалистического хозяйства пролетарское государство держит в своих руках. Наше денежное обращение покоится на движении товаров, находящихся в руках государства, и на ценах, которыми государство владеет и управляет. Эти рычаги в результате успешного завершения первой пятилетки сильно выросли. Устойчивость наших денег заключается в том, что мы превратили их в орудие распределения общественного труда в не о б х о д и м о м нам направлении—социалистической индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства и улучшения материального положения трудящихся. Мы успешно профинансировали первую пятилетку, и в настоящее время в связи с задачами второй пятилетки поднимаем нашу денежную систему на еще большую высоту—превращаем наш рубль во все более послушное и верное нам орудие социалистического учета и контроля труда, в орудие стимулирования к труду, в орудие борьбы с обезличкой, уравниловкой, в орудие контроля над «мерой труда и мерой потребления». Ценность наших денег заключается в тех реальных количествах общественного труда и продукта, которые приводятся в движение управляемыми нами денежными потоками.

Существует троцкистская теория, отрицающая единство нашей денежной системы на том основании, что у нас существуют разные цены, и делающая вывод отсюда, что у нас «разные рубли». Это теснейшим образом связано с троцкистским отрицанием руководящей роли диктатуры пролетариата в отношении революционного преобразования всей экономики переходного периода, в форме ограничения и вытеснения капитализма на первом этапе и ликвидации на последнем этапе и социалистической переделки мелкого производства. В том, что мы управляем нашим ценообразованием соответственно нашей классовой политике, проявляется именно единство нашей денежной системы.

Не может быть и речи о различных типах общественного учета, о различных деньгах в отдельных секторах даже на прошлом этапе. Это означало бы, что каждый из секторов живет за загородкой, не общаясь друг с другом; теории разных рублей являются отрицанием ведущей роли социалистического сектора и социалистического преобразования всей нашей экономики.

Деньги — выражение общественной связи, и они выражают ту общественную связь, которая и образует единство нашего народного

³⁰ С т а л и н, Итоги первой пятилетки.

хозяйства. На прежних этапах нашего развития наши деньги выражали прежде всего связь и противоречие обобщественного и необобщественного секторов. На современном этапе советские деньги выражают преобладание и господство социалистического сектора, обобщественного труда по отношению к труду необобщественному, отодвинутому на второстепенное место в народном хозяйстве. С другой стороны, в денежной форме осуществляется и следовательно в деньгах выражается непосредственно плановая связь между предприятиями самого обобщественного сектора; деньги являются орудием хозрасчетного управления всем государственным хозяйством; наконец, что наиболее характерно для роли денег на современном этапе, в них находит свое выражение прежде всего характер общественно-трудовых связей между последовательно социалистической промышленностью и колхозной деревней при руководящей роли первой.

Мы уже настолько обобществили, что имеем план во всем народном хозяйстве, но еще не настолько, чтобы заменить деньги прямым и непосредственным учетом общественного труда. Сами деньги являются важнейшим инструментом этого дальнейшего обобществления, которое на определенной ступени развития сделает их ненужными.

Превращение денег в планомерно регулируемое орудие социалистического строительства коренным образом изменило роль золота внутри нашей страны. В капиталистических странах золото в качестве денежного товара является основой денежного обращения. Внутри СССР золото не является деньгами, поскольку покупательная сила денег регулируется не стихийными законами стоимости, а планом пролетарской диктатуры. Плановое хозяйство, растущее из года в год; растущее производство и расширяющийся товароборот при громадной емкости советского рынка на основе растущего благосостояния масс; обращение основных масс товаров на основе государственных планов и по плановым ценам; наличие в руках пролетарского государства могучих рычагов для искоренения всякой спекуляции и для регулирования цен, — все эти моменты и являются действительной основой нашей валюты.

Эта новая основа прочности нашей валюты вовсе не означает однако, что золото нам не нужно, что мы можем относиться с пренебрежением к золотому сокровищу нашей Госбанка. Золото остается платежным средством в наших международных расчетах с капиталистическими странами, во внешней торговле. «С волками жить — по волчьей выть», а потому «беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле»⁸¹. Лишь после победы пролетариата в мировом масштабе золото действительно потеряет свое значение денежного товара. Об этом времени Ленин писал: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаю, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десятки миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 гг...»⁸².

⁸¹ Ленин, т. XXVII, стр. 82.

⁸² Там же.

* * *

При каких же условиях мы можем заменить косвенный денежный учет труда прямым и непосредственным учетом рабочего времени в общехозяйственном масштабе? При каких условиях обращение станет ненужным и будет заменено прямым социалистическим распределением? Какие условия необходимы, для того чтобы уничтожить деньги? «Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги» — писал Ленин. Каковы же эти технические и организационные предпосылки, необходимые для уничтожения денег?

1) Необходимо завершить перестройку всего нашего хозяйства на новейшей технической базе электрификации и новейшего передового машиностроения.

2) Нужно завершить сплошную коллективизацию и ликвидацию качества как класса, техническое перевооружение колхозов на базе МТС; через их организационное укрепление и социалистическое перевоспитание колхозников уничтожить различие экономической формы между колхозами и предприятиями последовательно социалистического типа; превратить с.-х. труд в разновидность индустриального труда, полностью ликвидировать отставание производительных сил в сельском хозяйстве, уничтожить противоположность между городом и деревней.

3) Уничтожением оставшейся нам в наследство от капитализма пестроты в уровне производительных сил между различными отраслями народного хозяйства при завершении технической реконструкции всего народного хозяйства и высоком уровне обобществления будут созданы общие, предварительные условия для перехода к прямому непосредственному учету общественного труда в единицах рабочего времени. Однако этого мало. Для того чтобы в максимальной степени устранить элемент случайности в определении действительных трудовых затрат отдельных предприятий и этим самым сделать их прямо и непосредственно сравнимыми, нужна еще длительная и упорная борьба за правильную, четкую, научно поставленную организацию труда; нужно, далее, внедрить во все наше хозяйство широко организованное, охватывающее все производственные процессы, вполне научное техническое нормирование; нужна также выработка больших навыков социалистической калькуляции среди наших хозяйственников и рабочих, что может быть достигнуто лишь всемерным укреплением хозрасчета снизу доверху. Все эти моменты требуют большего подъема культурности и овладения техникой широкими слоями рабочего класса и колхозников.

4) Наконец «нам нужно наладить такой передаточный распределительный аппарат между городом и деревней, который был бы способен учесть и удовлетворить потребности города и деревни всей страны так же, как каждый человек учитывает у себя свой бюджет, свои расходы и доходы. И когда мы добьемся всего этого, надо полагать, что наступит время, когда не будет уже нужды в деньгах, но до этого еще далеко»³³.

По завершении процесса ликвидации капиталистических элементов и классов вообще деньги, поскольку они останутся еще в качестве средств хозяйственной связи, будут правом на получение общественного богатства. Конкретное содержание однако здесь будет следу-

³³ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 308.

ющее: а) перераспределение общественных богатств в руках всего общества (социалистического государства), б) право на получение потребительских благ в руках производителей на основе количества и качества отданного обществу труда (как например. буржуазное право). Капиталистическое использование денег, присвоение частными лицами прибавочного продукта общества уже невозможны. «Власть денег», которая сведена была до ничтожного удельного веса на предыдущих этапах (на последнем этапе нэпа), здесь уже полностью уничтожена. Это означает историческую подготовку отмены денег, когда условия развития производительных сил, школа социалистической калькуляции и т. д. позволяют отказаться от этого инструмента и перейти к учету в натурально-трудовых единицах.

Итак, деньги можно будет уничтожить тогда, когда будет налажено коммунистическое производство и распределение продуктов в масштабе всей страны (из программы ВКП(б).

Таковы условия, без осуществления которых деньги нельзя уничтожить. Но дело в том, что осуществить эти условия мы можем при помощи тех же денег, через всемерное укрепление нашего рубля и расширение товарооборота и денежного обращения. Путь к уничтожению денег лежит через укрепление денег и денежного обращения, через повышение их роли в нашем строительстве.

Мы не можем добиться того подъема производительности труда, завершения технической реконструкции всего народного хозяйства, того роста плановости, который необходим для уничтожения денег, без использования всех сил, заложенных в обратном действии сферы обращения на производство, без использования стимулирующей учетной и контролирующей роли денег. Это обратное действие нашего денежного орудия проявляется прежде всего в хозрасчете и контроле рублем.

Контроль рублем нам нужен против обезлички и уравниловки в производстве и торговле, против мелкобуржуазного отношения к труду. Хозрасчет представляет величайший стимул к снижению себестоимости, к рационализации производственного процесса, мобилизации внутренних ресурсов. Лишь хозрасчет обеспечивает социалистическую рентабельность наших предприятий, рост внутривымышленного накопления. Социалистический характер не имеет ничего общего с теми буржуазно-нэпманскими извращениями, с которыми мы имели дело в ряде союзов Союзахара и т. д. В этих случаях интерес социалистического государства приносится в жертву узко и мелко понятому «интересу» «своего» предприятия, практикуются беспардонное рвачество и разбазаривание государственного имущества. Социалистический хозрасчет есть орудие социалистического плана; буржуазно-нэпманские извращения хозрасчета означают удар по плану, его дезорганизацию.

Контроль предприятия рублем со стороны банка, т. е. со стороны государства, взаимный контроль поставщиков и потребителей через разветвленную систему договоров, хозрасчет внутри предприятия (цехи и бригады) — это звенья единой цепи, образующей целую систему хозрасчетных связей, систему хозрасчетного управления общественным хозяйством. Эта система зиждется на твердом централизованном плановом руководстве и плановой дисциплине, соединенных с самостоятельностью и хозяйственной инициативой предприятия в пределах плана, при обеспечении живого непрерывного контроля над количественным и качественным выполнением плана.

Не меньшую роль играет и будет играть развертывание советской торговли. XVII партконференция указывает на рост товарооборота между городом и деревней как на одно из условий полного уничтожения противоположности между городом и деревней. Тот великолепный, мощный передаточно-распределительный аппарат, о котором писал т. Сталин, может быть создан лишь всемерным развертыванием товарооборота.

Лишь через развертывание товарооборота возможно на данном этапе выявить и мобилизовать огромные неиспользованные ресурсы, имеющиеся во всем нашем хозяйстве, вызвать к жизни «новые товарные ценности», а это необходимая основа для ускорения роста социалистического накопления и следовательно ускорения темпов всего нашего строительства, для осуществления решений XVII партконференции об увеличении снабжения масс предметами потребления. Советская, в частности колхозная, торговля—одно из важнейших условий организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Чрезвычайно важно то, что советская торговля по мере ее развертывания создает все необходимые предпосылки для действительного и последовательного проведения принципа оплаты по количеству и качеству труда, характерного для первой фазы коммунизма. «Именно в условиях развернутой советской торговли, в условиях ликвидации дефицитности отдельных товаров будут до конца ликвидированы элементы уравнительности. Тогда в значительно большей мере, чем сейчас, будет осуществлен принцип «за равное количество труда—равное количество продукта», ибо возможности приобретения товаров будут находиться в прямой зависимости от качества и количества потраченного труда, от заработка рабочего»³⁴.

Советская торговля является следовательно важнейшим условием социалистического расширенного воспроизводства и присущей современному этапу формой социалистического распределения. «Этот этап советской торговли нам необходимо пройти для того, чтобы вышколить наши организации по-советски, по-социалистически, для того, чтобы научить их изучать потребителя, руководствоваться его интересами, его потребностями, для того, чтобы наладить гибкие торговые распределительные организации»³⁵.

Таким образом создание механизма социалистического учета и расчета, выработка правильной и точной социалистической калькуляции, создание социалистического распределительного аппарата, обеспечение условий для наиболее полного и последовательного проведения принципа распределения по количеству и качеству труда, — все это строится при помощи использования денежной формы, иначе построено быть не может.

Социализм приносит с собой огромный рост связей между всеми элементами народного хозяйства. Хозяйство СССР превращается постепенно в единый народнохозяйственный комплекс, в «крупнейшую машину, в хозяйственный организм, где бы сотни миллионов людей руководились единым планом» (Ленин). Хозрасчет, советская торговля и денежное обращение играют гигантскую роль как формы осуществления этих народнохозяйственных связей.

Из этого следует, что деньги будут играть важнейшую роль в нашем строительстве и во второй пятилетке и за ее пределами.

³⁴ «Правда» № 234 от 24 августа 1932 г., «Уголок пропагандиста».

³⁵ Стецкий И., Речь на XVII партконференции.

Вопреки убогим и плоским представлениям леваков о сужении сферы обращения и уменьшении ее значения по мере продвижения к социализму мы будем, напротив, иметь интенсификацию и расширение сферы обращения и повышение роли нашего рубля как все более верного орудия нашего планирования и контроля. Условия второй пятилетки и следующего за ней периода создают наибольшие возможности для полного и наиболее успешного использования денег в деле построения социализма. В противоположность капиталистическому Западу, где кризис приводит к развалу денежного обращения, в СССР наблюдается огромный рост доверия масс к нашей финансовой системе. Ее укрепление — боевая задача нашего строительства. «Вся система хозрасчета и денежного хозяйства играет огромную роль воспитателя всех хозорганов в методах социалистической калькуляции, в методах социалистического учета и расчета, подготавливая тем самым тот механизм, который должен будет заменить деньги, когда успехами нашего социалистического строительства они будут сданы в архив истории. Но чтобы это случилось скорее, нам нужно теперь самым энергичным образом укреплять нашу денежную систему и денежное хозяйство.

Диалектика развития заключается в том, что чем крепче мы организуем в настоящее время нашу денежную систему, чем лучше обеспечим ускорение темпов социалистического накопления в нашей стране, чем прочнее сделаем наш червонец, который служит нам для накопления и одновременно как мерило ценности и расчетов, тем быстрее обеспечим мы построение социалистического общества»³⁶.

Решительная борьба с оппортунизмом, в том числе с оппортунизмом в теории денежного обращения, как с правым оппортунизмом — главной опасностью, так и с левацким оппортунизмом является совершенно обязательным условием выполнения грандиозных задач построения бесклассового общества.

XVII партконференция подчеркивает «антибольшевистский характер левой фразы о переходе к «продуктообмену» и об «отмирании денег уже на данной стадии строительства социализма. Конференция подчеркивает, с другой стороны, полную несовместимость с политикой партии и интересами рабочего класса буржуазно-нэпманских извращений принципа хозрасчета, выражающихся в разбазаривании общенародных государственных ресурсов и следовательно в срыве установленных хозяйственных планов».

³⁶ Гринько. Речь на XVII партконференции.

ПРОГРАММА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Национал-социализм — партия германского фашизма, возникшая лишь в период всеобщего кризиса капиталистической системы. Фашизм вообще, будь то итальянский, польский, югославский или какой-либо иной, является продуктом кризиса капитализма как системы. Фашизм есть выражение неспособности буржуазии справиться с пролетариатом, обезопасить себя от пролетарской революции «нормальными» методами, т. е. методами обмана, парламентского оглушения, буржуазно-демократического развращения масс. Мировой экономический кризис чрезвычайно ускорил развитие фашизма в ряде буржуазных стран. В фашизме буржуазия видит, во-первых, средство найти выход из кризиса и, во-вторых, возможность справиться с радикализирующимися пролетарскими массами, раздавить коммунизм.

В Германии фашизм вырос как раз на волне кризиса. Мелкая буржуазия, разоряемая кризисом, ремесленники, торговцы, крестьяне, разочаровавшиеся в способности старых партий веймарской коалиции дать выход из нищеты, разорения, пауперизации, бросились в лагерь фашизма.

Виной этому является германская социал-демократия. Она расколола рабочий класс, обманывая находящиеся под ее влиянием рабочие массы лозунгами демократии и парламентаризма, сея иллюзии о возможности осуществить социализм без революции, путем «врастания социализма в капитализм». Социал-демократия прокладывала путь фашизму, подготавливала его приход всей своей политикой. Расколотый социал-демократией рабочий класс не сумел повести за собой мелкобуржуазные массы по пути свержения капитализма. Компартия — единственная партия, борющаяся с фашизмом, — не смогла еще вырвать из-под влияния социал-демократии идущие за нею рабочие массы, отход которых от социал-демократии происходил медленнее, нежели росло влияние национал-социалистов.

Партия национал-социалистов своей по внешности «антикапиталистической» демагогией сумела запрячь мелкобуржуазные массы в колесницу финансового капитала уже в иной форме, не буржуазно-демократической, а фашистской. Идя к национал-социализму, мелкий буржуа думал, что он получит наконец в его лице свою партию, которая будет бороться за его собственные интересы, в противоположность партиям Веймарской конституции, в которых он видел партии финансового капитала. Переход к национал-социалистам значительных масс мелкой буржуазии был выражением бунта мелкобуржуазных масс против финансового капитала. Финансовый капитал смог удержать мелкобуржуазные массы под своим влиянием лишь через быстро развившуюся, еще не обанкротившуюся партию национал-социалистов.

Партии Веймарской конституции обанкротились в глазах масс. Центр, народная, демократическая и с.-д. партии всемерно проводили

«политику выполнения». Мелкий буржуа видел в них партии, которые не имеют смелости выступить против французского и польского империализма, разорвать версальские пути. Национал-социализм и вырос прежде всего как партия безмерной национал-шовинистической демагогии, как партия, которая обещала массам покончить с национальным унижением Германии, восстановить былую мощь Германской империи, обещала вернуть Германии ее былое империалистическое могущество. Национал-социализм сумел развернуть бешеную национал-шовинистическую демагогию.

«Страх, который наша эпоха испытывает перед шовинизмом, является показателем ее бессилия. Так как она не имеет избыточных сил, то ей уже не суждено выполнить великое дело, ибо величайший переворот на этой земле был бы невымыслим, если бы движущей силой не явились фанатические и даже истерические страсти. Не подлежит однако сомнению, что этот мир идет навстречу великому перевороту, и вопрос лишь в том, явится ли этот переворот спасением для арийского человечества или же он пойдет на помощь вечному жиду. Народническое государство (т. е. фашистское государство — *И. Д.*) должно будет заботиться о том, чтобы путем соответствующего воспитания юношества сохранить поколение, созревшее для последних и величайших решений. Народ, который первым вступит на этот путь, окажется победителем»¹.

Что же обещала германская национал-социалистская партия массам в своей внешней политике? Реванш французскому и польскому империализму, создание могучей Германии, возврат утраченных Германией в мировую войну земель в Европе, расширение германских земель за пределы тех границ, которые существовали во время Версаля, возврат Германии старых колоний, получение новых. Этим она сумела создать ту «универсальную» идеологию, на основе которой объединила вокруг себя мелкобуржуазные массы.

«Во-первых, я хотел бы подчеркнуть, — пишет Гитлер, — следующее: требование восстановления границ 1914 г. является политической бессмыслицей, которая может вызвать такие последствия, что это требование будет преступлением. Мы уже не говорим о том, что границы империи в 1914 г. отличались чем угодно, но только не своей логичностью, ибо они в действительности не были ни понятны с точки зрения сплочения немецкой нации, ни разумны в отношении их военно-географической целесообразности. Они не являлись результатом обдуманых политических действий, а временными границами далеко не закончившейся политической борьбы и отчасти даже результатом случайности»².

Гитлер требует не восстановления границ 1914 г., отнюдь нет. Он требует «великой Германии», выходящей далеко за пределы границ 1914 г. Самые сумасшедшие мечты германских империалистов эпохи мировой войны национал-социализм возвел в программу. Внешнеполитические пункты программы национал-социализма гласят:

1. Мы требуем соединения всех немцев в великую Германию.

2. Мы требуем установления равноправия немецкого народа с другими национальностями, унич-

¹ Gítler, *Mein Kampf*, München 1932, 16 Auflage, S. 475.

² *Ibid.*, S. 736.

тожения Версальского и Сенжерменского договоров.

3. Мы требуем колоний для снабжения наших народов и заселения их нашим населением».

Выставляя эти внешнеполитические пункты, германский национал-социализм выступает как застрельщик интересов немецкого империализма и его огромных appetitов. Лишенный по Версальскому договору права вооружаться, иметь самостоятельную армию, потерявший ряд своих областей на востоке и западе Европы, германский империализм, имеющий в своем распоряжении огромную промышленность, самую передовую в Европе, хочет ревизии версальских границ, хочет возврата колоний, присоединения к себе новых и новых областей.

Д-р Мегерле, националист, описывает в своей статье, помещенной в книжке Эриха Гюнтера «Чего мы ожидаем от национал-социализма» (Гельборн 1932 г.), важнейшие причины, которые привели к росту влияния национал-социализма: «Чем выше становится национал-социалистическое движение, чем шире становятся народные слои, которые оно способно вовлечь в свои ряды, и чем больше оно рассматривается своими противниками как движение, претендующее на власть, — тем больше становится опасностью того, что движение исчерпает свои силы во внутривнутриполитических боях и группы его сторонников используют его для выполнения своих экономических и социальных требований. Это развитие противоречило бы тому толкованию национал-социализма, которое заключается в том, что национал-социализм является биологически правильной реакцией заболевшего организма немецкого народа и что ему еще предстоит выдержать последнюю пробу в области внешней политики. Национал-социализм поэтому не должен забывать, что он вырос благодаря внешним политическим причинам, что почва, в которую вошли его корни, была взрыта страшнейшими потрясениями, которые пережили германский народ и германское государство».

Д-р Мегерле опасается, что «группы» сторонников национал-социализма «используют его для выполнения своих экономических и социальных требований». Мегерле понимает, что задачи национал-социализма заключаются прежде всего в том, чтобы удержать эти разношерстные группы с противоречивыми и зачастую прямо противоположными интересами в рамках единой национал-социалистической партии, т. е. в пределах влияния осуществляющего фашистскую диктатуру финансового капитала. Мегерле понимает, что в обстановке нынешнего кризиса, резкого сокращения национального дохода Германии, обострения классовой борьбы, быстрой радикализации пролетариата и убыстрения процесса перехода пролетариата в лагерь коммунизма германский национал-социализм вряд ли что-нибудь может дать идущим за ним мелкобуржуазным слоям, неизбежно должен будет потерпеть банкротство в вопросах внутренней политики. Не сумеет ничего дать массам, германский национал-социализм будет искать разрешения внутригерманских проблем во внешнеполитических авантюрах.

Приход к власти национал-социализма знаменует собой непосредственную подготовку войны в Европе. Это не значит, что национал-социалисты поведут войну сегодня или завтра. Для этого Германия еще недостаточно подготов-

лена. Германская буржуазия пока боится воевать, опасаясь социально-политических последствий внутри страны (революция), боясь быть разбитой в боях с превосходящими ее силами французским и польским империализмом. Национал-социализм пока готовится к войне. Приход к власти национал-социалистов сопровождается ростом германских вооружений. Геринг недаром заявил о необходимости превратить воздушный флот Германии в мощную боевую силу. Ряд французских газет сообщает о том, что национал-социалисты тайно вооружаются, строят танки, производят тяжелую артиллерию и т. д. — все те виды вооружения, которые запрещены Германии по Версальскому договору. Так или иначе, но приход национал-социалистов к власти означает, что война приближается гигантскими шагами.

Национал-социализм будет вынужден вести политику авантюры. Отсюда — стремление произвести фашистский переворот в Австрии и осуществить аншлюсс, для того чтобы подогреть шовинизм и попытаться доказать массам, что фашизм может дать кое-что Германии. Отсюда — подготовка к захвату Шлезвига и т. д. Но на войну с французским империализмом германский фашизм пока пойти не хочет, по крайней мере в ближайший период времени. Зато он открыто предлагает уже сейчас, едва только пришедши к власти, свои услуги международному империализму в качестве аванпоста антисоветской интервенции. При условии некоторого изменения границ Польши, возврата Германии «данцигского коридора» германский фашизм согласен предоставить германский народ в распоряжение международных империалистов, чтобы он служил пушечным мясом для разгрома Советского союза.

Германский фашизм пришел к власти под знаменем борьбы с большевизмом, полного уничтожения всякой способности германского пролетариата к экономической и политической борьбе. Террором, расстрелами, пытками и издевательствами над компартией германский фашизм пытается предотвратить пролетарскую революцию. Это — в области внутренней политики. В области внешней политики германский фашизм видит свою миссию в том, чтобы уничтожить Советский союз, мировой большевизм. В этом отношении взгляды национал-социализма особенно развивал небезызвестный редактор «*Völkischer Beobachter*» г-н Розенберг, считающийся у национал-социалистов специалистом по вопросам внешней политики, который посвятил этим вопросам ряд книжек и брошюр. Розенберг открыто проповедывал и проповедует интервенцию против Советского союза. В книжке «*Der Völkische Staatgedanke*», изданной в Мюнхене в 1924 г., Розенберг писал: «Вопрос сегодня стоит так: интернациональное или национальное мышление. Так же как в прежнее столетие борющиеся лагеря создавали себе символы, точно так же в нынешнее время, при котором мир снова делится на два лагеря, эти оба способа мышления создали себе символы: на одной стороне выступило как увенчание интернационального мышления красное знамя с советской звездой и на второй стороне — старинный индо-германский символ поднимающейся жизни — свастика. Под этими символами будет разворачиваться будущая борьба, и один из этих символов должен быть побежден и уничтожен» (стр. 26).

Уже цитированный нами Мегерле излагает внешнюю политику национал-социалистов следующим образом: «Абсолютное сопротивление — вот что мы должны будем пока оказывать — чего бы это ни стоило — Франции и ее системе. Тысячелетний опыт с нашими запад-

ными соседями не позволяет нам верить, будто бы это роковое противоречие может быть ликвидировано в результате взаимного соглашения за круглым столом. Все камни, вырванные из Германской империи на западной границе, перешли во власть Франции или находятся под ее влиянием. По чисто тактическим причинам после того, как было выброшено десять лет на политику примирения и сближения, не остается ничего другого, кроме отказа. Это однако не должно превратиться во внешнеполитическую догму. Если бы например Франция изменила свою политику и освободила нам путь на восток и юго-восток, или повернулась к нам спиной в целях развития своей франко-африканской империи, то это было бы моментом для решающего пересмотра франко-германских отношений. Внешняя политика национализма, которой не угрожал бы тыл наемников и помощников Франции, могла бы подойти по-новому к проблеме франко-германского будущего».

Германский фашизм, пришедший к власти под знаком борьбы против Версаля, в том сложном международном переплете, в котором находится Германия в результате послевоенного развития, вынужден применить, как выражается Мегерле, «политику беспокойства, неуловства и уколов не из-за эгоистических соображений, а ради Европы». Но если бы удалось убедить Францию пойти на кое-какие внешнеполитические уступки, то этой ценой германский фашизм согласился бы превратиться в аванпост антисоветской интервенции. Совершенно бесспорно поэтому, что приход национал-социалистов к власти означает и неизбежное усиление противоречий внутри империалистической Европы и рост опасности интервенции против СССР.

Парафирование «пакта четырех» означает, что Англии — этому организатору антисоветской интервенции, удалось сколотить блок, своим острием направленный против Советского союза. Подписывая этот пакт, германский фашизм рассчитывает на то, чтобы 1) под прикрытием пакта вооружиться, 2) втянуть капиталистическую Европу в войну с СССР.

Теоретическим обоснованием империалистической политики национал-социалистов и их необузданной, неслыханной по своим размерам шовинистической истерии является так называемая теория расы, теория о превосходстве арийской расы над всеми остальными, которая дополняется утверждением, что избранным народом этой арийской расы, ее миссией являются германцы. Для этого соответственно фальсифицируется и подтасовывается история. Идеолог германского национал-социализма Альфред Розенберг посвятил фальсификации истории и ее подгонке под «расистский лад» специальную толстую книгу «Миф XIX столетия».

Эту теорию проповедуют сейчас и японские империалисты в форме утверждения, что призыванием японцев является захватить в свои руки Китай, Сибирь, а потом Индию и весь мир. Расовая теория оказалась средством разжигания шовинизма мелкобуржуазных масс. Эта же теория тесно увязывается с зоологическим антисемитизмом. Впрочем это второе обоснование программного антисемитизма национал-социалистов лежит у них в учении о «процентном рабстве». Но об этом ниже.

Антисемитизм нашел свое достаточно полное выражение в программе национал-социалистов. Из 25 пунктов, принятых национал-социали-

стами в 1920 г., целых 5 пунктов посвящены политическим выеодам из «расовой» теории и политическому обоснованию антисемитизма.

Четвертый пункт программы гласит: «Германским гражданином может быть лишь тот, кто является членом «германского» племени. Членом племени может быть лишь тот, кто имеет немецкую кровь независимо от профессии. Ни один еврей не может быть поэтому членом племени». Никогда, даже во времена царского самодержавия, такая гнусная черносотенная травля, натравливание одной национальности на другую не достигали таких размеров, каких они достигли у национал-социалистских апостолов мировой реакции. Ныне руководящая партия германской буржуазии, осуществляющая в союзе с националистами фашистскую диктатуру в Германии, в осуществление своей программы организовала всегерманский поход против евреев. Германский фашизм далеко превзошел черносотенное самодержавие, которое хотя и организовывало погромы, для того чтобы отвлечь массы от революционной борьбы, но организовало это по возможности скрыто, выдавая погромы за «стихийное возмущение масс». Черносотенные погромщики «Союза русского народа» не могут сравниться с черносотенными погромщиками национал-социалистской партии. Те — щенки по сравнению с этой контрреволюционной сволочью, которая хочет таким образом раздавить революцию.

Программный антисемитизм германского национал-социализма является выражением стремления германской буржуазии путем натравливания германских трудящихся на еврейских отвлечь их внимание от задач борьбы против буржуазии. Он выражает, далее, стремление утверждением, что германские коммунисты являются «апостолами юдоизма», оправдать неслыханный средневековый террор и варварские пытки и издевательства над немецким рабочим классом.

Но ни лозунгами борьбы против СССР, ни своей «расовой» теорией национал-социализм не смог бы завоевать такие гигантские массы, какие он завоевал теперь. Особенностью всей национал-социалистской программы является безбрежная с о ц и а л ь н а я демагогия, обещание всем всего: крупному капиталу — безграничных ссуд и всемерную помощь в деле разгрома всякого сопротивления рабочего класса, «уничтожение классово́й борьбы», безграничное, беспроцентное финансирование; рабочему классу — «социализм»; различным группам городской и мелкой буржуазии и крестьянству — удовлетворение их требований.

Начнем с мелкобуржуазных слоев, потому что в этом — центр программы национал-социалистов. Классовой задачей национал-социализма было привлечение на свою сторону различнейших мелкобуржуазных слоев населения. И он пришел к власти в маске спасителя «миттельштанда» (среднего сословия). «Нам необходимо здоровое среднее сословие» — провозглашает национал-социализм, выставляя себя идеологом этого «среднего сословия».

Ни то, ни другое не соответствует действительности. Фашизм в Германии (как и в Италии, Польше и других странах) вырос и развился как партия монополистического капитала. Его программа выражает требования финансовой олигархии. Разгром пролетарской революции, физическое истребление цвета рабочего класса, лишение пролетариата способности политической и экономической борьбы с капиталом, осуществление неприкрытыми парламентскими и демокра-

тическими побрякушками диктатуры буржуазии — таковы задачи и цели, которые ставит себе фашизм.

Это — главное в германском фашизме. Но осуществить эту основную задачу фашизм вообще, германский фашизм в частности, может, лишь опираясь на мелкобуржуазные слои, отвоеванные у старых мелкобуржуазных партий. Возможности завоевания фашизмом мелкобуржуазных масс были даны всей обстановкой послевоенного развития германского капитализма вообще, действием современного мирового экономического кризиса в частности.

Задача большевиков заключается в том, чтобы рассматривать эти слои не как единое целое (каким их объявляет национал-социализм), а такими, каковы они есть в действительности, — с противоречивыми и прямо противоположными интересами. Именно то обстоятельство, что крупный капитал для разгрома пролетарской революции вынужден мобилизовать и бросить в котел политической борьбы огромные разношерстные мелкобуржуазные массы, таит в себе возможность и неизбежность разложения национал-социалистской партии, потери фашизмом в меру его разоблачения как партии крупного капитала своей массовой базы, отхода от него идущих за ним мелкобуржуазных слоев.

Национал-социализм добился огромных успехов в деле завоевания мелкобуржуазных масс на протяжении последних 3½ лет кризиса. Он мог сделать такие успехи не только потому, что сумел разжечь в этих массах пожар шовинизма, ненависти к версальским победителям, но и потому, что выдвинул такие демагогические лозунги, которые шли навстречу отдельным мелкобуржуазным слоям, лозунги, приспособленные к специфическим интересам каждого мелкобуржуазного слоя в отдельности. Но конечно это не было возможно без выдвижения каких-то общих экономических, социальных лозунгов. Этим лозунгом явился прежде всего лозунг борьбы против «процентного рабства».

Национал-социалисты разработали целую теорию борьбы против ссудно-банковского капитала, против «процентного рабства». Они делят весь капитал на капитал промышленный, ссудный и торговый, относя промышленный к полезному виду капитала, а ссудный и торговый — к паразитическому виду. Промышленный капитал надо всемерно поддерживать. Со ссудным и торговым капиталом — всячески бороться. В книге д-ра Эмиля Маурера «Уничтожение процентного рабства»³, излагающей национал-социалистскую программу борьбы против «процентного рабства», это различие обусловливается следующим образом:

«Необходимо различать между правом заработка и приспособляющимся правом денежного капитала. Всякий труд должен приносить во всяком случае соответствующую прибыль, и всякая работа стоит ее заработной платы. Само собой разумеется, что труд должен быть обязанностью всякого работоспособного гражданина. Всякий работоспособный гражданин должен создавать и все созданное головой или руками в полном размере удерживать у себя в распоряжении. Там, где работа является источником капиталобразования, коренится бесспорное происхождение частной собственности.

Совершенно иначе обстоит дело у крупных банкиров, биржевиков, крупных акционеров и членов наблюдательных советов, которые получа-

³ Emil Maurer, Die Brechung der Zinsknechtschaft, München 1932.

ют свои доходы без труда. Денежный капитал, в основе которого лежит нетрудовой доход, постоянно стремится или путем обмана, или путем насилия вырасти через биржевые маневры, оплачивая газетные объявления и т. д. Такого вида денежный капитал растет за счет трудового бесконечно и лавинообразно. Необходимо различать процентный капитал, финансовый капитал или капитал крупных заемщиков как хищный капитал в противоположность творческому капиталу промышленности, сельского хозяйства, капиталу отдельных трудолюбивых людей».

«Политическая экономия» национал-социалистов находится, как мы видим, на примитивнейшем и вульгарнейшем уровне. Чтобы обосновать единство интересов труда и капитала, скрыть классовые противоречия, национал-социализм сваливает в одну кучу капиталистов и рабочих, объявляя и тех и других обладающими одинаковыми интересами в противоположность угнетающему их ссудно-денежному капиталу. Против ссудного и банковского капитала обращаются их громы и молнии. Они всемерно за поддержку крупного промышленного капитала, объявляя его «творческим» в противоположность ссудному капиталу, который является для них паразитическим видом капитала, эксплуатирующим и промышленника, и рабочего, и мелкую буржуазию.

Самое разделение и противопоставление творческого и ссудного капитала, объявление в противоположность «творческому» капиталу ссудного капитала паразитическим и эксплуататорским, умелое демагогическое использование этого противопоставления в своей агитации среди мелкобуржуазных масс дали возможность национал-социалистам проникнуть в эти мелкобуржуазные массы. Демагогическая «борьба» против ссудного капитала дала возможность национал-социализму выставить себя в качестве «антикапиталистической партии», якобы борющейся с капиталом. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что дело идет об использовании национал-социалистской партией, этой партией монополистического капитала, средних вековых лозунгов борьбы против ростовщичества.

Развитие промышленного капитализма уничтожает экономическое могущество ростовщического капитала. Капитализм ходом своего развития создает мощную банковскую систему, имеющую своей задачей — мобилизовать и предоставить весь свободный капитал общества в распоряжение функционирующего капитала. Эпоха империализма означает сращение банковского капитала с промышленным. Из концентрации капитала и в промышленности и в банковской системе вырос монополистический капитал, произошло сращение промышленного и банковского капитала.

В эпоху империализма бороться на деле против ссудного капитала, банковского, денежного капитала невозможно, не борясь против монополистического капитала в целом. И промышленный и банковский капитал — составные части финансового капитала. Действительно, ударять по банковской системе в эпоху капитализма вообще, в эпоху империализма в частности, не ударяя по всему капиталистическому строю производственных отношений, невозможно. Объявление промышленного капитала капиталом творческим в противоположность паразитическому — ссудному — капиталу не может быть не чем иным, кроме как прикрытой защитой монополистического капитала и использованием этого искусственного деления для определенных демагогических целей.

Лозунгом борьбы против «процентного рабства», при помощи мнимой «антикапиталистической» демагогии национал-социализм сумел проникнуть в широкие слои крестьянства, торговцев, ремесленников, владельцев гостиниц, пивных и т. д. Все эти слои населения вынуждены платить большие проценты, преимущественно по краткосрочным долгам. Крестьянство в долгу, как в шелку. В эпоху инфляции 1921—1924 гг. оно освободилось благодаря обесценению марки от задолженности. С тех пор задолженность крестьянства росла катастрофически быстро. Проценты по долгам благодаря высокой норме процента составляют не меньше миллиарда марок, что чрезвычайно бьет по крестьянскому хозяйству, тем более что в период кризиса валовая доходность сельского хозяйства в целом упала на 37%. Это долговое бремя для крестьянского хозяйства является тем более тяжелым, что доходность крестьянского хозяйства упала значительно ниже, чем доходность помещичьего хозяйства.

Лозунг борьбы против «процентного рабства» нашел соответствующую почву в отсталых крестьянских массах, надеющихся, что национал-социализм избавит их от долговой зависимости, тем более что в деревне достаточно распространено ростовщичество.

Освобожденный от долгов ждет от национал-социалистов и мелкий лавочник, зависящий от банка, и ремесленник.

«Гнет процента,— написано в экономической программе национал-социалистов»⁴,— теряет свой смысл, когда размер процентов поглощает или даже превосходит весь доход от производства. В конечном счете этим будет уничтожено само производство и самая возможность труда. Сегодня уровень процента осуществился именно в этой разрушающей хозяйство форме. Процентный капитал значительно вырос благодаря хозяйственному расцвету перед войной.. Всеобъемлющий государственный контроль над кредитной системой должен устранить такое состояние и снизить уровень процента, чтобы удержать и умножить производство, увеличив этим количество занятых рабочих».

Национал-социализм обещал национализировать акционерные общества. Он обещал не только снизить уровень процента, но и просто уничтожить процент. Чего стоит программное обещание национал-социализма, видно из того, как он действует, придя к власти. О национализации банков не слышно и не будет слышно.

Вторым лозунгом, которым национал-социалисты сумели потянуть за собой огромные мелкобуржуазные массы, был лозунг а в т а р к и и. В экономической программе национал-социалистов, изданной в 1932 г. в Мюнхене, указано:

«В основном наша политика в области внешней торговли должна исходить из следующих основных положений: 1) немецкий народ политикой уплаты дани послевоенным правительствам превращен в самый бедный среди культурных народов. Было бы поэтому безответственной тратой, если бы мы в будущем продолжали ввозить избытки товаров других народов».

Таким образом национал-социалисты объявляют себя борцами против всякого ввоза из-за границы. Но все то мировое разделение труда, которое установилось на протяжении истории капитализма, делает неизбежным мировые связи между отдельными капиталистическими странами. Германская промышленность не может жить без вывоза

⁴ Wirtschaftliches sofortprogramm der NSDAP, München 1932.

промышленных товаров и без ввоза сырья. На это дал ответ следующий пункт экономической программы:

«2) Необходимо стремиться к тому, чтобы все, что мы можем производить внутри страны, мы производили у себя.

К такого рода мероприятиям немецкий народ просто вынужден.

3) Должен всячески ограничен ввоз... Национал-социализм выступает против либерального свободного мирового хозяйства и марксистского мирового хозяйства. Он требует, наоборот, защиты всякого члена немецкого племени против иностранной конкуренции.

4) Германия находилась перед войной в числе мировых держав. Сейчас она держава второго класса. Совершенно недопустимо, когда сегодня она свою сырьевую базу имеет главным образом за океаном, в областях, связь с которыми может быть в определенный момент прерванной, потому что Германия не в состоянии будет защищать и удержать связь с этими сырьевыми базами. Поэтому основная линия национал-социалистической торговой политики следующая: потребности немецкого народа в далеко идущей степени должны покрываться собственным производством».

Ламентации национал-социалистов насчет того, что мировая торговля и мировое хозяйство являются «марксистскими» вещами, должны выражать ненависть мелкого буржуа к результатам развития крупного капитализма. Мировой рынок — важнейший результат капиталистического развития. Сейчас, когда развитие производительных сил достигло такой ступени, что капиталистические формы производства неспособны обеспечить дальнейший простор развитию производительных сил, когда противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения приняло особенно острый характер, когда капитализм развивается в полосе всеобщего кризиса, мелкая буржуазия особенно жаждет возврата к прежнему замкнутому хозяйству, к мелкому производству, имеющим очень слабые или почти не имеющим хозяйственных связей с внешним миром.

В то же время лозунг автаркии у национал-социалистов является выражением стремлений германского империализма. Национал-социализм связывает требования автаркии с необходимостью получения колоний для германского капитала. Он требует возврата колониальных владений Германии, утерянных ею в результате мировой войны. Но этого мало. Германский национал-социализм требует значительного расширения колониальных владений Германии далеко за те пределы, которые имелись до войны 1914—1918 гг. Это приобретение колоний национал-социализм оправдывает необходимостью получения из них сырья для германской промышленности и предметов питания для германского народа. Эти же колонии должны служить рынком сбыта для продукции германской промышленности.

Но программа автаркии имеет и другую сторону. Национал-социализм требует всемерного увеличения продукции сельского хозяйства в Германии. Он объявляет своей конечной целью полное удовлетворение потребностей Германии в с.-х. продуктах — если не в продуктах промышленного сырья, то по крайней мере в продуктах питания — за счет собственного производства. Германский национал-социализм исходит здесь помимо демагогических соображений еще и из соображений о необходимости подготовки к войне. В самом деле, в мировую войну 1914—1918 гг. германский капитализм находился в очень тяжелых условиях вследствие недостатка с.-х. продуктов. Прав-

да, значительное количество продуктов сельского хозяйства во время войны германский империализм ввозил из союзной Австро-Венгрии, из балканских стран. Но этого оказалось недостаточно. Одной из причин, приведших к поражению германского империализма в мировую войну, был именно недостаток сырья для промышленности и продовольствия, для снабжения армии и населения.

Программа всемерного развития собственного с.-х. производства есть поэтому программа германского империализма в деле подготовки к войне, которая назревает, которая приближается.

Если взять эту сторону дела, то лозунг автаркии является реальным лозунгом германского капитализма, имеющим своей целью подготовить с.-х. базу на случай будущей войны с французским и польским империализмом.

Но осуществление программы полной автаркии для германского капитализма в большей степени невозможно, чем для какого-либо другого. Полный отказ от ввоза означал бы полный паралич германского экспорта. Но дело не только в этом. Германская промышленность не может обойтись без ввоза хлопка и целого ряда других с.-х. продуктов, которые не могут производиться в Германии. Стремление к автаркии, ярким выразителем которого является германский национал-социализм, должно выражать собою дальнейшее углубление кризиса, распад мирохозяйственных связей, чреватый грандиозными конфликтами между капиталистическими странами.

Для Германии с ее грандиозным промышленным экспортом, с ее сравнительно слабой с.-х. базой внутри страны мечты о едении самодовлеющего, замкнутого, удовлетворяющего свои потребности исключительно внутренним производством хозяйства являются реакционной утопией. В требовании автаркии, являющемся одним из важнейших программных пунктов германского национал-социализма, причудливо переплелись мечты мелкого буржуа о возрате к старым временам с требованиями современного империализма получения колоний и подготовки к новой империалистической войне.

Придя к власти, германский национал-социализм заявил о своем намерении провести в жизнь программу автаркии. Но уже на открытии рейхстага в своей программной речи Гитлер заявил о том, что полная автаркиа недостижима, что речь идет лишь о всемерном развитии собственного с.-х. производства внутри Германии, об ограничении, а не уничтожении ввоза с.-х. продуктов из-за границы, что германская промышленность не может обойтись без ввоза сырья.

«Автаркический» курс национал-социалистического правительства заключается сейчас в том, чтобы всемерно ограничить и даже прекратить ввоз с.-х. продуктов, производимых в самой Германии, в первую очередь продуктов продовольствия. Это нужно ему для того, чтобы удержать за собой мелкое и среднее крестьянство, которое поверило национал-социализму, думая, что он выведет его из пучины разорения, избавит его от долгов, повысит цены на его с.-х. продукты.

И Папен, и Брюнинг, и Шлейхер проводили политику всемерного ограничения ввоза с.-х. продуктов. Их политика заключалась в том, чтобы путем максимальных субсидий помещицье му хозяйству, путем ограничения ввоза зерновых продуктов спасти помещиков от банкротства.

Но особенностью с.-х. производства Германии является то обстоятельство, что и беднота, и середняки, равно как и кулаки, занимаются

преимущественно производством продуктов животноводства и огородничества. Шлейхер начал, а Гитлер продолжает политику ограничения ввоза как раз тех с.-х. продуктов, которые производит крестьянское и кулацкое хозяйство Баварии, Саксонии, Вюртемберга и т. д. Цены на молочные и мясные продукты в Германии упали особенно резко вследствие того, что рабочий класс, потерявший за годы кризиса 26 млрд. марок, сокращает свое потребление в первую очередь не за счет хлеба, а за счет мяса, масла, яиц и т. д. и т. д.

Что касается мяса, то уже в 1932 г. собственное производство Германии почти полностью покрывало резко снизившийся спрос внутреннего рынка на мясные продукты. Теперь правительство Гитлера очень много шумит по поводу тех мероприятий, которые оно предприняло по ограничению ввоза жиров и увеличению возможности сбыта масла и свинины на внутреннем рынке. Сокращение на 40—50% производства маргарина внутри страны должно заставить рабочее население покупать вместо маргарина масло. Введены высокие пошлины на жировые продукты, ввозимые из-за границы, являющиеся сырьем для маргариновой промышленности. Этим Гитлер рассчитывает повысить потребление масла внутри страны на 150 тыс. т.

Действительно, запретительные пошлины на ввозимую свинину и мероприятия по поощрению потребления масла привели пока к повышению цен на эти продукты. Крестьянин сбывает теперь масло и свинину по более высоким ценам, нежели, скажем, во времена правительства Шлейхера. Этим Гитлер хочет создать иллюзию того, что он действительно ликвидирует кризис крестьянского хозяйства.

Но эти надежды напрасны. Проведение в гигантских размерах наступления на зарплату и уничтожение социального страхования должны будут привести к резкому сокращению внутреннего рынка. Рабочий покупал маргарин потому, что он не мог покупать очень дорогое масло. Принудительное прекращение производства маргарина приведет лишь к тому, что рабочий класс вообще прекратит потребление жиров, и временное повышение цен сменится их падением. Идея укрепления «миттельштанда» как опоры фашистского режима — идея реакционная и утопическая, неизбежно осужденная на провал. Дальнейшее обострение аграрного кризиса приведет к резкому ухудшению положения крестьянского хозяйства. Бедное и среднее крестьянство через известный срок убедится в том, что надежды на улучшение его положения при фашистском правительстве не оправдались.

Гитлер продлил мораторий для крестьянского хозяйства до октября текущего года. Крестьянин и здесь чувствует временное облегчение. Ему пока не надо платить процентов по долгам. Ведь Гитлер обещал его вообще освободить от процентного рабства. Но уже сейчас орган биржевиков «Берзенцейтунг» прямо заявляет, что рассчитывать на дальнейший мораторий нечего, что крестьянин должен платить проценты и погашать основной долг. Гитлер ничего не даст поверившему в него мелкому и среднему крестьянству, кроме дальнейшего разорения, обнищания и пауперизации.

Третий «спасительный» лозунг, который выбросил национал-социализм, — лозунг инфляции. «Национал-социализм требует, — говорится в экономической программе национал-социалистов, — отхода Германии от золотого стандарта: во-первых, потому, что золотой и девизный запас Рейхсбанка постепенно уменьшается, а, во-вторых, потому, что немецкая промышленность должна

быть сделана конкурентоспособной по сравнению с другими странами на мировом рынке».

Инфляция — программный пункт национал-социализма. «Процентное рабство и золотой стандарт, — пишет Гохштелер, — образуют неприкосновенную составную часть плана Юнга, продиктованного на основании Версальского договора. Поэтому его ревизия может быть предпринята лишь национал-социалистским правительством»⁵. Национал-социалистская партия объявила процентное рабство и золотой стандарт неразрывно связанными друг с другом и с версальской системой, а самую себя — борцом против этого самого рабства процента и золотого стандарта.

«Ростовщичество и золотой стандарт, — пишет тот же Гохштелер, — есть общая причина огромной нужды нашего хозяйства, бессилия нашего государства и падения нашей индустрии — особенно строительства — падения сельского хозяйства. Все это является важнейшей причиной огромной безработицы, нравственного одичания, роста нужды и растущего обострения социальных противоречий»⁶.

Итак, золотой стандарт — причина мирового экономического кризиса. Конечно это пустяки. Современный мировой экономический кризис не порожден ни ростовщичеством, которое было категорией средневекового хозяйства, ни золотым стандартом. Другое дело, что отмена золотого стандарта является результатом современного экономического кризиса. Это мы видим в Англии, в САСШ. Инфляция стала программным пунктом национал-социалистов. Они объявили, что отход от золотого стандарта должен быть предпосылкой гигантского, неограниченного субсидирования промышленности и помещиков.

«Государство, — пишет Готфрид Федер в своей книжке «Немецкое государство на национальной и социальной основе», книжке, апробированной Гитлером как программной, — финансирует соответственно своей финансовой мощи при строжайшем избежании требования уплаты процентов. Оно ставит своей непосредственной задачей предоставление средств предпринимателям. Это финансирование достигается путем создания безналичных расчетов или через выдачу беспроцентных обязательств в государственной кассе».

Таким образом национал-социалисты общаются путем безграничного финансирования, отмены золотого стандарта, введения инфляции уничтожить всякие ссудные отношения, заменив отношения сделки-ссуды непосредственно беспроцентным финансированием государственных предпринимателей.

Нечего и говорить, что национал-социалисты, партия финансового капитала, и не собираются в какой бы то ни было степени затрагивать интересы монополистического капитала. так как нельзя себе мыслить капитализм вообще и современный капитализм в частности без кредитных отношений, без сделок в кредит, связанных с уплатой процентов.

Но реальный смысл их обещаний беспроцентного финансирования государственного хозяйства и замены частных кредитных сделок государственным субсидированием заключается в том, что все это необходимо для обоснования инфляции.

⁵ Franz Hochsteller, Leihkapital und Goldwahrung als Grundlage der Glodslawung in Deutschland, Berlin 1932.

⁶ Там же, стр. 28.

Лозунг национал-социалистов гласит: «не хозяйство должно подчиняться деньгами, а деньги хозяйству». Исходя из этого, они выставили целый ряд требований, неминуемо ведущих к инфляции. Национал-социалисты обещают провести широкую программу общественных работ, которые должны ликвидировать безработицу. Они собираются ввести трудовую поединность, сконцентрировать безработных в специальных концентрационных лагерях, организовав для них каторжные работы. По планам национал-социалистов эти лагеря должны находиться под присмотром вооруженных фашистских отрядов; работающие на принудительных работах должны жить в казармах, в обстановке военной дисциплины. Этим национал-социализм мечтает одновременно убить двух зайцев — ликвидировать безработицу и уничтожить опасные социальные потрясения, связанные с безработицей.

Заметим сразу, что это — палка о двух концах. Включение безработных в производственный процесс в условиях чудовищной эксплуатации, которую замышляют национал-социалисты провести в лагерях, как раз приведет к обратным результатам — к росту классового самосознания безработных, к росту их организованности. Этим самым безработные, преератившись в работающих, жестоко эксплуатируемых и противопоставляемых непосредственно фашистскому государству, могут превратиться в грандиозную революционную силу, от которой не поздоровится фашистскому режиму.

Во всяком случае, финансирование гигантских принудительных работ требует соответствующих средств. По самым скромным подсчетам, организация принудительных работ для миллиона безработных потребует от 1 до 1½ млрд. марок в год. Таким образом, для того чтобы включить хотя бы 3—4 млн. безработных в фашистские концентрационные лагеря, необходимо 4—6 млрд. марок. Откуда их может взять фашистское государство? Только путем инфляции.

Гигантское субсидирование промышленности, которое замышляют национал-социалисты и которое является составной частью их программных установок, точно так же потребует выпуска огромного количества бумажных денег. Так называемое «кредитное творчество» национал-социалистов есть не что иное, как безграничное субсидирование крупного капитала. Но германское казначейство с его полутрамиллиардным дефицитом, с колоссальным дефицитом общин и отдельных государств не может провести все эти мероприятия иначе, как путем инфляции. Значительные группы буржуазии хотят инфляции, рассматривая ее как единственный способ восстановить конкурентоспособность Германии на мировом рынке и как способ избавиться от безработицы. С другой стороны, известная часть буржуазии боится, по выражению «Дейче альгемейне цейтунг», «огромных моральных опустошений, вызываемых эпохой инфляции».

Этой боязнью вызвана та осторожность, с которой правительство Гитлера сейчас, оказавшись у власти, подходит к проблеме инфляции. Оно боится, что инфляция настолько резко и немедленно ударит по тем мелкобуржуазным слоям населения, которые идут за фашизмом, что это может их очень быстро отбросить в лагерь коммунистов. Именно этим объясняется заявление Гитлера на заседании рейхстага, что правительство стоит за сохранение твердой валюты.

Это — для успокоения мелкобуржуазных масс, боящихся инфляции. На деле же отставка Лютера с поста председателя Рейхсбанка и

замена его Шахтом означают организационную подготовку к проведению программы инфляции. Добровольный возврат Рейхсбанком кредита в 70 млн. долл., снизивший золотое покрытие до 11%, является финансовой инфляцией.

Особенность всей противоречивой обстановки, в которой пришли к власти национал-социалисты, и заключается в том, что всякое проведение мероприятий, которое намечают национал-социалисты, неизбежно связано с инфляцией. И как бы ни боялись национал-социалисты этого пункта собственной программы, они должны будут его выполнить.

На путь инфляции германское правительство уже вступило, ассигновав миллиард марок на «создание работы», т. е. на субсидии промышленникам и на организацию «трудовых лагерей» для безработных.

Но инфляция будет означать гигантскую катастрофу для и без того расшатанного, находящегося в исключительно тяжелом положении германского капитализма. Она вызовет такое невероятное обнищание идущих за национал-социализмом мелкобуржуазных слоев, что может быстро оттолкнуть их от национал-социализма, так как они увидят, что национал-социализм не может жить иначе, как за счет дальнейшей пауперизации и пролетаризации крестьянских масс деревни и мелкобуржуазных масс города, не говоря уже о рабочих массах.

Национал-социалисты теперь, придя к власти, мечтают в тисках противоречий, не будучи способными их разрешить.

Германский национал-социализм сумел привлечь в свои ряды немецких лавочников, разоренных кризисом, резким сокращением сбыта своих товаров, конкуренцией универсальных магазинов. Он обещал мелким торговцам уничтожение универсальных магазинов, по крайней мере всемерное ограничение их деятельности. Он обещал, далее, уничтожение потребительских рабочих кооперативов. «Немедленная помощь необходима, — пишется в экономической программе национал-социалистов. — Новые универсальные магазины и филиалы универсальных магазинов, предназначенные для мелкой розничной торговли, не должны больше открываться. Новая организация всего дела универсальных магазинов, в смысле националистической программы, должна быть проведена немедленно. Налоговые льготы для потребительских кооперативов должны быть уничтожены».

А в знаменитых 25 пунктах программы национал-социалистов, принятой в 1920 г., мы читаем: «Пункт 16, мы требуем создания здорового миттельштанда, его удержания, немедленной муниципализации крупных универсальных магазинов и их передачи в аренду по дешевым ценам мелким торговцам».

Мелкий торговец пришел к фашистам и сделался их крепкой опорой в городе в расчете на то, что они избавят его от налогов, от колоссальной задолженности, дадут ему бесплатный кредит, избавят его от конкуренции универсальных магазинов и потребительских обществ.

На деле эта партия финансового капитала конечно не будет проводить в жизнь своих обещаний. Единственное, чего хочет и что пытается дать национал-социализм, это уничтожение еврейского мелкого лавочника. На этой основе и выросла колоссальная волна антисемитизма и еврейских погромов.

Национал-социализм попытается уничтожить рабочие потребительские общества, для того чтобы за их счет увеличить сбыт мелкой

торговели. Но конечно крупные универсальные магазины национал-социализм особенно трогать не будет. Недаром во время объявленного 1 апреля всегерманского бойкота еврейских лавок в список бойкотируемых, как правило, не были включены крупные универсальные еврейские магазины.

Каждая неделя, каждый месяц пребывания у власти национал-социалистского правительства будут разоблачать его сущность как партии крупного капитала, демагогичность его программных требований, нежелание проводить их в жизнь. Национал-социализм будет проводить в жизнь лишь то, что намерен и хочет провести в жизнь крупный капитал. Но так или иначе, мелкого торговца национал-социализм завоевал и пытается кое-что ему дать в качестве компенсации за поддержку национал-социалистского движения.

Национал-социализм завоевал значительное количество разоренных кризисом ремесленников. Им он также обещал полное освобождение от долгов, государственные субсидии, обеспечение преимущественной покупки у них продуктов их производства, ограждение от конкуренции трестов. Национал-социализм и здесь обещает, повернуть вспять колесо истории, укрепить ремесло, избавить мелкого ремесленника от крупнокапиталистической конкуренции, вернуть ему былое благополучие.

Совершенно бесспорно, что национал-социализм хочет кое-что дать всем этим пошедшим за ним слоям, но ничего серьезного дать им не может.

Германская буржуазия именно — и особенно в условиях кризиса — не может пойти на то, чтобы прибавочная стоимость, которая будет получена от ограбления рабочего класса, перешла к мелкой буржуазии посредством соответствующего повышения цен на с.-х. продукты и кредитов мелкой торговле и ремесленникам, улучшения положения служащих и т. д.

То ограбление рабочего класса, которое сейчас она подготавливает — уничтожение профсоюзов и превращение их в фашистские корпорации, полное экономическое и политическое обесценивание рабочего класса, — имеет своей задачей восстановить капиталонакопление германской буржуазии. Она отнюдь не может и не хочет результаты этого нового грабежа рабочего класса, неслыханного по своим размерам за все годы кризиса, целиком или хотя бы в значительной части предоставить мелкобуржуазным слоям, пошедшим за Гитлером. Не может, если бы и хотела. Она рассматривает правительство Гитлера — и совершенно справедливо — как правительство фашистской диктатуры, которое должно обеспечить германской буржуазии восстановление капиталонакопления. Если бы она, допустим на минуту, предоставила результаты этого ограбления мелкобуржуазным слоям, то тем самым она закрыла бы себе путь ко всякому восстановлению капиталонакопления и следовательно ко всякому выходу из кризиса.

Правда, в этом случае теоретически мыслим другой выход — и иностранные кредиты. Однажды это уже случилось. После принятия плана Дауэса обескровленное, разоренное германское капиталистическое хозяйство получило огромные кредиты от американского (в первую очередь), английского и французского капитала. Тогда на основе этих кредитов и невиданной эксплуатации рабочих германское хозяйство сумело дойти до довоенного уровня и даже его превысить. Но это было в начале относительной стабилизации капита-

лизма, когда весь капиталистический мир, оправившись после военных потрясений, перешел в полосу некоторого относительного своего укрепления, когда в капиталистических странах имел место подъем хозяйства, когда внешняя торговля росла, промышленность развивалась, безработица сокращалась, когда буржуазия различных стран, разгромив пролетариат, сумела укрепиться в седле власти. Это было тогда, когда на основе сговора между английским, японским и американским капитализмом было заключено соглашение о формах и способах эксплуатации Китая, о формах и способах угнетения и эксплуатации колоний. Это было тогда, когда буржуазия Франции, Англии и САСШ сумела договориться о способах эксплуатации германского народа на основе плана Дауэса, а потом плана Юнга.

Но сейчас этого нет. Весь капиталистический мир находится в пучине кризиса. Кризис, длящийся на протяжении 3¹/₂ лет, настолько обессилил, обескровил, разорил капиталистическое хозяйство всех стран, что ни о каких кредитах германскому хозяйству на протяжении обозримого периода времени не может быть и речи. Главным источником кредитов в период относительной стабилизации были САСШ. Но банковская система САСШ по существу потерпела банкротство. САСШ отошли от золотого стандарта. Их экономическое и финансовое могущество потрясено до глубочайших основ, несмотря на то, что они еще остаются страной, очень богатой по золотым запасам. На Англию в отношении кредитов рассчитывать нечего. Что касается французского империализма, наиболее сильного в финансовом отношении, то, во-первых, он Германии кредитов не даст и дать не может по политическим соображениям; во-вторых, он сам подтачивается кризисом.

Над всем в капиталистическом мире довлеет кризис, чисто экономического выхода из которого не видно. В этой обстановке вообще всякое более или менее серьезное кредитование исключено, тем более что Германия по существу некредитоспособна. Ее внешняя торговля резко сократилась, активность ее торгового баланса снизилась. Результатом было объявление Германией финансового банкротства, мораторий трансфера как раз накануне мировой экономической конференции. Таможенная война, которая кипит в капиталистическом мире, представляющем собою настоящий сумасшедший дом, еще больше сокращает и без того чудовищно сократившуюся (на 60 с лишним процентов) мировую торговлю. Возможности расширения германского экспорта очень ограничены. Следовательно на кредиты германскому капитализму рассчитывать нечего. Да если бы он их и получил, он не смог бы в обстановке кризиса, чудовищного сокращения внутреннего и внешнего рынка осуществить расширение производства. Кризис не может быть ликвидирован с кредитной стороны. Это — утопия, с которой, правда, очень носятся современные буржуазные экономисты от Кейнса до Касселя, от с.-д. экономистов до национал-социалистов.

Таким образом германская буржуазия может рассчитывать на восстановление капиталонакопления только за счет своего рабочего класса. Но дело не только в этом. Сама попытка выйти из кризиса за счет рабочего класса в обстановке современного кризиса капиталистической системы для современного экономического кризиса чревата неизбежным дальнейшим углублением кризиса. Те 26 млрд. марок, на которые германская буржуазия ограбила рабочий класс в период кризиса, развеялись, как дым. Германское капиталистиче-

ское хозяйство — это теперь уже можно прямо утверждать — за годы последнего кризиса потерпело вряд ли меньшие разрушения и потери, нежели за годы мировой войны. Идя по пути резкого сокращения зарплаты и полного уничтожения тарифных договоров, германская буржуазия подламывает тот сук, на котором она еще держится. Снижение зарплаты на 25—50%, которое проектирует германская буржуазия, есть палка о двух концах. Она ударит и буржуазию. Массы прибавочной стоимости, которую германская буржуазия хочет сейчас получить путем нового генерального наступления на зарплату, может развеяться, как дым, точно так же, как те 26 млрд., на которые германская буржуазия ограбила рабочий класс за первые 3½ года кризиса.

Германская буржуазия согласится еще пожалуй уступить часть этой массы прибавочной стоимости помещикам для восстановления рентабельности их хозяйств. Рассчитывать же на серьезные уступки этой части прибавочной стоимости крестьянству и городским мелкобуржуазным слоям не приходится.

Но дело не только в этом. Снижая заработную плату, германская буржуазия попадает в порочный круг. Снижение заработной платы приведет к такому чудовищному сокращению внутреннего рынка, которое далеко превзойдет все то, что было до сих пор. Сокращение спроса на предметы потребления рикошетом ударит по отраслям, производящим средства производства, и принесет такие чудовищные взрывы кризиса, которые потрясут экономику германского капитализма с неслыханной до сих пор силой. Резкое сокращение покупательной способности германского рабочего класса будет означать, что рабочий класс вынужден будет совершенно или почти совершенно отказаться от потребления мяса, яиц, масла и быть может даже маргарина. Результаты того генерального наступления приведут тем самым к дальнейшему углублению с.-х. кризиса, дальнейшему сжатию внутреннего рынка. Но это означает, что господство фашизма в Германии с необходимостью и неизбежностью ведет к такому чудовищному обострению экономического кризиса в Германии, который резко ударит по мелкобуржуазным слоям населения, пошедшим за Гитлером в надежде, что он даст им спасение.

Мираж «третьей империи» развеется, как дым, и германская мелкая буржуазия раньше или позже очнется и обнаружит, что все ее чудесные мечты о возвращении былого благополучия были утопичными. Она убедится в том, что хлеба становится все меньше и меньше, что ее положение все больше и больше ухудшается и что фашизм ничего, кроме чудовищного разорения и окончательной пролетаризации, дать не может.

Германский фашизм дал много обещаний и рабочему классу. Но здесь он оказался в очень тяжелом положении. Он выступает с программой депролетаризации, уничтожения германского пролетариата как класса и уничтожения крупных городов. Депролетаризацию он обещает провести путем переселения части безработных на землю, путем снабжения работающих рабочих хотя бы крошечными клочками земли, чтобы привязать их к собственности. С этими лозунгами плюс еще к тому лозунги предоставления работы всем безработным фашизму удалось проникнуть в известные слои безработных, деклассированных и разложенных длительной безработицей, полной оторванностью от производства. Но лозунгами депролетаризации фашизм

му не удалось обмануть рабочих на предприятиях. На предприятия фашизму в массовом масштабе проникнуть не удалось. Не удалось и теперь, после двухмесячного господства «национального» правительства.

В рабочем вопросе фашизм открыто выявил свою капиталистическую сущность. Мы уже знаем, что он объявил промышленный капитал творческим капиталом, который надо всемерно поддерживать, который нужно субсидировать. Фашизм выступает против классовой борьбы, рассчитывая путем насилия ликвидировать классовую борьбу пролетариата против буржуазии, путем террора обеспечить полную победу финансового капитала над пролетариатом.

Вначале для завоевания рабочих масс в программе германских национал-социалистов стояли пункты, которые, казалось, были более или менее радикально направлены против трестов. За последние 3 года, с особенной интенсивностью происходил процесс изменения отдельных частей программы, с тем чтобы она не только по форме своей, но и по существу полностью подходила к требованиям монополитического капитала. В этом отношении любопытную эволюцию пережил вопрос о частной собственности и отношении к трестам национал-социалистской партии. В программе национал-социалистов (п. 11) был выдвинут лозунг «уничтожения нетрудовых доходов». Пункт 12 гласил: «Исходя из огромных жертв кровью и имуществом, которых требовала война от каждого народа, личное обогащение благодаря войне должно рассматриваться как преступление по отношению к народу. Мы требуем произвести безусловно конфискацию военных прибылей». Напоминаем, что это было в 1920 г., когда возникла партия нацистов и происходил бешеный рост богатства военных и послевоенных спекулянтов. В п. 17 программы стояло: «Мы требуем земельной реформы, приспособленной к нашим национальным потребностям, создания закона о безвозмездном отчуждении земли для общественного пользования». Наконец п. 13 требовал «огосударствления всех уже обобществленных предприятий (трестов)». Таким образом фашизм, казалось, выступал как партия радикального посягательства на частную собственность и крупный капитал. Он требовал конфискации военных прибылей, безвозмездного отчуждения земли и «огосударствления трестов».

Эти требования, выставленные для завоевания масс (в том числе и рабочих масс), руководители национал-социализма никогда всерьез не принимали. Но, для того чтобы рассеять всякие недоразумения с этим пунктом программы, национал-социалисты в дальнейшем прибавили следующие разъяснения: «Национал-социалистская партия стоит на почве частной собственности. Пункт о безвозмездном отчуждении имел в виду лишь создание законных возможностей, чтобы землю, которая была приобретена неправомерным образом или не управляется в соответствии с волей народа, можно было отчуждать. Это непосредственно направлено в первую очередь против еврейских земельных спекулятивных обществ».

Этой поправкой, внесенной в программу Гитлером уже в апреле 1928 г., национал-социализм разъяснил, каково действительное содержание его программы, на словах направленной против частной собственности. Он разъяснил, что на деле не имеет никакого намерения посягать на частную собственность. Для национал-социалистов. этой

партии финансового капитала, соответствующее разъяснение к этому пункту программы не явилось каким бы то ни было изменением их принципов. «Частная собственность для нас священна» писал центральный орган национал-социалистов «Фелькишер беобахтер» 19 октября 1930 г. в программной статье. Пункты, направленные против частной собственности, были благополучно аннулированы этими разъяснениями.

Национал-социалистская партия не отказалась при этом от пропаганды всех перечисленных выше программных требований против частной собственности в целях демагогического обмана масс. Ее агитаторы и пропагандисты выступали с защитой требований, конфискации и огосударствления земли там, где это было выгодно для агитации и где соответствующая демагогия могла встретить благоприятную почву среди аудитории. Маленькое примечание к соответствующему пункту программы конечно осталось для того, чтобы разъяснить, что фашисты не намерены никоим образом посягать на частную собственность. Чтобы замести следы, они и здесь пустили в ход антисемитскую демагогию, выставляя уже требование не безвозмездной конфискации земли вообще, а лишь у еврейских спекулятивных обществ. Старый черносотенный прием.

В официальном комментарии к переизданной в 1931 г. программе национал-социалистов Готфрид Федер заявлял, что «национал-социализм признает частную собственность и ставит ее под защиту государства». Словом, национал-социализм заявил открыто, что национал-социалистское государство применит все средства террора и насилия для защиты монополистического капитала, против всех попыток со стороны пролетариата посягнуть на «священную частную собственность». В 1932 г. в программу были внесены дальнейшие изменения в соответствии с интересами крупного капитала.

В 6-м издании программной книги национал-социалистов «Чего хочет Гитлер», составленной Готфридом Федером, уже приведенный нами выше 13-й п. программы средактирован следующим образом: «Гигантские предприятия (концерны, синдикаты, тресты) должны быть огосударствлены». Это было написано в 1931 г. В издании 1932 г. этот пункт был видоизменен следующим образом: «Необходимо бороться против гигантских предприятий (концерны, тресты, синдикаты)». Лозунг огосударствления трестов, синдикатов, концернов благополучно заменен ничего не говорящим лозунгом борьбы против крупных монополистических предприятий. В том же издании 1932 г. Готфрид Федер разъяснил, что значат эти новые видоизменения программ. Он писал: «Национал-социализм признает, что и крупные промышленные предприятия, поскольку они остаются в частной собственности (мы имели в виду здесь Круппа, Маннесмана, Тиссена и др.), ни в какой мере не противоречат интересам общества».

Монополистический капитал был удовлетворен и в программном отношении. Пункт о собственности был сформулирован в смысле признания частной собственности священной. Пункт о трестах сформулирован в смысле признания священными и неприкосновенными крупных монополистических предприятий. Но и этого оказалось крупному капиталу мало.

В целях завоевания рабочих масс национал-социалисты в соответ-

ствии со своей теорией отсутствия противоречий между капиталистами и рабочими заявили, что обязанностью предпринимателей является «забота о высокой заработной плате». В упомянутой уже выше программной работе в 6-м издании Готфрид Федер писал (стр. 46—47): «Истинный предприниматель должен... давать своим рабочим хорошую заработную плату... Наиболее выдающимся, известным всему миру примером такого рода является предприниматель Генри Форд. Не следует недооценивать в этом отношении также Круппа, Тиссен, Абе, Маннесмана, Сименса». Еще в 1931 г. национал-социалисты заявляли о том, что они за высокую заработную плату, но об этой высокой заработной плате заботятся сами предприниматели. Добрые предприниматели Крупп и Тиссен сами заботятся о рабочих.

В 7-м издании этой работы — 1932 г. — это место было отредактировано следующим образом: «Настоящий предприниматель сознает свои народнохозяйственные задачи — так направлять производство, чтобы спрос потребителей покрывать с наименьшими издержками, чтобы издержки производства становились постоянно все меньшими и меньшими. Наиболее блестящим примером такого рода предпринимательства являются такие люди, как Эрнст Абе, Маннесман, Сивляютя такие люди, Крауз». Таким образом и пункт о заработной плате, сформулированный с исключительной гнусностью и иезуитством, по существу открыто признавший права монополистического капитала на безграбичное ограбление заработной платы, передававший вопрос о заработной плате на полное усмотрение и «доброту сердца» предпринимателей, сейчас сформулирован еще более подло. Сейчас объявили, что снижение заработной платы является обязанностью предпринимателя. Короли угля, железа и стали — Крупп, Тиссен, Маннесман, Сименс, Крауз — объявлены величайшими «благодетелями народа» и их политика ограбления рабочих объявлена их обязанностью в интересах удовлетворения потребностей «народа».

Пункты программы национал-социалистов, касающиеся частной собственности, классовой борьбы, трестов и заработной платы, полностью раскрывают характер национал-социалистской партии как партии крупного капитала.

Чтобы полностью обезоружить рабочих перед лицом крупного капитала и отдать их на разграбление финансового капитала, чтобы обеспечить абсолютное уничтожение сопротивления со стороны рабочего класса монополистическому капиталу, национал-социалисты обратили свои стрелы против профсоюзов. В соответствии с опытом итальянского фашизма они требуют, чтобы «профсоюзы гораздо больше работали для интересов всего народного хозяйства. Они должны выступать на защиту интересов предпринимателей, как и подавляющего большинства творческого народа»⁷.

Эти программные пункты национал-социалисты сейчас всемерно проводят в жизнь.

Основная задача, которую ставит германская буржуазия перед национал-социализмом, заключается в разгроме рабочего класса, его обессиливании. Социал-демократия на протяжении всего послевоен-

⁷ Ottokar Lorenz, Die Beseitigung der Arbeitslosigkeit, S. 22.

ного периода осуществляла эту задачу с помощью в рабочих массах демократических иллюзий о возможности мирного перехода к социализму. Но нарастание революционной волны в период кризиса означало, что рабочий класс хотя и сравнительно медленно, но переходит в лагерь коммунизма.

Фашизм имеет своей задачей методами неприкрытого насилия над рабочим классом спасти германскую буржуазию от революции. Национал-социалисты при этом прекрасно понимают, что о политике осуществления этой задачи без проникновения в ряды рабочего класса, без захвата в свои руки руководства профсоюзами нечего и думать.

Трусливая подлость и подлая трусость с.-д. вождей, их жалкое пресмыкание перед Гитлером, переход социал-демократии в лагерь фашизма означают банкротство социал-демократии. Но тем самым это приведет к тому, что рабочий класс, усвоив на горьком опыте уроки этого банкротства, уйдет из-под влияния социал-демократии. Идет быстрый процесс уничтожения социал-демократии между молотом фашистского террора и наковальной революционного пролетариата. Это означает, что фашизм ошибается в своих расчетах на завоевание рабочих масс на свою сторону.

За последние полтора-два месяца национал-социалисты развили бешеную демагогию с целью завоевания на свою сторону рабочих масс. 1 мая было объявлено «национальным праздником», и Гитлер в своей речи на первомайской демонстрации провозгласил новый лозунг: «Чтите труд и уважайте рабочего».

Фашизм считал своей важнейшей задачей фашизацию профсоюзов. Реформистские вожди профсоюзов из кожи лезли вон, чтобы доказать свою полную готовность служить целям фашистского правительства, враспи в фашистский государственный аппарат. По вопросу о том, как быть с профсоюзами, возникли довольно острые разногласия в рядах национал-социалистов. Одна часть считала, что необходимо использовать вождей реформистских профсоюзов. В конце концов победило «экстремистское крыло» (Геринг и др.), которое стояло на точке зрения полного смещения реформистских руководителей и прямого захвата профсоюзов фашистами.

В осуществление этого плана 2 мая, на другой день после первомайской демонстрации, в которой реформистские вожди профсоюзов призывали рабочие массы участвовать, была арестована вся верхушка реформистского профдвижения, профсоюзные кассы и здания были захвачены фашистами. Произошла фактическая ликвидация профсоюзов или, как выражаются фашисты, их «унификация». Профсоюзы, реформистские и католические, были ликвидированы. На их место созданы «унифицированные» профсоюзы, т. е. профсоюзы, построенные по корпоративному признаку. Вождь образованных фашистских профсоюзов, Лей, объявил, что в состав «рабочего фронта» должны входить наряду с рабочими и предпринимателями. В «унифицированных» профсоюзах предприниматели—такие же равноправные члены, как и рабочие.

Профсоюзы разбились на два вида профсоюзов — рабочих и служащих. Эти союзы в свою очередь строятся по корпоративному признаку, т. е. по профессиям. Круп — такой же равноправный член корпорации, как и рабочий с производства.

10 мая состоялся конгресс «рабочего фронта», т. е. конгресс назначенных фашистами представителей фашистских корпораций. На

конгрессе Гитлер заявил, что он объявляет себя «маклером» между рабочим и предпринимателем, Лей объявил о двухмесячном «тарифном перемирии» между рабочими и предпринимателями. Это означает, что, подготавливая уничтожение тарифных договоров и проведение программы резкого снижения заработной платы, фашисты пока еще не решаются открыто объявить об уничтожении тарифных договоров и начать генеральное наступление на заработную плату до того момента, пока они не овладеют профсоюзами и не станут твердой ногой на предприятиях. Они боятся острого взрыва сопротивления со стороны фабрично-заводского пролетариата.

Но низовыми профорганизациями фашисты не овладели. Больше того, даже рабочие, входящие в фашистские производственные профячейки, приняв за чистую монету национал-социалистскую демагогию насчет «социализации», борются против проводимого в ряде мест снижения заработной платы. Вместе с рабочими предприятия они арестовывают в ряде случаев капиталистов, производят насильственное повышение заработной платы и т. д. Отсюда вопли Геринга о «зловредных элементах», проникших в национал-социалистское движение, призывы к дисциплине, чистка штурмовых отрядов от бунтующих элементов.

Совершенно ясно, что, несмотря на захват верхушки профсоюзного аппарата, фашистам не удастся овладеть рабочим движением, стать социальной опорой буржуазии в рабочем классе. И беспартийные и рабочие прекрасно чувствуют капиталистическую сущность национал-социализма и фашистской диктатуры. Уж слишком ясно выпирает капиталистический характер этой партии. Совершенно ясно, то новое генеральное наступление на тарифные договоры и заработную плату встретит самое ожесточенное сопротивление рабочего класса.

С.-д. рабочий видит сейчас, куда привели его линия и политика германской социал-демократии. Германская компартия работает над тем, чтобы до сознания с.-д. рабочих смысл и значение перехода социал-демократии в лагерь фашизма. Коммунистическая партия — единственная партия рабочего класса, она идет по пути превращения в партию, имеющую за собой подавляющее большинство германского пролетариата. Этому не помешают и не смогут помешать ни пытки, ни расстрелы, ни разгул фашистского террора. Рабочий класс имеет в лице компартии единственного вождя, способного вывести его из пучины нищеты и бедствий. Фашизму не удастся завоевать на свою сторону большинство рабочих, которые раньше шли за социал-демократией. И это — несмотря на все усилия, которые он затрачивает в деле захвата руководства на предприятиях, в деле разгрома компартии. Компартия объединит вокруг себя большинство пролетариата в ходе борьбы против фашизма, против его террора, против наступления капитала на жизненный уровень рабочего класса. Социал-демократия же сходит с арены исторического развития, заканчивает свой исторический путь.

Мелкобуржуазные массы, которые все в большей степени будут убеждаться в том, что фашизм никакого улучшения их положения не даст и дать не может, которые будут все дальше и дальше опускаться в пропасть нищеты и разорения, — будут искать в пролетариате своего вождя. Развитие идет к тому, чтобы поставить большинство германских трудящихся под знамена пролетарской революции. Фашизму не удастся завоевать «душу немецкого рабочего», к чему он сейчас стре-

мится. Больше того, он с необходимостью будет терять поверившие в его демагогию непролетарские трудящиеся слои населения.

Конечно путь пролетарской революции в Германии — путь мучительный. Фашизм будет маневрировать, применяя террор в качестве главного метода своего господства. Этот террор неизбежно будет обращаться и против тех непролетарских трудящихся масс, которые будут отходить от фашизма, по мере того как будут разбираться в его действительной сути как партии финансового капитала. В ходе дальнейшего развития фашизм будет клевать свое собственное тело — те мелкобуржуазные массы, которые пошли за ним, — для того чтобы сохранить свою уродливую голову — капитализм. Мы не можем сказать, какова будет длина этого пути, с какой интенсивностью будет развиваться этот процесс. Мы можем сказать во всяком случае, что с точки зрения больших исторических масштабов процесс отхода мелкобуржуазных масс от фашизма в лагерь пролетариата, процесс сплачивания большинства пролетариата и трудящихся вокруг компартии пойдет с огромной быстротой.

Гражданская война в Германии, победа рабочего класса в этой стране, захват власти будут куплены значительно более тяжелой ценой, чем это было в России в 1917 г. Строить социализм им будет легче, чем нам, да еще в союзе со страной победившего социализма — СССР, а добиться власти — труднее. Но победа рабочего класса неизбежна.

В ходе развития Германии с непреодолимой силой встает перед массами вопрос о том, что «русский путь» является единственным выходом из бездны нищеты и разорения. Все это прекрасно понимает германский национал-социализм. И чтобы убежать от разрешения тех противоречий, которые он разрешить не сможет, он будет идти на внешнеполитические авантюры, чтобы постараться возместить в области внешней политики то, чего не сможет дать массам в области внутренней политики. Германский фашизм означает войну. Обстановка сейчас в Европе гораздо более напряженная, чем в 1914 г. Теперь начинать войну труднее, но германский национал-социализм будет стараться провоцировать войну. Сейчас он еще слаб. Втихомолку он вооружается, усиленно готовится к будущей большой войне. Пока же он еще не готов к войне против французского и польского империализма. Понимая, что ему даны чрезвычайно малые исторические сроки, он пытается уговорить крупные капиталистические державы, Францию и Польшу в первую очередь (Англия против этого не возражала бы), организовать крестовый поход против Советского союза, представляя банды фашистских убийц в качестве лейбгвардии крестового похода против СССР. «Пакт четырех» является шагом в деле организации антисоветского блока. Осуществление пакта является показателем того, что опасность интервенции против СССР обострилась в небывалых размерах.

Но организация единого антисоветского фронта наталкивается на целый ряд противоречий, о которых мы частично говорили вначале. Во всяком случае приход национал-социалистов к власти означает обострение угрозы интервенции, равно как и обострение и усиление опасности новой войны между капиталистическими странами в Европе. Приход национал-социалистов к власти до чрезвычайности обострил все противоречия мирового империализма, поставив все вопросы на острие ножа.

Так или иначе — революция пролетариата неизбежна. К этому идет насыщенная порохом и классовыми противоречиями капиталистическая Европа. Война с необходимостью будет перерастать в революцию. И поэтому ее боятся начать империалистические державы, предпочитая, чтобы другие ее начали.

Капитализм вступил в новый период катастроф. Подтверждается правильность характеристики нынешнего периода XII пленума ИККИ, как перехода к новой эпохе революций и войн. К этой новой полосе пролетарских революций и войн капитализм, распрощавшись со своей стабилизацией, несетя с неудержимой силой. Мы не сомневаемся, мы твердо знаем, что новый тур революций и войн будет означать победу пролетариата в ряде важнейших капиталистических стран. Рост компартий, завоевание ими все большего и большего влияния на широчайшие массы рабочих, ослабление влияния социал-демократии в капиталистических странах, колоссальный рост авторитета компартии и разочарование широких масс, шедших за социал-демократией в политике германских социал-фашистов в результате нового предательства социал-демократии, наконец величайший и сказочный рост и укрепление экономического и политического могущества страны социализма — являются залогом того, что победа будет за нами, победит наш класс — пролетариат.

ЭСКИН, Социалистические формы труда (Ленинградское отделение Комакадемии. Партиздат, 1932 г.)

Научный анализ социалистических форм труда, теоретическое осмысление ударного движения — ближайшая задача экономистов-теоретиков. Вполне понятно, что всякая теоретическая работа в этой области встречается с большим интересом. Книжка Эскина написана с претензией дать теоретический анализ социалистических форм труда. Однако это — попытка с негодными средствами.

Эскин начинает свою книгу со скромного заявления о том, что он не претендует на полное разрешение всей суммы затронутых вопросов, что он лишь намечает «основные вехи, пути к разрешению этой сложной и вместе с тем актуальнейшей проблемы».

Ну что же, вехи—так вехи. Были бы только вехи и пути намечены правильно, и на том спасибо.

Но к сожалению вехи и пути намечены неверно.

Совершенно ясно, что только овладение марксистско-ленинской методологией дает полную возможность наметить правильно «пути и вехи» к разрешению этой проблемы, а между тем рецензируемая книжка говорит о том, что ее автор марксистско-ленинской методологией не владеет, что методологические установки он брал из другого источника.

Посмотрим, каковы же вехи и пути нашего автора. Справедливо замечая, что на дискуссии 1930 г. в московской Комакадемии о производительных силах и производственных отношениях были обойдены абсолютным молчанием новые формы труда, наш автор пытается заполнить этот пробел.

Автор начинает устанавливать связь между новыми формами труда и производственными отношениями с анализа противоречий между производительными силами и производственными отношениями. «Но если во всем народном хозяйстве, — пишет Эскин, — противоречие производительных сил и производственных отношений выразилось в наличии и борьбе укладов, то внутри господствующего социалистического сектора это противоречие выступило в иной форме» (стр. 7). Посмотрим, в какой форме выступило противоречие в социалистическом секторе. «Последнее (противоречие — О. Г.) сказалось в старых рутинных формах организации труда, в отношении к труду как к принужденному, привычному ярму, как к средству добыть материальное благо для себя и семьи, которые оказались несовместимыми с новыми, социалистическими отношениями, требующими новых темпов социалистического строительства» (стр. 7).

Как видно из цитаты, Эскин полагает, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом секторе в период перехода от капитализма к социализму существует обособленно, вне связи с противоречиями между укладами, между классами.

Такая установка в корне неверна. Достаточно вспомнить указания т. Сталина на конференции аграрников-марксистов о том, что мы не можем базировать нашу экономику долго на двух основах, чтобы понять антиленинский характер концепции Эскина.

Разве противоречие между развитием производительных сил и производственных отношений в социалистическом секторе не выражалось также в противоречии между секторами? Разве преобладание мелкотоварного сектора в сельском хозяйстве не мешало дальнейшему развитию производительных сил в промышленности и тем самым углубляло это противоречие?

Разве техническая реконструкция в промышленности не требовала социальной реконструкции в сельском хозяйстве, т. е. смены производственных отношений? Разве для смены производственных отношений в сельском хозяйстве не требовалось наряду с наличием социалистических производственных отношений развития производительных сил в промышленности?

Из всего сказанного ясно, что нельзя обособленно рассматривать противоречие между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом секторе, вне связи с борьбой между секторами, между классами.

Однако наш автор не удовлетворяется тем, что сводит противоречие между производительными силами и производственными отношениями в социалистическом секторе к противоречию между социалистическими отношениями и организацией труда, но он считает, что противоречие всей нашей системы проявляется таким образом.

«Подведем некоторые итоги, — пишет Эскин (и вот итоги — О. Г.) — Противоречие нашей системы хозяйства выразилось в несоответствии между уровнем производительных сил, унаследованных от помещичье-капиталистического строя, и созданными Октябрьской революцией социалистическими производственными отношениями, оно выступило в виде несоответствия старой формы организации труда и унаследованных от капитализма трудовых пропорций новому типу социалистических отношений» (стр. 45—46).

Итак, по Эскину, противоречие всей нашей системы хозяйства (разрядка наша — О. Г.) выступает как противоречие между старыми формами труда и социалистическими производственными отношениями. К этому противоречию Эскин сводит все противоречие, его он жует и пережевывает на протяжении всей книги.

Встает вопрос, существует ли на наших социалистических предприятиях социалистическая организация труда или не существует и возникла ли социалистическая организация труда вместе с возникновением социалистических производственных отношений? По Эскину, как видно из приведенной выше цитаты, организация труда в социалистическом секторе является старой, рутинной. Но может быть это случайная формулировка, и она не показательна для всей концепции автора?

Совершенно нет, это основа его концепции.

Автор даже устанавливает, что старые капиталистические формы труда мешают внедрению плановости.

«А между тем фактом, препятствующим внедрению плановости, являлись тяготящие над нами старые, унаследованные от капитализма рутинные формы организации труда (разрядка наша — О. Г.), навыки отношения рабочих к труду, к средствам производства, которые складывались десятилетиями на почве капиталистической кооперации под командой и суровой эксплуатацией капиталиста» (стр. 8).

Значит, в нашей промышленности существовали старые, капиталистические формы организации труда.

В другом месте автор еще острее ставит этот вопрос.

«Организация труда, корнями своими уходящая в прошлое капитализма, оказалась в непримиримом противоречии с социалистическими отношениями» (разрядка наша — О. Г.).

Какая организация оказалась в непримиримом противоречии с социалистическими отношениями? Из цитаты видно, что не социалистическая, а та, которая уходила корнями в прошлое капитализма, короче говоря — капиталистическая.

Значит, в нашей социалистической промышленности при социалистических производственных отношениях существовала капиталистическая организация труда.

Не напоминает ли, т. Эскин, ваша установочка кое-что из троцкистских теорий

по поводу характера нашей промышленности? Вспомним, что говорил Каменев на XIV съезде партии:

«Правильное понимание нашей госпромышленности в том, что наши предприятия действительно последовательно социалистического типа, ибо они являются собственностью рабочего государства. Но они далеко не являются законченными социалистическими предприятиями, потому что отношения людей, организация труда (разрядка наша — О. Г.), форма зарплаты, работа на рынок не делают их элементами (разрядка наша — О. Г.) развернутого социалистического хозяйства. По отношению к средствам производства они социалистические, по отношению людей — нет».

Каменев извратил марксизм-ленинизм уже тем, что он рассматривает отношения людей в производстве вне их отношения к средствам производства, между тем как производственные отношения и есть отношения людей к средствам производства.

Отношением людей к средствам производства определяется их роль в общественной организации труда.

Но Каменев считает, что именно организация труда не делает наши предприятия даже элементами социалистического хозяйства. Хотя Эскин считает наши предприятия социалистическими, но по вопросу о характере организации труда в наших предприятиях его позиция целиком сходится с позицией Каменева.

Для того чтобы вскрыть ошибочность концепции Эскина, необходимо установить, что мы понимаем под организацией труда. Марксизм-ленинизм учит, что в основе всякой организации труда лежит прежде всего способ соединения средств производства с рабочей силой.

В капиталистическом обществе рабочая сила и средства производства разъединены. Соединение происходит в руках капиталиста в форме бытия капитала.

Сущностью капиталистической организации труда является наемный труд, эксплуатация. Организация труда есть не что иное, как организация эксплуатации.

Капиталистическая организация труда есть выражение содержания капиталистических производственных отношений, их классово антагонистического характера.

Подчеркивая антагонистический характер организации труда на капиталистическом предприятии (рабочий — объект эксплуатации, придаток машины), Маркс и Энгельс указывают на противоречие между этой организацией труда и стихийной организацией труда в капиталистическом обществе в целом.

Противоречие между организацией (разделением) труда в обществе и макуфактуре есть выражение главного противоречия капитализма, противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Только на основе учения Маркса, Энгельса и Ленина о сущности капиталистической организации труда можно правильно понять сущность организации труда в социалистической промышленности переходного периода.

Встает вопрос, какая это организация труда? Капиталистическая, социалистическая или может быть переходная?

Организация труда на наших предприятиях характеризуется прежде всего восстановлением единства между средствами производства и рабочей силой на основе объединения средств производства в руках рабочего класса.

«Социалистическая организация труда, — писал Маркс в «Критике Готской программы», — предполагает революционное преобразование в обществе».

Если средства производства находятся в руках рабочего класса, то роль этого класса в общественной организации труда коренным образом меняется, рабочий класс из объекта эксплуатации, рабочий из придатка машины становится организатором, руководителем производства.

Связь между изменением отношения к средствам производства (т. е. производственных отношений) и роли людей в общественной организации труда самая непосредственная, потому что организация труда входит в самое содержание производственных отношений. Эта связь становится особенно ясной, если вспомнить, что писал Ленин о классах.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда (разрядка наша — О. Г.), а следовательно по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹.

Ленин одним из признаков того или иного класса считает его роль в общественной организации труда, которая определяется отношением к средствам производства.

Роль рабочего класса в организации труда в нашей промышленности коренным образом изменилась, класс эксплуататоров уничтожен. Разве уже этого недостаточно, чтобы сказать, что организация труда в корне изменилась? Но может быть у нас существует еще капиталистическое противоречие между организацией труда в обществе и организацией труда на предприятии?

Обобществление труда и планомерная его организация в общегосударственном масштабе уничтожили это противоречие.

Если некая планомерность на капиталистическом предприятии подчиняется рыночной стихии в обществе, то в социалистической промышленности план каждого предприятия подчиняется общему плану.

Планомерная организация труда на наших предприятиях состоит еще в том, «что миллионы людей начинают руководствоваться в своей деятельности единым планом» (Ленин).

Рабочий из объекта эксплуататорского плана превращается в субъекта социалистического планирования. Социалистическая организация труда возникает на наших предприятиях вместе с возникновением социалистических производственных отношений, так как вместе с этим меняется роль рабочего класса в общественной организации труда. Сущность социалистической организации труда состоит в обобществлении труда в общегосударственном масштабе и планомерной его организации, в изменении на этой основе роли рабочего класса в процессе производства.

Итак, мы установили, что социалистическая организация труда возникла в социалистической промышленности вместе с возникновением социалистических производственных отношений.

В своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал: «Экономика переходного периода в России означает борьбу коммунистически объединенного труда с мелкотоварным и развивающимся на его базе капиталистическим хозяйством».

«Труд в России объединен коммунистически» — пишет Ленин и обосновывает это тем, что средства производства находятся в руках пролетарского государства.

Следовательно коммунистическая, верней социалистическая, как пишет Ленин в другом месте, организация труда возникает вместе с возникновением социалистических производственных отношений. Борьба идет между социалистической организацией труда и организацией труда капиталистического и мелкотоварного хозяйства. Противоречие экономики переходного периода есть прежде всего противоречие между классами, между секторами хозяйства. Это противоречие разрешается тем, что ведущий социалистический сектор руководит переделкой мелкотоварного в острейшей классовой борьбе с остатками эксплуататорских классов.

¹ Ленин, т. XVI, изд. 1-е, стр. 248.

Эта переделка идет по линии борьбы за новую, социалистическую организацию труда.

Таким образом противоречие нашей системы состоит не в противоречии между организацией труда и социалистическими производственными отношениями, а в противоречии между социалистическими производственными отношениями, социалистической организацией труда и производственными отношениями, организацией труда мелкотоварного и капиталистического хозяйства.

Возникновение социалистической организации труда означает, что произошла «великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом планомерно организованным в общегосударственном масштабе» (Ленин).

Смена труда подневольного трудом на себя создает все возможности для возникновения новой трудовой дисциплины, нового отношения к труду, более высокой производительности труда.

Социализм побеждает капитализм тем, что создает более высокий тип организации труда и обеспечивает высшую его производительность.

Важнейшими признаками социалистической организации труда являются новое отношение к труду, социалистическая трудовая дисциплина, высшая производительность труда.

Означает ли это, что пока нет нового отношения к труду, новой трудовой дисциплины у большинства рабочих, нет и социалистической организации труда? Если верить Эскину, то до массового движения социалистического соревнования и ударничества социалистической организации труда не существовало. Только в ударничестве преодолевается вездесущее противоречие Эскина, противоречие между старой организацией труда и новыми, социалистическими отношениями. Вот что он пишет по этому поводу:

«Выше мы указывали, что ударничество возникло как форма преодоления противоречия между старыми формами организации труда и новым способом соединения рабочей силы со средствами производства» (стр. 16).

Автор ставит себе задачу на основе анализа результатов работы ударников показать «роль и значение ударного движения как фактора преодоления противоречия между старой формой организации труда и новыми, социалистическими отношениями...» (стр. 17).

И вот начинается игра в противоречия. Все многообразие форм социалистического соревнования автор рассматривает под углом зрения указанного выше противоречия.

«Более высокие формы социалистической кооперации, — пишет Эскин, — мыслимы лишь (разрядка наша — О. Г.) как продукт развития самой ударной бригады» (стр. 27).

Более высокий тип социалистической кооперации, а значит и ударной бригады определяется, по Эскину, не развитием производительных сил и социалистических производственных отношений, а саморазвитием ударной бригады. Углубляясь в «анализ» этого саморазвития, наш автор объявляет, что ограниченность ударной бригады преодолевается на основе ее саморазвития — хозрасчетной бригады («такой выход из противоречия подготовлен развитием самой ударной бригады») (стр. 27).

Не успокаиваясь на этом, автор начинает «преодолевать» противоречия внутри хозрасчетных бригад. Какие противоречия и как они преодолеваются, послушаем автора.

«Таким образом недостатки внутри бригады (планирование лишь в виде элементов и в зародышевой форме) преодолеваются присущими ей достоинствами — коммунистическим отношением к труду, повышением организаторской роли рабочего класса, наличием элементов плановости» (стр. 28).

Итак, недостатки планирования преодолеваются наличием элементов плановости. Это то же самое, что сказать — недостатки разума преодолеваются наличием элементов разума.

Такими формами соцсоревнования, которые преодолевают ограниченность хозрасчетной бригады, автор считает планово-оперативные бригады, сквозные бригады, общественный буксир и встречный план.

Социалистическая кооперация, по мнению автора, не мирится с внутренней ограниченностью хозрасчетной бригады и через встречное планирование преодолевает его.

Вместо развернутого анализа природы высшей формы социалистического соревнования — хозрасчетной бригады, вместо анализа творческого многообразия социалистических форм труда в их взаимной связи, в их единстве автор рассматривает эти формы обособленно как противостоящие друг другу. Между тем действительно отсталые формы социалистического соревнования, носители мелкобуржуазной уравниловки, как коммуны и коллективы, в этой связи автором не анализируются. А ведь ограниченность коммун и коллективов, скажем словами автора, была преодолена хозрасчетными ударными бригадами.

Автор, как опытный жонглер, играет выдуманным им противоречием, то поднимая его высоко, то спуская в бездну, то перебрасывая, как мяч, между формами социалистического соревнования.

Основной задачей этого жонглирования является показать, как в ходе развития социалистических форм труда все снова и снова преодолевается противоречие между старыми формами организации труда и социалистическими производственными отношениями.

Итак, наш автор устанавливает, что до массового движения ударничества организация труда была старая, рутинная и т. д. Только с развитием соцсоревнования организация труда стала социалистической. К сожалению он не одинок. Тов. Залкинд в своем выступлении по докладу т. Маркуса в Комакадемии говорила нечто сходное с концепцией Эскина. Социалистическая организация труда, говорила т. Залкинд, не возникает одновременно с возникновением социалистических производственных отношений. «Несомненно, мы имеем при социалистических производственных отношениях все объективные условия социалистической организации труда. Но чтобы при социалистических отношениях была социалистическая организация труда, необходимо наличие ряда субъективных факторов»².

Под субъективными факторами она понимает изменение отношения к труду, новую трудовую дисциплину.

Пока не произошла коренная смена взгляда на труд у большинства рабочих, существует только объективная возможность социалистической организации труда, но в действительности ее не существует.

На этом сходится т. Залкинд с Эскиным. Встает вопрос, изменилась ли роль людей в общественной организации труда в связи с возникновением социалистических производственных отношений? Очевидно изменилась. С этим вероятно согласятся тт. Залкинд и Эскин. Ну а если роль людей в общественной организации труда изменилась, если рабочий перестал быть придатком машины, объектом эксплуатации, то разве это не означает, что возникла новая организация труда и эта новая организация труда есть социалистическая организация труда?

Социалистическая организация труда в переходный период не может возникнуть сразу в развернутом виде, с развитыми признаками, ей свойственными. Изменение отношения к труду, новая трудовая дисциплина не возникли сразу у большинства рабочих. Однако ростки этой новой дисциплины имелись уже в первые годы революции. Достаточно вспомнить, что писал Ленин о коммунистических субботниках, как призывал партию беречь эти ростки социализма, ростки социалистических форм труда.

Воспитание новой трудовой дисциплины Ленин считал одной из форм классовой борьбы в переходный период. Это есть борьба сознательных рабочих, изме-

² «Борьба на два фронта в области труда», стр. 103—104.

нивших свое отношение к труду, с мелкобуржуазным отношением к труду отдельных групп рабочих, чаще всего пришедших на завод из среды мелкой буржуазии.

Массовое движение соцсоревнования, ударничества, коренное изменение взгляда на труд означают, что социалистическая организация труда победила мелкобуржуазное отношение к труду и тем самым получила дальнейшее развитие основных своих признаков.

Социалистические производственные отношения, социалистическая организация труда, раз возникшая в результате революционного преобразования общества, имеют свое внутреннее движение, внутреннее развитие. Это развитие происходит в ходе классовой борьбы с мелкобуржуазной и остатками капиталистической организации труда. Именно в этой борьбе произошло коренное изменение взгляда на труд у большинства рабочих. Капиталистическая организация труда также не возникает сразу в развитом виде со всеми свойственными ей признаками.

Капиталистическая организация труда характеризуется капиталистической трудовой дисциплиной — дисциплиной голода. Голод гонит рабочих на фабрики и заводы. Они «добровольно» продают свою рабочую силу. Но на заре своего развития капитализм еще прибегал к дисциплине палки, так как экспроприированные трудящиеся массы нелегко шли на каторжные условия труда на фабриках. Законами о бедных, о рабочем дне английское правительство помогало капиталистам построить капиталистическую дисциплину труда. Капиталистическая организация труда являлась и является организацией эксплуатации от начала и до конца капитализма. Однако нельзя сказать, что эта организация труда от первых фабрик до Форда не имела своего внутреннего развития. Приемы и методы эксплуатации менялись. Эксплуатация становилась все более утонченной.

Развитие капиталистической организации труда отражает внутреннее развитие капиталистических производственных отношений. Последние, не меняя своего принципиального характера, имеют свое внутреннее движение на основе все большего объединения средств производства и обобществления труда.

Социалистическая организация труда и социалистические производственные отношения от начала переходного периода до окончательного построения социалистического общества имеют ряд этапов в своем внутреннем развитии. Социалистические производственные отношения и социалистическая организация труда не становятся сразу преобладающими во всех частях народного хозяйства. Движение вперед идет за счет социальной реконструкции в тех областях хозяйства, которые ранее не были социалистическими.

Социалистическая реконструкция в сельском хозяйстве требует технической реконструкции в промышленности. Развитие производительных сил и производственных отношений в социалистическом секторе обеспечивает переворот в социальных отношениях, в организации труда в бывшем мелкотоварном секторе.

Изменение на основе развития производительных сил и производственных отношений взгляда на труд, т. е. изменение в сознании людей, в свою очередь влияет на развитие социалистических производственных отношений бытия. Связи между людьми в процессе производства с возникновением социалистических форм труда меняются в смысле развития социалистического характера этих связей на основе социалистического отношения к средствам производства.

Важнейшими признаками социалистической организации труда является более высокая по сравнению с капитализмом производительность труда. Высшая производительность труда—продукт общественного развития. Она обусловлена ростом производительных сил, системой производственных отношений. Организация труда в переходный период является и не может не являться фронтом классовой борьбы за высшую производительность труда. Производительность труда как продукт общественного развития в свою очередь становится условием этого

развития. Поэтому нельзя сказать, что социалистическая организация труда возникает лишь тогда, когда создана повсюду более высокая производительность труда.

Возникновение социалистических производственных отношений и социалистической организации труда обеспечивает полную возможность создания более высокой, нежели при капитализме, производительности труда. Мы имеем уже большие достижения в этой области. За первую пятилетку производительность труда в промышленности выросла на 40%. Но мы несомненно имеем все возможности более быстрого роста. Мы далеко отстаем от наших возможностей. Вполне реальные планы роста производительности труда последних лет не выполняются.

Январский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указал как на главную задачу второй пятилетки — на повышение производительности труда.

«Узел задач промышленности в 1933 г., — говорит т. Молотов, — лежит в плоскости поднятия производительности труда. Это основной и центральный вопрос».

Несмотря на то, что мы имеем массовое соцсоревнование и ударничество, борьба за высшую производительность труда, за социалистическую трудовую дисциплину ни в коей мере не прекратилась. Изменился коренным образом взгляд на труд у большинства рабочих, но остались еще группы рабочих, у которых живы старые привычки, мелкобуржуазное отношение к труду. Поэтому основной центральный вопрос социалистического строительства — рост производительности труда — будет разрешен в ходе классовой борьбы за новое отношение к труду. Освоение новых заводов, овладение новой техникой производства — необходимое условие для быстрого роста производительности труда. За первую пятилетку пролетариат достиг колоссальных успехов в деле овладения техникой и наукой производства. Эти успехи будут особенно выпукло видны, если вспомнить, с каким трудом разрешались сравнительно простые задачи восстановления промышленности в первые годы после гражданской войны. Однако этих успехов для разрешения задачи серьезного роста производительности труда во вторую пятилетку недостаточно.

Требуется решительное продвижение вперед в деле овладения техникой новых заводов, требуется настойчивая борьба за овладение техникой.

Овладение наукой и техникой производства есть одно из условий социалистической организации труда. В «Великом почине» Ленин писал: «Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, свержение буржуазии и подавление ее сопротивления, во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также мелкобуржуазные слои на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство»³.

Здесь Ленин подчеркивает, что борьба за новую организацию труда является одной из главных задач для обеспечения победы социализма. Сознательные работники, труд которых организован социалистически, должны повести за собой всех трудящихся на путь социалистической организации труда. Одним из условий победы социалистически объединенного труда является овладение наукой и техникой производства. Пролетариат должен овладеть последними достижениями капиталистической науки и техники, чтобы полностью, по-новому организовать труд. Но это отнюдь не означает, что до тех пор, пока пролетариат не овладел полностью, во всех областях наукой и техникой производства, социалистической организации труда вообще не существует. Победы пролетариата на фронте техники означают, что победил «коммунистический объединенный

³ Ленин, т. XVI, изд. 1-е, стр. 251.

труд», что социалистическая организация труда получила свое дальнейшее развитие.

Организация труда представляет собой единство производительных сил и производственных отношений. Она непосредственно отражает уровень развития производительных сил и внутреннюю структуру производственных отношений. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями находят свое отражение в развитии организации труда.

Завершение построения фундамента социализма, вступление в период социализма стало возможным на основе роста производительных сил, развития социалистических производственных отношений и организации труда. Именно в этот период наряду с крупнейшими достижениями в области овладения техникой произошло коренное изменение отношения к труду. То, что организация труда представляет собой единство производительных сил и производственных отношений, совсем не означает, что организацию труда можно отнести к производительным силам, а между тем Эскин относит организацию труда целиком к производительным силам.

«С какого конца началась ломка производительных сил, не соответствующих социалистическим производственным отношениям? Со стороны изменения качества самой рабочей силы, со стороны изменения в организации этого важнейшего элемента производительных сил... новая производительная сила стала складываться в форме социалистической кооперации труда. Переворот в имущественных отношениях естественно сопровождается началом переворота в технических отношениях» (стр. 48).

И дальше:

«В форме ударничества начало переворота в технических отношениях, обусловленное социалистической формой производства, получает свое дальнейшее развитие и углубление» (стр. 49).

Во-первых, неверно, что ломка производительных сил (т. е. рост) идет со стороны качества рабочей силы. Качество рабочей силы меняется наряду с изменением техники производства. Овладение наукой и техникой производства со стороны рабочего класса есть одновременно изменение качества рабочей силы. Эти процессы нельзя рассматривать обособленно.

Во-вторых, неправильно целиком отнести организацию труда к производительным силам, тогда как организация труда есть выражение производственных отношений.

В-третьих, организация труда и производительные силы механически сведены к технике, верней к техническим отношениям (термин выдуман автором и очень неудачно).

В-четвертых, автор ухитрился социалистическую кооперацию и возникновение социалистических форм труда считать началом переворота в «технических отношениях», как будто возникновение социалистической кооперации труда и развитие ее в форме ударничества не означает возникновение и развитие социалистических производственных отношений. Социалистическая организация труда является условием дальнейшего развития техники, определенные формы кооперации в свою очередь возникают на определенной ступени технического развития. Но социалистическая кооперация как обобществление труда и планомерная его организация в общегосударственном масштабе не может быть сведена ни к технике, ни к «техническим отношениям», ни к форме технического переворота.

Ударничество не может быть сведено к перевороту в «технических отношениях», так как оно есть прежде всего переворот в сознании людей (взгляд на труд), что получило свое отражение в развитии социалистических производственных отношений и производительных сил.

Кстати, на счет термина «технические отношения». Автор сводит к техническим отношениям даже отношения эксплуатации, считая последнюю технической функцией. Отношения между людьми в процессе производства не есть технические отношения. Они есть производственные, общественные отношения. В этих отношениях лишь отражается уровень развития техники.

Критикуя Бухарина за механическое отождествление производительных сил с техникой и сведение производственных отношений к техническим и желая показать, что он борется на два фронта, Эскин пишет:

«К такому же роду оппортунистической практики прокладывает себе дорогу идеалистический отрыв производственных отношений от производительных сил и абсолютное противопоставление технических отношений производственным» (стр. 68).

Формальная критика механистов не убедительна, поскольку автор сам становится на позицию последних, отождествляя производительные силы, социалистическую кооперацию, социалистические формы труда, с «техническими отношениями».

Чувствуя себя неловко в том, что он отнес кооперацию труда к техническим отношениям, наш автор изворачивается:

«Поэтому лишь условно, — пишет он, — можно назвать отношения в процессе кооперации труда техническими отношениями» (стр. 68).

Хоть условно, да назвать техническими — не терпится нашему автору.

Оказывается, существуют не только «технические отношения», но «технические противоречия».

«С развитием социалистической кооперации углубляется техническое противоречие между крупной социалистической промышленностью и узким техническим базисом, унаследованным от капитализма» (стр. 49).

Из приведенной цитаты совершенно ясно видно, что автор называет техническим противоречием противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Ну, знаете ли, т. Эскин, назвать это противоречие техническим не осмелится даже самый смелый и самый убежденный механист.

Тов. Эскин в своей книжке «Социалистические формы труда» наметил неправильные вехи и пути к разрешению этой проблемы и ни в какой мере проблемы не разрешил.

Вместо конкретного анализа социалистических форм труда, выяснения природы высших форм социалистического соревнования — хозрасчетных бригад — схоластическая игра в противоречия.

Автор ухитрился в книжке о социалистических формах труда обойти полным молчанием шесть условий т. Сталина и не заострить внимания на центральной проблеме социалистического строительства — проблеме роста производительности труда. Автор много рассуждает насчет организаторских функций пролетариата, насчет слияния исполнительских и организаторских функций в хозрасчетных бригадах, но он не обмолвился ни единым словечком в этой связи об единоначалии.

Тов. Эскин пытался дать работу методологического характера, но как раз методологические установки проблемы не верны, так как позаимствованы они у механистов и схоластиков.

Книжку следует признать путанной.

О. Губарева.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
69	8 снизу	торможения извращения	торможения и извращения
	22—21 снизу	производительных	производственных
74	2 снизу	отдельный труд и отличается	отдельные труды и отличаются
78	13 сверху	оберегает	сберегает
78	12 снизу	варварству“	варварству“ (Капитал, т. I, гл. XIII, § 6)
79	6 сверху	освещен-	освящен-
79	12 сверху	поражала	порождала
87	9 сверху	производительной	производства
90	24 сверху	стабилизации, возникали	стабилизации возникли
91	3 сверху	и т. д., тракторы	и т. д. Трактаты
91	22 снизу	капитала,	(капитала)
84	21--22 сверху	самое прогрессивное	само прогрессивное.
96	23 сверху	целое взаимодействие	целое, взаимодействие

Редколлегия: Бутаев К. (ответственный редактор),
Вознесенский Н., Гатовский Л., Кривичий М., Лартигул С., Шурыгин В.

Сдано в производство 1/VI 1933 г. Формат 72×105^{1/16}
Подписано к печати 23/VII 1933 г. Партиздат № 875 Зак. тип. 1389.
Уполн. Главлита В—59016 Объем 12^{1/2} печ. лист. 67 000 зн. в печ. л.
Выпускающий М. Стрельникова Тираж 17250.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)

П А Р Т И З Д А Т

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1933 год
на журнал

История пролетариата СССР

4 НОМЕРА В ГОД

Орган Института истории
Коммунистической академии

Ответственный редактор
А. П А Н К Р А Т О В А

СБОРНИКИ „ИСТОРИЯ ПРОЛЕТАРИАТА СССР“ ведут разработку материалов по истории рабочего класса и рабочего движения СССР, освещают вопросы происхождения пролетариата, социальный состав его, экономическое положение, историю профессиональных и других рабочих организаций, экономическую и политическую борьбу рабочего класса и процесс формирования его идеологии.

Особое внимание в сборниках будет уделяться истории пролетариата и пролетарских организаций в 1917 г. и в период гражданской войны, истории заводов и фабрик и изучению нового в рабочем классе.

В сборниках будут помещаться исследовательские статьи по указанным вопросам; статьи методического характера, документы и материалы центральных и местных архивных фондов, критические статьи, рецензии, обзоры журналов и сводки работ по истории пролетариата СССР.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отделениями, магазинами и киосками Партиздата, уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях, газетными бюро Союзпечати, всеми письменными и почтовыми отделениями. Подписку необходимо сдавать заблаговременно.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 12 мес. — 16 руб.

„ 6 „ 8 „

„ 3 „ 4 „

Цена отдельного номера
4 руб.